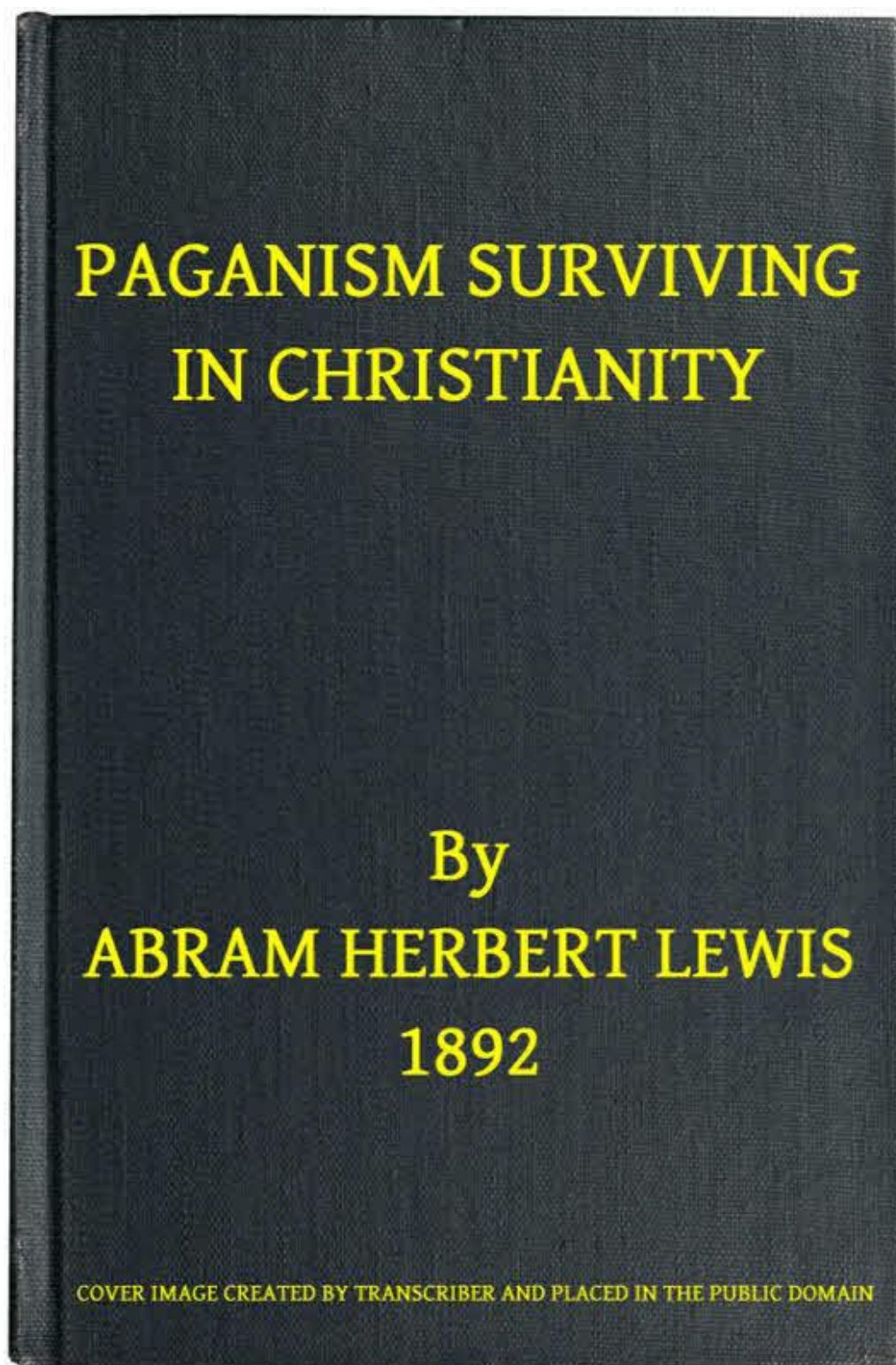

Язычество, выжившее в христианстве

Абрам Герберт Льюис

The Project Gutenberg eBook of Paganism Surviving in Christianity.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Язычество, выживающее в христианстве

Автор: Абрам Герберт Льюис

Дата выхода: 26 февраля 2018 [eBook #56650]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Тургутом Динчером, Крейгом Кирквудом и командой Online Distributed Proofreading Team at <http://www.pgdp.net> (This файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK PAGANISM SURVIVING IN CHRISTIANITY ***

PAGANISM SURVIVING IN CHRISTIANITY

BY

ABRAM HERBERT LEWIS, D.D.

AUTHOR OF "BIBLICAL TEACHINGS CONCERNING THE SABBATH AND THE SUNDAY,"
"A CRITICAL HISTORY OF THE SABBATH AND THE SUNDAY IN THE
CHRISTIAN CHURCH," "A CRITICAL HISTORY OF SUNDAY
LEGISLATION FROM 321 TO 1888, A.D.," ETC.

G. P. PUTNAM'S SONS

NEW YORK

LONDON

27 WEST TWENTY-THIRD STREET

24 BEDFORD STREET, STRAND

The Knickerbocker Press

1892

ЯЗЫЧЕСТВО, ВЫЖИВШЕЕ В ХРИСТИАНСТВЕ

АБРАМ ГЕРБЕРТ ЛЬЮИС, Д.Д.

АВТОР КНИГ "БИБЛЕЙСКИЕ УЧЕНИЯ О СУББОТЕ И ВОСКРЕСЕНЬЕ", "КРИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СУББОТЫ И ВОСКРЕСЕНЬЯ В ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ", "КРИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВОСКРЕСНОМ ДНЕ С 321 ПО 1888 ГОД Н.Э." И ДР.

G. P. PUTNAM'S SONS

НЬЮ-ЙОРК

27 ЗАПАДНАЯ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ УЛИЦА

ЛОНДОН

24 БЭДФОРД-СТРИТ, СТРЭНД

Издательство "Никербокер

1892

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1892 ГОД

АБРАМ ГЕРБЕРТ ЛЬЮИС

Напечатано, отпечатано и переплетено в
Издательство "Никербокер", Нью-Йорк
G. P. Putnam's Sons

ДЖОРДЖУ Х. БЭБКОКУ

КОЛЛЕГЕ ПО ИСТОРИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ И ДРУГУ НА ПРОТЯЖЕНИИ МНОГИХ ЛЕТ,
ЭТОТ ТОМ С УВАЖЕНИЕМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Автор

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Тот, кто судит о первом веке по девятнадцатому, впадает в бесчисленные ошибки. Тот, кто думает, что христианство четвертого века было идентично христианству новозаветного периода, сильно заблуждается. Тот, кто не изучит внимательно историю религий до Христа и языческие влияния, которые окружали младенческое христианство, не сможет понять его последующую историю. Тот, кто не может подняться над деноминационными и

вероучительными ограничениями, не сможет стать успешным исследователем ни истории ранней Церкви, ни современных тенденций, ни будущего развития. История - это ряд результатов, а не череда случайностей. Это история борьбы добра со злом; запись Божьего обращения с людьми. Исторический аргумент" бесценен, потому что история хранит Божьи вердикты относительно человеческого выбора и действий. События и эпохи, переходы и кульминации - это организованные причины и следствия, которые создают непрекращающееся движение и органическое единство, называемое историей. Отсюда мы узнаем, что идеи и принципы, подобно яблокам, имеют свое время для развития и созревания; что пятна греха, слабость заблуждений и влияние истины смешиваются и сохраняются на протяжении веков; что добро и зло, грех и праведность сохраняются или устраняются в той мере, в какой люди внимают голосу Бога и прислушиваются к Его приговорам.

Научное изучение истории выявляет норму, по которой следует проверять идеи, верования, движения и методы. Такой стандарт, по сравнению с философскими домыслами, - гранит по сравнению с песком. Универсальный Божий закон, провозглашенный Христом, гласит: "По плодам их узнаете их".

Попытки приверженцев манипулировать ранней историей в интересах особых взглядов и узких концепций стали плодотворным источником ошибок. Не менее опасным было предположение, что христианство третьего, четвертого и пятого веков было идентично христианству Нового Завета или являлось его достойным представителем. Постоянное развитие новых фактов показывает, что к тому моменту, когда обычный студент берется за историю западного христианства, оно уже было в корне испорчено языческими теориями и практиками. Его развитие с того времени и до наших дней должно изучаться в свете этого факта. Возникновение, развитие, нынешний статус и будущая история римского католицизма и протестантизма не могут быть справедливо рассмотрены в отрыве от этого факта. Фундаментальные принципы и философия, лежащие в основе этих направлений христианства, берут свое начало в язычестве раннего христианства. Этот факт делает повторное изучение истоков христианства чрезвычайно важным. Языческие системы, существовавшие до Христа, оказали контролирующее влияние на развитие первых пяти веков западного христианства, а значит, и всех последующих времен. Эта область была почти "неизвестной землей" для среднего студента, и поэтому не было правильных ответов на многие вопросы, которые возникают, когда мы покидаем семитскую почву и рассматриваем христианство в его отношении к греческой и римской мысли. "Раннее христианство" невозможно понять иначе, как в свете этих мощных дохристианских течений влияния; и современная история не может быть отделена от них.

Данная книга представляет собой скорее наводящий, чем исчерпывающий анализ этих влияний и их воздействия на историческое христианство. Автор стремился сделать книгу, которую могут читать занятые люди, а не ту, объем которой отбросит ее в сравнительную тишину библиотечных полок. На следующих страницах рассматриваются четыре практических момента в христианстве, без попытки войти в область спекулятивного богословия, оставляя это для будущего времени или для пера другого автора - а именно: Влияние языческой мысли на Библию и ее толкование; на организованную Церковь через языческий культ поклонения воде; на практику и духовную жизнь Церкви через замену языческого праздника христианским субботником, через культ поклонения солнцу; и на духовную жизнь и последующий характер Церкви через союз Церкви и государства и подчинение христианства гражданской власти по языческому образцу. Факты не перестают быть фактами, хотя их отрицают и игнорируют. Они не исчезают из поля зрения истории, хотя

люди не могут успокоиться под их осуждением. Я рассматривал в основном факты, уделив лишь немного места "выводам". Я писал для тех, кто вдумчив и серьезен; кто хочет знать, каким было прошлое, чтобы лучше понять обязанности настоящего и разворачивающиеся проблемы будущего. Такие люди не будут читать следующие страницы с вялым интересом или беспечными глазами.

Затронутые вопросы выходят за рамки деноминационных границ или границ вероучений. Они представляют особый интерес для протестантов, поскольку затрагивают не только причины восстания против римского католицизма, но и будущие отношения этих разделенных христианств друг с другом и с Библией. В рассматриваемых здесь вопросах напрямую затрагивается вопрос о верховном источнике авторитета в религии. Это определенный и живой вопрос, от которого нельзя отмахнуться. На этом пороге автор выражает приветствие, которое каждый искатель фактов и фундаментальных истин оказывает коллегам-исследователям.

Абрам Герберт Льюис.

Комната 100, Библейский дом,
Нью-Йорк, май, 1892 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

ГЛАВА I.

Остатки язычества в христианстве

1

Предварительный обзор - Воображаемое прошлое - Проблема между протестантизмом и романизмом - Общие свидетельства относительно языческих элементов в христианстве: Дайер, Лорд, Тиле, Бароний, Полидор Вергилий, Фоше, Мюссар, Де Шуль, Висман, Миддлтон, Макс Мюллер, Пристли, Тебо, Хардвик, Мейтланд, Сеймор, Ренан, Киллен, Фаррар, Меривейл, Вестропп и Уэйк, Лехлер.

ГЛАВА II.

Языческие методы толкования Писания

31

Контраст между христианством Нового Завета и христианством последующих веков - гностицизм и аллегорическое толкование - свидетельства Харнака и Бауэра об "эллинизации христианства" - Шлягер о "языческой экзегетике" - "Отцы" как аллегористы; Юстин, Климент Александрийский, Варнава и другие - примеры: "Красная телица как прообраз Христа"; "Духовное обрезание"; "Писательское значение пищи"; "Крест в Ветхом Завете"; "Почему существует сто пятьдесят псалмов?"; "Феникс как прообраз воскресения"; "Гностическое толкование Декалога"; "Типы Христа"; различные примеры из Августина.

ГЛАВА III.

Азиатское языческое поклонение воде

71

Фундаментальная порча христианского крещения через языческое водопоклонство - "Крещенская регенерация", продукт язычества-духовная чистота, которой добиваются через языческое крещение - свидетельства Ямблика, Вергилия, Овидия, Геродота,

Крещение и поклонение змеям - Крещение и египетское поклонение солнцу - Священный Нил - Распространенность поклонения воде в Индии - Священные колодцы - Священные реки - Современный буддистский и современный индуистский баптизм.

ГЛАВА IV.

Поклонение воде в Северной Европе и Мексике

98

Поклонение воде, распространенное во многих отношениях и связанное со священными сезонами - Крещение младенцев у скандинавов и тевтонов - Языческое "крещение детей" - Священная вода как защита от болезней и т.д. - Добродетель воды, используемой в механических целях - Водяные спрайты - Сходство между римским католицизмом и язычеством Мексики - Крещение ацтеков - Молитва о "крещенском возрождении" ребенка мексиканской акушеркой.

ГЛАВА V.

Греческое поклонение воде

112

Орошение и погружение в воду - важность "крещения" - люстральная вода на дверях храма - крещение животных - влияние "греческих мистерий" на христианское крещение - инициационное крещение - сценические иллюстрации - митраистское крещение, переделанное из греческого - "Символ веры", взятый из греческого культа поклонения воде - идентичность греческой и римско-католической форм - использование плевка в языческом крещении.

ГЛАВА VI.

Языческое поклонение воде, перенесенное в христианство

128

Свидетельства Тертуллиана, Варнавы, Юстина, Мефодия, Апостольских конституций и т. д.-Святая вода или повторное крещение, заимствованное без изменений - Магические эффекты святой воды, одинаковые как в христианской, так и в языческой культуре -Крещение животных святой водой , чтобы произвести магические результаты -Святая вода, приготовленная по языческому методу -Освящение крещенской воды, заимствованное из языческого сочетания поклонения солнцу и воде -Церковь наполнилась крещеными, но необращенными язычниками, и таким образом перешла под языческий контроль.

ГЛАВА VII.

Языческое солнцепоклонство

156

Поклонение солнцу - древнейшая и наиболее распространенная форма язычества - гностическое антиномианство или беззаконие - антииудаизм, в основном языческого происхождения - антисаббатизм и соблюдение воскресенья синхронны - антизаконие и антисаббатизм неписаны - учение Христа о Законе Божьем; учение Павла о том же - разрушительное влияние языческого беззакония на христианство.

ГЛАВА VIII.

Соблюдение воскресенья, неизвестное христианству до середины II века

171

Ошибочные представления о начале соблюдения воскресенья - Отсутствие воскресенья в Новом Завете - Воскресенье упоминается только три раза - О нем никогда не говорится ни как о субботе, Библия не утверждает, что Христос воскрес в воскресенье - Христос и Его ученики всегда соблюдали субботу - Изменение субботы неизвестно в Новом Завете - Суббота никогда не называлась "еврейской" в Писании, ни у одного писателя до тех пор, пока язычество не вторглось в Церковь - Происхождение соблюдения воскресенья найдено в язычестве - Первое упоминание о соблюдении воскресенья около 150 г. н.э.Ни один писатель первых веков не утверждал, что его

соблюдение обосновано Писанием - языческие причины и аргументы, приводимые в его поддержку; день "потворства плоти" - придуманные Писанием основания, *постфактум*.

ГЛАВА IX.

Государственная религия как языческий институт

188

Отношение Христа к государству - римская концепция религии как департамента государства - римское гражданское право создавало и регулировало все религиозные обязанности - влияние языческой доктрины религиозного синкретизма на христианство - император как полубог, имеющий право на поклонение и, *по должности*, верховный авторитет в религии - глубокая порча римской морали и социальной жизни под влиянием языческой государственной религии.

ГЛАВА X.

Государственный контроль над христианством при Константине и его преемниках

203

Новая эпоха в язычестве христианства - язычество ищет нового бога, достаточно сильного, чтобы спасти империю - Константин не "христианский император", но суеверный, корыстный и амбициозный - убийство своих родственников при продвижении христианства как растущего политического влияния - стремление к христианству в основном для достижения амбициозных целей - исповедание христианства только на смертном одре - извлечение выгоды из обоих миров - Константин испортил и извратил христианство больше, чем помог ему.

ГЛАВА XI.

Законодательство Константина в отношении языческого воскресенья

217

Все его толерантное законодательство по сути своей языческое - христиане не искали законов о воскресеньях - первый закон о воскресеньях 321 года н. э., языческий во всех отношениях - по сути своей идентичный существующим законам о других днях - законодательство против языческих религий слабое и неисполнимое - Константин не был "христианским князем".

ГЛАВА XII.

Другие формы языческого остатка в христианстве

231

Низкий уровень религиозной жизни - вера в реликвии - крест как древний языческий (фаллический) символ - "талисман", заимствованный из язычества - использование Константином составного символа в качестве военного штандарта - распространенность веры в "талисманы" - крестное знамение при крещении - крещение и святая вода как "талисманы" - потрясающие чудеса, подобные языческим, через крещение - отсроченное крещение - ориентация при крещении и т. д.

ГЛАВА XIII.

Продолжение той же темы

263

Свет в поклонении - поклонение "на восток" - пасхальные костры - белтанские или вааловы костры - покаяние - мариолатрия - месса - чистилище и молитвы за умерших - петровские ключи - Рождество - Пасха - Великий пост и т. д.

ГЛАВА XIV.

Пять выводов. Основопологающие принципы протестантизма, затрагиваемые в современных вопросах

282

Протестанты должны принять Библию *как фактически*, так и теоретически, или быть низвергнутыми - Библия должна быть заново истолкована в свете "высшей критики" и

более глубокой духовной жизни - Современные тенденции в изучении Библии знаменуют собой открытие второго этапа протестантского движения - Крещение должно перестать быть мячом для деноминационной полемики и быть поднято до вопроса послушания примеру Христа - Протестанты должны вернуться к субботе, Христианизированная Христом, и к истинному саббатизму, который является таким же неконфессиональным, как и вера - Такой саббатизм и Божья суббота должны быть восстановлены на том месте, с которого их согнали языческий но-саббатизм и языческое воскресенье - "Субботнее" законодательство нехристианское - Любой союз христианства с государством должен уступить нормальному развитию истинного протестантизма.

Указатель

301

ЯЗЫЧЕСТВО В ХРИСТИАНСТВЕ.

ГЛАВА I. ОСТАТКИ ЯЗЫЧЕСТВА В ХРИСТИАНСТВЕ.

Предварительный обзор - воображаемое прошлое - проблема между протестантизмом и романизмом - общие свидетельства относительно языческих элементов в христианстве: Дайер, Лорд, Тиле, Бароний, Полидор Вергилий, Фоше, Мюссар, де Шуль, Висман, Миддлтон, Макс Мюллер, Пристли, Тебо, Хардвик, Мейтланд, Сеймор, Ренан, Киллен, Фаррар, Меривейл, Вестропп и Уэйк, Лехлер.

Предварительный обзор тем более необходим, чтобы не дать широкому читателю возможности компетентно выслушать и справедливо рассмотреть факты истории. Неосознанно люди думают, что самое раннее христианство было похоже на то, которое они исповедуют. Они измеряют ранние века по своим собственным. Их церковь, ее доктрины, формы, вероучения и обычаи предстают как представитель всего христианства. Кажется "грубым пробуждением" просить людей поверить в то, что в их вере или в обычаях их отцов есть "языческий остаток". Средний христианин должен пройти через процесс расширения, прежде чем он сможет справедливо рассматривать такой вопрос. К несчастью, есть слишком много тех, кто не желает пройти через такое расширение своего религиозного и исторического горизонта, которое сделает их компетентными для рассмотрения тех фактов, с которыми должен столкнуться каждый серьезный студент, изучающий историю. Но христианин, верящий в бессмертие истины и в уверенность в ее торжестве, будет рад любым фактам, даже если они могут изменить принятое им до сих пор вероучение.

Один из авторов "Эдинбургского обозрения" и "Критического журнала", комментируя пересмотренные тома епископа Лайтфута об *Игнатии* и *Поликарпе*, говоря о тенденции судить о ранних веках по нашим собственным, тем самым искажая наши выводы, заявляет:

"Опасность таких исследований заключается в том, что трудно устоять перед искушением нарисовать картины воображаемого прошлого; а страсть к переносу в прошлое особенностей более поздних времен можно лучше всего исправить, если помнить о полной непохожести первого, второго или третьего веков на то, что существует сейчас в любой части мира".

Протестанты в Соединенных Штатах плохо подготовлены к рассмотрению столь важного вопроса, как тот, который рассматривается в этой книге, потому что они не рассмотрели тщательно факты, касающиеся их отношений с римским католицизмом. Англо-римские споры в Англии в начале нынешнего века на некоторое время сделали вопрос о язычестве в христианстве заметным. Но дискуссия была настолько пристрастной и противоречивой, что не могла привести к наилучшим результатам. Истина была сильно затуманена решительными усилиями протестантских писателей показать, что языческий остаток находится в католической церкви; в то время как факты показывают, что не было бы никакой римско-католической церкви, если бы язычество не подготовило путь для ее развития, развратив самое раннее христианство. Факты с не меньшей очевидностью свидетельствуют о том, что протестантизм сохранил многое из язычества, унаследовав его. Теоретически протестантизм означает полное уничтожение остатков язычества; практически эта работа только начата. Она должна быть доведена до конца, иначе неизбежный откат назад, историческое "подводное течение" вновь сделает протестантское движение романизированным. Ожидания и цели римского католицизма указывают на такой результат.

В этой главе мы проведем общий обзор этой области, как она видится людям разных школ, чтобы читатель был лучше подготовлен к более конкретному рассмотрению предмета.

Дайер сказал:

"Первые римляне, обратившиеся в христианство, по-видимому, имели весьма неадекватное представление о возвышенной чистоте Евангелия и воспринимали странное смешение языческого идолопоклонства и христианской истины. Император Александр Север, который впитал от своей матери Маммеи необыкновенное уважение к христианской религии, как говорят, поместил в своей домашней часовне изображения Авраама, Орфея, Аполлония и Христа, как четырех главных мудрецов, которые наставляли человечество в методах поклонения Верховному Божеству. Сам Константин, первый христианский император, был глубоко пропитан суевериями язычества; он был понтификом Максимом, и лишь за некоторое время до своей смерти был официально принят через крещение в христианскую церковь. Он был особенно предан Аполлону и пытался примирить своих языческих и христианских подданных тем уважением, которое, как казалось, питал к обоим. Эдикт, предписывающий торжественное соблюдение воскресенья, был дополнен в том же году[1] другим, предписывающим, чтобы в случае удара молнии во дворец или любое другое общественное здание регулярно обращались к гарусникам".[2]

В аналогичном ключе профессор Лорд высказывается еще более решительно:

"Но церковь была не только пропитана заблуждениями языческой философии, но и переняла многие церемонии восточного богослужения, которые были одновременно мелочными и великолепными. Если что и отличало первобытную церковь, так это простота поклонения, отсутствие церемоний, праздников и пышных обрядов. В четвертом веке церкви стали такими же внушительными, как старые храмы идолопоклонства. Праздники стали авторитетными; сначала они были немногочисленными и добровольными. Предполагалось, что когда христианство вытеснило иудаизм, обязательство соблюдать обряды Моисеева закона было отменено. Ни апостолы, ни евангелисты не налагали на себя иго рабства, но оставили Пасху и все остальные праздники на откуп благодарности получателей благодати. Изменение мнения в четвертом веке вызвало суровое осуждение историка Сократа, но было бесполезно останавливать течение века. Праздники стали частыми и внушительными. Народ прилепился к ним, потому что они давали возможность отдохнуть от трудов и возбуждали. В древних рубриках упоминаются только Страсти, Пасха, Белокуриха,

Рождество и Сошествие Святого Духа. Но затем последовали празднования смерти Стефана, памяти святого Иоанна, убийства невинных, праздников Богоявления, Сретения и других, пока в католической церкви на каждый день в году не появился праздник какого-нибудь святого или мученика. Они способствовали возникновению тяги к внешней религии, которая обращалась к чувству и чувствительности, а не к сердцу. Они привели к бесчисленным ссорам и спорам по несущественным поводам, особенно в связи с празднованием Пасхи. Они породили обманчивые убеждения относительно паломничества, крестного знамения и освящающего воздействия таинств. Почитание мучеников привело к появлению изображений - будущего источника народного идолопоклонства. Христианство украшалось помпезными церемониями. Почитание святых приблизилось к их обожествлению, а суеверие возвело мать Господа в ранг объекта абсолютного поклонения. Столы для причастия превратились во внушительные алтари, типичные для иудейских жертвоприношений, а мощи мучеников хранились как священные амулеты.....

"Когда само христианство так нуждалось в реформе, когда христиан едва можно было отличить от язычников по любви к показухе и эгоистическим целям, как оно могло реформировать мир? Когда оно было балаганом, обрядностью, орудием государства, тщетной философией, суеверием, формулой, как оно могло спасти мир, если когда-либо было таким господствующим? Развращение Церкви в четвертом веке так же хорошо подтверждено, как чистота и нравственное возвышение христианства во втором веке. Исаак Тейлор представил наиболее скорбный вид состояния христианского общества, когда религия креста стала религией государства, а развращение шло в ногу с внешним триумфом веры, особенно когда язычники уступили верховенству креста".[3]

Многие из развращающих элементов, вошедших в раннее христианство, пришли с Востока, из Греции и Рима. Тиле говорит об их притоке следующими словами:

"За греческими божествами последовали азиатские, такие как Великая Мать богов, чей образ, состоящий из неотесанного камня, был привезен за счет государства из Пессина в Рим. В целом, перенимались не лучшие и возвышенные черты иноземных религий, а их низменные и чувственные элементы, причем в наиболее развращенной форме. В 186 году до н.э. случайное обвинение выявило тайное поклонение Вакху, которое сопровождалось всевозможными мерзостями и уже успело распространиться среди тысяч людей.....

"Взоры толпы всегда были обращены на Восток, откуда ожидалось избавление, и тайные обряды, принесенные оттуда в Рим, были уверены в наличии множества почитателей. Но это были лишь незаконнорожденные дети или, во всяком случае, поздние искаженные отпрыски возвышенных религий, некогда процветавших на Востоке: неперсидское поклонение Митре, неегипетское поклонение Серапису, поклонение Исиде, которое лишь льстило чувствам и охотно преследовалось прекрасными дамами, не говоря уже о более отвратительных практиках. И все же даже эти отклонения были выражением реальной и глубоко укоренившейся потребности человеческого разума, которая не находила удовлетворения в государственной религии. Люди жаждали Бога, которому они могли бы поклоняться сердцем и душой, и с этим Богом они жаждали примириться. Свои собственные божества они уже переросли, и поэтому с жадностью слушали жрецов Сераписа и Митры, которые провозглашали своего бога единственным существующим, всемогущим и всеблагим, и особенно их привлекала серьезность и строгость последнего *культа*. И чтобы быть уверенными в искоренении всякой вины, люди ложились в яму, где кровь жертвенного

животного стекала по ним, в уверенности, что тогда они появятся на свет совершенно заново".[4]

Многие римско-католические писатели с честностью, которой могли бы подражать все классы, открыто признают язычество Церкви, которое имело место до организации папства.

Бароний заявляет:

"Церкви было позволено перенести на благочестивые цели те обряды, которые язычники нечестиво применяли в суеверном поклонении, очистив их освящением; так что, к большому презрению дьявола, все могли почитать Христа теми обрядами, которые он предназначил для своего собственного поклонения. Таким образом, языческие праздники, отягощенные суеверием, были заменены на похвальные праздники мучеников; а идолопоклоннические храмы были заменены на священные церкви, как показывает Феодорит".[5]

Полидор Вергилий говорит:

"Церковь заимствовала многие обычаи из религии римлян и других язычников, но она их мелиорировала и применила для лучшего использования".[6]

Фоше заявляет:

"Епископы этого королевства используют все средства, чтобы привлечь людей к Христу, обращая в свою пользу некоторые языческие обряды, так же как они использовали камни своих храмов для строительства церквей".[7]

Пьер Мюссар заявляет:

"Уильям де Шуль, советник короля и горный пристав[8], написал век назад трактат о религии древних римлян, в котором он показывает полное соответствие между старым Римом и новым. О религии он завершает работу такими словами[9]: "Если мы внимательно рассмотрим, - говорит он, - то увидим, что многие установления в нашей религии были заимствованы и перенесены из египетских и языческих церемоний, такие как туники и сюртуки, головные украшения священников, поклоны перед алтарем, торжественность мессы, музыка в церквях, молитвы, мольбы, процессии, литании и многое другое. Все это наши священники используют в наших таинствах, обращая их к одному единственному Богу, Иисусу Христу, которого невежество язычников, их ложная религия и глупое самомнение превратили в своих ложных богов и в мертвецов, которых они обожествляли".[10]

Во время трактарианской полемики в Англии Джон Пойндер написал книгу "Папство в союзе с язычеством", чтобы показать, что римский католицизм по сути своей является языческим. Кардинал Николас Виземан, в то время профессор Римского университета, ответил ему под названием: Письма Джон Пойндеру, эсквайру, по поводу его работы под названием "Папство в союзе с язычеством", Лондон, 1836.

Во втором письме Уайзмен заявляет:

"Я на минуту признаю все ваши предположения и предпосылки; я признаю, что все факты, которые вы привели, верны, и все параллели, которые вы установили между нашими обрядами и обрядами язычества, верны; и я соглашусь с вами в ваших выводах, проверяя их с помощью четко применимых тестов..... Первым, кто рассуждал так, как вы, был Юлиан

Отступник, который сказал, что христиане заимствовали свою религию у язычников. Это сразу же доказывает, что уже тогда существовало то подобие, о котором вы жалуетесь как об идолопоклонстве. Так что это не отпрыск современной коррупции, а наследство древней церкви. Это доказывает, что союз между христианством и язычеством существовал триста лет после Христа, и что, следовательно, до сих пор папизм и древнее христианство идентичны. Св. Августин, пишущий против Фаустуса, обвиняет манихеев в том же самом".

Доктор Виземан перечисляет множество сходных черт, которых нет у Пойндера, и возражает, показывая, что английская церковь все еще сохраняет язычество, которое она унаследовала от папства. Он подчеркивает языческие черты, которые проявляются в здании, украшениях и службах собора Святого Павла в Лондоне, утверждая, что если бы римского язычника воскресили и привели в собор Святого Павла, он бы со всех сторон отметил сходство со своей древней верой. Свидетельство доктора Уайзмана имеет большую ценность, поскольку, будучи защитником романизма, он также защищает политику, которая развратила раннее христианство на Западе, подстроив его под популярное язычество, чтобы добиться номинального обращения язычников.

Кониерс Миддлтон, чье "Письмо из Рима" является одним из стандартных авторитетов в отношении язычества ранней Церкви, говорит

"Арингус в своем рассказе о Подземном Риме признает это соответствие между языческими и папскими обрядами и защищает принятие языческих обрядов на службу Церкви властью мудрейших пап и правителей, которые сочли необходимым, по его словам, при обращении язычников, отречься от многих вещей и подмигивать, уступая времени; Не применять силу против обычаев, которые так упорно любили люди, не думать об искоренении всего, что имело вид профанации, но в некоторой степени отменить обязательность священных законов, пока эти новообращенные, убежденные степенно и осведомленные о всей истине внушениями Святого Духа, не будут довольны серьезно покориться игу Христа." [11]

Еще одно важное свидетельство можно найти в следующем. Макс Мюллер пишет о первых трех веках после Рождества Христова:

"Эта эпоха в большей степени, чем все предыдущие, характеризовалась духом религиозного синкретизма, жадной компромисса. Слить воедино мысли, которые в корне отличались друг от друга, уловить, если возможно, общие элементы, пронизывающие все многообразные религии мира, считалось уделом философии как на Востоке, так и на Западе. Это был период, как недавно сказали, мистической инкубации, когда Индия и Египет, Вавилония и Греция сидели вместе и сплетничали, как сумасшедшие старухи, болтая беззубыми деснами и глупыми мозгами о мечтах и радостях своей молодости, но не в состоянии вспомнить ни одной мысли или чувства с той энергией, которая когда-то придавала им свет и истину.

"Это был период религиозного и метафизического бреда, когда все стало всем, когда Майя и София, Митра и Христос, Вираф и Исая, Белус, Зарван и Кронос смешались в одну беспорядочную систему бессмысленных спекуляций, от которой, наконец, Восток был избавлен позитивными доктринами Магомета, а Запад - чистым христианством тевтонских народов." [12]

Доктор Джозеф Пристли заявляет:

"Причины развращения почти полностью содержались в устоявшихся мнениях языческого мира, особенно в его философской части; так что когда эти язычники приняли христианство, они смешали с ним свои прежние догматы и предрассудки..... Злоупотребление

позитивными институтами христианства, какими бы чудовищными они ни были, естественно, проистекало из мнения об очищающей и освящающей силе обрядов и церемоний, которое было самой основой всех культов язычников".[13]

Тебо заявляет:

"Поэтому та самая "высокая цивилизация", как ее называют, в среде которой проповедовалось христианство, представляла реальную опасность для внутренней жизни нового ученика Христа.

"Как могло быть иначе, когда всем известен факт, что даже в начале пятого века Рим был почти полностью языческим, по крайней мере внешне и среди высших классов; Так, поэт Клавдиан, обращаясь к Гонорию в начале его шестого консульства, указал ему на место Капитолия, все еще увенчанного храмом Юпитера, окруженного многочисленными языческими сооружениями, поддерживающими в воздухе армию богов; и все вокруг, храмы, часовни, статуи без числа; фактически, вся римская и греческая мифология, стоящая в городе катакомб и папы.

"В государственных календарях, сохранившихся до наших дней, языческие праздники продолжали отмечаться бок о бок с праздниками Спасителя и его апостолов. В городе и за его пределами, по всей Италии и в самых отдаленных провинциях, идолы и их алтари все еще были окружены толпящимся народом, распростертым у их ног".[14]

Хардвик описывает тенденцию к воспроизведению языческих теорий и обычаев в ранней Церкви следующим образом:

"Или снова возьмем рой ересей, которые вскоре вторглись почти в каждую провинцию ранней Церкви. Отказавшись от более существенных из сверхъестественных истин откровения, они фактически и по сути возрождали язычество, и, соответственно, можно проследить родственные черты среди более древних спекуляций, существовавших в школах языческой философии. Например, обсуждая природу божественного Сыновства, Сабеллий и его партия преподавали доктрину, очень похожую на ту, что уже упоминалась в Тримурти Индии; а докетизм, исходя из представления о том, что духовное и материальное не могут постоянно сосуществовать, всего лишь воспроизвел индуистскую доктрину Аватары. Внутреннее соответствие в структуре идей привело к такому же лишению явленной истины. Если же, проникнув под поверхность, мы исследуем элементарные мысли и чувства, которые впоследствии нашли выражение в монашеских институтах Церкви, то обнаружим, что, с одной стороны, эти идеи чужды духу примитивного христианства, а с другой - что они уже давно были знакомы на Востоке, прежде чем их присвоили или бессознательно воспроизвели среди одного класса христиан в Сирии и Египте. Индия была настоящей родиной монашества, его колыбелью стали места обитания искренних *йогинов* и самоистязающих подвижников, которые были убеждены, что зло присуще не только человеку, но и всем различным формам материи, и, соответственно, как можно дальше уходили от контактов с внешним миром. Сначала, правда, христианский отшельник, как и самые ранние его индуистские прототипы, обитал в одиночестве на окраине родного города, обеспечивая себя ручным трудом и посвящая все излишки своего заработка религиозным целям.

"Но в течение четвертого века нашей эры многие такие отшельники стали собираться в лесу или в пустыне, где были организованы регулярные братства по образцу, более или менее заимствованному у египетских терапевтов и старых эссенов Палестины; члены этих братств по одежде и привычкам больше всего напоминали членов религиозных орденов, которые до сих пор кишат в Тибете и на Цейлоне".^[15]

Мейтланд приводит важные свидетельства, касающиеся многих моментов, в которых христианство подверглось язычеству. Он подводит общий итог, говоря о поклонении мученикам, следующим образом:

"Степени поклонения и обожания, которые с роковой точностью определила Римская церковь, тогда еще не были установлены; и язычники, еще менее охотно, чем христианские миряне, вдававшиеся в изысканность в этом вопросе, не видели различий между одной формой и другой. Последствия были крайне плачевными; обвинение в идолопоклонстве, на котором взаимно настаивали спорящие стороны, потеряло силу, или, скорее, было эффективно использовано язычниками, после того как оно стало бессильным в руках христиан. Таким образом, хотя чистые доктрины нашей веры быстро вытеснили распутный политеизм империи, последующий конфликт долго оставался сомнительным, поскольку поддерживался религией, ослабленной примесью чужеродных элементов, против той, которая извлекала пользу из невзгод и не стеснялась многое заимствовать у своего соперника. В басне мы читаем о борьбе между человеком и змеем, в которой в конце концов борцы становятся превращенными в формы друг друга. В последнем поединке между язычеством и христианством мы видим софиста, отстаивающего единство Бога и обвиняющего христианина в неприкрытом многобожии; а с другой стороны, христианин настаивает на опеке прославленных смертных и всеведении ушедших духов".^[16]

Аналогичное свидетельство приводит и Сеймор, который говорит

"Отступничество Римской церкви станет более очевидным, если мы подумаем, что характер посредничества, которое романизм приписывает своим святым, точно такой же, как и тот, который язычество приписывает своим полубогам. Среди язычников считалось, что если человек прославился своими делами, завоеваниями, изобретениями или чем-то еще, что выделяло его как благодетеля человечества, он мог быть канонизирован и причислен к низшим божествам. Таким образом, он становился посредником, чьи симпатии к ближним, с одной стороны, и заслуги перед богами, с другой, позволяли ему выполнять посреднические функции по передаче молитв и просьб смертных в присутствие богов. Об этих людях говорят языческие философы - Гесиод, Платон и Апулей. Последний из названных философов говорит: "Они - промежуточные разумные существа, через которых наши молитвы и желания передаются богам. Они являются посредниками между жителями земли и обитателями неба, неся туда наши молитвы и привлекая их благословения. Они несут назад и вперед молитвы для нас и припасы для них; или они те, кто объясняет между обеими сторонами и несет наши обожания". Таково было вероучение язычества, и ничем, кроме названия, оно не отличается от соответствующего вероучения романизма. Когда Римская церковь находит в своей общине членов, которых она считает необычайно благочестивыми или прославленными предполагаемыми чудесными способностями, она требует, чтобы они были канонизированы и причислены к ее святым; что они могут быть посредниками между Богом и людьми; что они обладают достаточной благосклонностью или влиянием на Бога, чтобы добиться исполнения наших молитв, и поэтому они являются подходящими объектами, к которым могут быть обращены наши исповеди, мольбы и молитвы; или, как она выражается в своем вероучении, "что святые, царствующие с Христом, должны быть почитаемы и вызываемы, и что они возносят молитвы Богу за нас".' Принцип языческого романизма и принцип христианского

романизма один и тот же, разница лишь в деталях имен. Об этом свидетельствует и происхождение этой практики; Ибо когда после установления христианства во времена Константина, когда великой целью двора было содействие единообразию религии, было обнаружено, что многие язычники внешне согласятся принять христианство, если им будет позволено сохранить в частном порядке поклонение своим божествам-покровителям, им это было позволено, просто изменив имена Юпитера на Петра или Юноны на Марию, продолжая поклоняться своим старым божествам под новыми именами и даже сохраняя старые изображения, которые были крещены христианскими именами. Это видно из трудов тех времен, и это считалось мерой мудрости, ударом глубокой политики, поскольку имело тенденцию к созданию единообразия религии среди бездумных масс. Призывы к Юноне были перенесены на Марию; молитвы к Меркурию - на Павла. Мы не видим, как замена имен Дамиана или Космо на имена Меркурия или Аполлона, или как замена имен Люси или Сеселии на имена Минервы или Дианы может изменить идолопоклоннический характер этой практики. В некоторых случаях они даже не меняли имена, и Ромул и Рем до сих пор почитаются в Италии под более современными именами святого Ромуло и святого Ремуджио. Простые люди верят, что это были два святых епископа. Я сам был свидетелем этого в окрестностях Флоренции, и даже Бахус не лишен своих почитателей под церковным именем Святого Бакко. Принцип и практика папского Рима идентичны принципу и практике языческого Рима. Любой аргумент в оправдание одного может быть в равной степени приведен для оправдания или смягчения другого. И если принцип и практика языческого Рима должны быть объявлены идолопоклонством, то я не вижу причин, почему те же самые принцип и практика папского Рима не должны быть объявлены идолопоклонством".[17]

В свете всех фактов мистер Сеймор не может возлагать ответственность за языческий остаток только на романизм. Контролирующая тенденция к язычеству была заложена еще до развития папства; и если новые формы выражения появились позже, то они были лишь плодом более ранних тенденций.

Ренан, говоря о связи между религиозным *культ*ом Востока и ранним христианством, отмечает:

"Вот объяснение той необыкновенной притягательности, которая в начале христианской эры влекла население древнего мира к религиям Востока. В этих религиях было нечто более глубокое, чем в религиях Греции и Рима; они более полно обращались к религиозным чувствам. Почти все они в той или иной степени касались состояния души в другой жизни, и считалось, что они несут в себе залог бессмертия. Отсюда и благосклонность, с которой относились к фракийским и сабасийским мистериям, *тиази* и всевозможным братствам. В этих маленьких кружках, где люди тесно прижимались друг к другу, было не так холодно, как в огромном ледяном мире того времени. Маленькие религии, такие как поклонение Психее, единственной целью которого было утешение человеческой смертности, имели кратковременное распространение. Прекрасный египетский культ, скрывавший реальную пустоту под великим великолепием ритуала, имел своих почитателей во всех частях империи. Алтари Исиды и Сераписа находились даже на краю света. Посетитель руин Помпеи может быть склонен поверить, что главным культом, который там совершался, был культ Исиды. У этих маленьких египетских храмов были свои усердные поклонники, среди которых было много представителей того же класса, что и друзья Катутла и Тибулла. Там проходила утренняя служба, своего рода месса, которую совершал жрец, стриженный и безбородый. Кропление святой водой; возможно, благословение вечером. Все это занимало, забавляло, успокаивало. Чего еще желать?

"Но прежде всего это было митраистское[18] поклонение, которое во втором и третьем веках получило необычайное распространение. Иногда я позволяю себе сказать, что, если бы христианство не победило, митраизм стал бы религией всего мира. У него были свои таинственные собрания, свои часовни, которые сильно напоминали маленькие церкви. Она создавала очень прочные узы братства между посвященными; у нее была Евхаристия, ужин, настолько похожий на христианские таинства, что добрый Юстин Мученик Апологет может найти только одно объяснение кажущейся идентичности, а именно, что Сатана, чтобы обмануть человеческий род, решил подражать христианским церемониям и таким образом украл их. Митраистские усыпальницы в римских катакомбах столь же назидательны и представляют столь же возвышенный мистицизм, как и христианские гробницы".[19]

Описывая раннее христианство, Киллен приводит ценные свидетельства того, что черты язычества, которые стали заметны в более поздний период, полностью отсутствовали в самом раннем христианстве. Он показывает, что Церковь была иудаистской по формам и практике.

Вот его слова:

"Римский гражданин, впервые присутствуя на богослужении Церкви, мог бы заметить, как глубоко оно отличается от ритуала язычества. Богослужения в великих языческих храмах были лишь впечатляющей живописной выставкой. Святая вода для омовения, статуи богов с горящими перед ними восковыми светильниками, облаченные в белые сюртуки служители, облака ладана, распространяющие вокруг благоухание, - все это могло лишь развеселить чувства или разжечь воображение. Для обучения собравшихся не отводилось никакого определенного времени, а литургия - часто на мертвом языке - на котором ее бормотал священник, лишь усиливала суеверие и мистицизм. Но богослужение Церкви было в высшем смысле "разумным служением". В нем не было ни парадов, ни образов, ни благоухающих запахов; первые сто лет оно обычно совершалось в частных домах или на открытых площадках; и все же оно обращалось к пониманию и сердцу так впечатляюще, что общины верующих часто представляли сцены несравненно более захватывающие и возвышенные, чем все, что когда-либо можно было наблюдать на вершинах греческого или римского идолопоклонства.....

"Ни один человек или церковный суд не имеет права вмешиваться в символические таинства Божественного назначения; ибо, поскольку они являются типичным воплощением великих истин, любое изменение существенно искажает их свидетельство. Но первые администраторы, не обращая внимания на это серьезное возражение, вскоре перестали уважать целостность крещения и Вечери Господней. В третьем веке к крещению уже было прикреплено множество легкомысленных и суеверных церемоний, таких как экзорцизм, елеосвящение, крестное знамение на лбу и поцелуй мира, так что прекрасное значение первобытного обряда не могло быть хорошо видно под этими странными атрибутами. До середины второго века вино для Евхаристии смешивали с водой; через пятьдесят лет причащающиеся участвовали в ней стоя; и в конце концов к самим элементам стали относиться с ужасным благоговением. Чтобы сильнее поразить воображение, крещение и Евхаристию стали окружать тайной языческих мистерий, и никому, кроме принявших таинства, не разрешалось присутствовать при их совершении. Служители Церкви, подражая мерзким украшениям языческого культа, печально компрометировали свою религию. Как и следовало ожидать, изуродованные таким образом символы были неправильно поняты и искажены. Крещение было названо возрождением, а Евхаристия - жертвоприношением. Таким образом, была открыта дверь для принятия целой толпы опасных заблуждений".[20]

Тенденция к религиозному синкретизму в первые столетия была плодотворным источником разложения новозаветного христианства. Говоря о результатах этой тенденции и о составном характере религиозного *культа* в Александрии во времена Адриана (117-138 гг. н. э.), каноник Фаррар отмечает:

"В империи не было города, в котором перед великими учеными и учителями христианства была бы поставлена более серьезная задача, чем в Александрии. Это был центр самой энергичной интеллектуальной жизни; и там, подобно кипению винограда в виноградной грозди, рассуждения людей каждой религии и каждой национальности оказывали взаимное влияние друг на друга.

"Одно письмо Адриана, представленное Вописком, покажет, какая путаница мыслей и смешение религий царили в этом космополитическом городе, и какой аспект религиозного синкретизма предстает перед холодным и циничным наблюдателем. "Те, кто поклоняется Серапису, - пишет он в письме к другу, - являются христианами, а те, кто называет себя епископами Христа, - поклонники Сераписа. Там нет ни одного начальника синагоги, ни одного самарянина, ни одного пресвитера христиан, который не был бы астрологом, не был бы прорицателем, не был бы гимнастом. Сам патриарх иудеев, придя в Египет, вынужден поклоняться одной стороной Серапису, другой - Христу. У них есть только один Бог, который не является Богом; ему одинаково поклоняются и христиане, и иудеи, и все расы". Для презрительного и скептического ума императора, обожествлявшего своего несчастного приспешника, христианство, гностицизм, иудаизм, язычество были формами одного всеобщего шарлатанства и притворства".[21]

Декан Меривейл, пишущий о Льве Великом (440-461 гг.), основателе папства, дает наглядную картину состояния христианства в то время. Здесь мы занимаем место для обширной выдержки, чтобы вес имени и слов Меривейла придавал фактам силу. Он сказал:

"Надеюсь, не вдаваясь в неуместные для данного случая рассуждения, будет признано, что развращение христианской веры, против которого наша национальная Церковь и многие другие возмущенно восстали во время Реформации, в большинстве своем заложило свои основы глубоко в течение пятого века; И хотя они возникли еще в более ранний период, и хотя они развились в некоторых направлениях и приобрели большую устойчивость в последующие темные времена, все же действие истинной христианской закваски среди масс никогда не было таким слабым, приближение христианских обычаев к нравам и обычаям язычества никогда не было таким близким, как в эпоху, о которой мы сейчас говорим. Перед нами множество ярких примеров того, с какой легкостью самые разумные из язычников принимали внешний обряд христианского крещения и номинально исповедовали веру, в то время как они сохраняли и открыто практиковали, без упреков, без замечаний, со снисхождением даже к истинным верующим, обряды и обычаи язычества, от которого они притворно отрекались. Мы находим множество свидетельств того, что высокопоставленные лица, такие как консулы и другие магистраты, исполняя законы, запрещавшие старые идолопоклонства, на самом деле совершали языческие обряды и даже воздвигали публичные статуи языческим божествам. Еще чаще люди, пользующиеся большим уважением своих братьев-христиан, позволяли себе высказывать мнения, полностью расходящиеся с определениями Церкви. Возьмем, к примеру, прославленного епископа Синезия. Был ли он христианином, был ли язычником - кто скажет? Он был известен в александрийских школах как литератор, преподаватель древних философий, поклонник язычницы Гипатии. Христианский народ Птолемаиса, очарованный его талантами, потребовал его в свои епископы. Он протестует не против того, что он неверующий, а против того, что его жизнь и привычки не подходят для столь высокого поста. У него есть жена,

которую он не может бросить, как того требовали бы нравы эпохи; с которой он не будет тайно общаться, как, кажется, позволяли бы нравы эпохи. "Но далее я не могу поверить, - добавляет он, - что человеческая душа была вдохнута в плоть и кровь; я не стану учить, что этот вечный мир материи обречен на уничтожение; воскресение, как учит церковь, кажется мне сомнительной и сомнительной доктриной. Я философ и не могу проповедовать народу популярно". Короче говоря, он утверждает, что если он верующий в Иисуса Христа, то он последователь Платона; и такими, несомненно, были многие другие. Люди оставляют ему жену и его взгляды и настаивают на том, чтобы он был их епископом. Он сохраняет свои семейные узы, свою философию, свой платонизм, свой рационализм и, несмотря на это, принимает управление Церковью. Мы снова спрашиваем, был ли Синезий христианином или язычником? Случай с таким епископом, возможно, одним из многих, особенно показателен; но тот же вопрос возникает и в отношении других выдающихся людей того времени. Был ли Боэций, столетие спустя подражавший Цицерону, христианином или язычником? Был ли Симплиций комментатором Платона? Был ли Авсоний, игривый поэт и приятный друг епископа Паулина, который в одной поэме прославляет Христа, а во многих других беспорядочно рассыпает свои аллюзии на языческую мифологию? Мы знаем, что Либаний, близкий друг и корреспондент Василия, был язычником из язычников; но он не лишился из-за этого доверия святого отца христианской Церкви. Так как в этот период христиане, похоже, были безразличны к своему собственному вероучению, так безразличны к вероучению своих друзей и единомышленников, мы не можем удивляться, что оно оставило нам мало или совсем незначительные следы жизненной веры в принципы божественного искупления.

"Мы должны сделать большую поправку на интеллектуальные испытания переходной эпохи, когда не каждому дано было увидеть свой путь между требованиями, предъявляемыми к разумной вере традициями блестящего прошлого, с одной стороны, и предчувствиями неясного и невеселого будущего - с другой. Возможно, мы едва ли осознаем, с какой гордостью афинские и александрийские школы все еще считали свою тысячу лет академической славы, в то время как христианская церковь медленно создавала новейшие теологические системы, на которых ее собственные основы должны были быть закреплены в последующие века. Мы не должны жаловаться на Льва и других христианских врачей, если они, как мне кажется, уклонились от того, чтобы снова вступить в полемику с остатками философов, чей день, как они могли думать, должен был закончиться в недалеком будущем. Но настоящая испорченность эпохи проявилась в безоглядном принятии языческих обычаев в церемониале христианской церкви, со всеми пагубными последствиями, которые они не могли не произвести на духовное воспитание людей. В популярных учениях святого Льва нередко встречаются отрывки, в которых он гневно обличает авгуров, гадателей и магию, клеймит идолопоклонство как поклонение демонам, а дьявола - как отца языческой лжи. Но ни Лев, ни, я думаю, современные врачи Церкви, похоже, не имели адекватного представления о процессе, посредством которого вся сущность язычества на протяжении всего их века постоянно просачивалась в ритуал Церкви и сердца христианской толпы. Не в них мы можем искать предупреждение о том, что посты, предписанные Церковью, имеют параллель с воздержанием, налагаемым некоторыми языческими вероучениями, и их необходимо охранять и объяснять людям их истинное христианское значение; Что монашество, которое они так горячо превозносили и которое так быстро распространилось, было по своему происхождению чисто языческим институтом, общим для религий Индии, Тибета и Сирии, с большим, несомненно, оправданием его экстравагантности в несчастном состоянии человеческой жизни того периода, но с малым или никаким оправданием его в уставах нашей христианской веры; Что канонизация святых и мучеников, воздаваемые им почести и доверие к ним были просто возрождением старых языческих мифологий; что

умножение формальных церемоний, с процессиями, огнями, ладаном и облачениями, с изображениями, картинами и вотивными подношениями, было просто языческим обращением к чувствам, таким, которое не может не истощить моральные устои человека; Короче говоря, общий аспект христианской набожности, каким он предстает перед глазами наблюдателя, был слабым и довольно легкомысленным подражанием старому языческому ритуалу, целью которого, от начала до конца, было не наставление, не возвышение природы человека, а просто очарование, чтобы отвести беды жизни, украсив и украсив его нынешнее существование." [22]

Свидетельствует также следующее из Вестроппа и Уэйка:

"В народных обычаях и даже в религиозных институтах эти вещи воспринимаются сегодня так же ясно, как в те времена, когда Адонис и Астарта были богами прежнего мира. Святыни, силы, символы и даже утварь древней веры были приняты, если не узурпированы или законно унаследованы, ее преемниками. Две святыни гностиков и неоплатоников, София и Эйрена - Мудрость и Мир - были приняты в качестве святых в Константинопольском календаре. Дионисий, бог мистерий, вновь появляется как святой Денис во Франции, святой Либерий, святой Элевтерий и святой Вакх; есть также святой Митра; и даже Сатана, князь теней, почитается как святой Сатурн и святой Свитин. Их мощи хранятся на сайте. Святая дева Астрея или Астарта, чье возвращение было объявлено Вергилием во времена Августа, как введение нового золотого века, теперь под своим старым именем Пресвятой Девы и Царицы Небесной, получает почтение как "та, чье единственное божество почитает вся сфера земли". Мать и Младенец, последний из которых украшен нимбом или ореолом древних богов солнца, теперь являются объектами почитания так же, как Церера и Вакх, или Изиды и Гор в мистериях. Монахини распространены в христианских и буддистских странах, как и в Египте, поклонявшемся Исиде; и если их девичество не приносится в жертву в святилище Ваал-Пеора или любого из его родственных божеств, то это делается в образе; все они - "невесты Спасителя". *Галлы* поют в церквях, а посвященных женщин так же много, как и в старину. Священнические облачения похожи на те, что раньше использовались для поклонения Сатурну и Кибеле: фригийский колпак, паллиум, посох и альб. Весь Пантеон, от Инды, Евфрата и Нила, был исчерпан, чтобы обеспечить символическое украшение для преемников апостолов. Геркулес держит дистафал Омфалы. Лилия вытеснила лотос, а безбрачие возвысилось над первым записанным мандатом Бога человечеству.....

"Несомненно, верно, что нет ни одного поста или фестиваля, процессии или таинства, социального обычая или религиозного символа, которые не пришли бы "телесно" из прежнего язычества. Но Папа привнес их не по своей воле; они уже были перенесены в церковную структуру, и он лишь принял и, возможно, воспользовался этим фактом. Многие из тех, кто протестует против этих порочных явлений, склонны в большей или меньшей степени подражать им, демонстрируя прививку от той же самой породы". [23]

Поздний немецкий писатель, известный и авторитетный, Лехлер, так описывает относительное влияние язычества и иудаизма на раннее христианство:

"Если собрать воедино все сказанное, то создается впечатление, что по отношению к христианам из язычников во второй половине апостольского века язычество представляло собой значительно преобладающую силу, которая отчасти извне угрожала Церкви, а отчасти изнутри готовила опаснейшие споры. Это был антихристианский гнозис, исходящий из языческих идей; часто это было также моральное заблуждение, запятнанное языческой разнузданностью, которое становилось опасным для душ. С другой стороны, согласно всем

документам того позднего апостольского времени, которыми мы располагаем, иудаизм, разбитый как политическая сила, уже не был опасным противником Церкви Христовой как духовной силы; время, когда иудаизирующие заблуждения имели сильное влияние на духов, заметно прошло".[24]

С таким обзором, составленным писателями такого авторитета и способностей, факт существования огромного количества языческого остатка в христианстве не подлежит сомнению. Читатель может быть удивлен, может отмахнуться от таких фактов. Но отказ от фактов или их отрицание не устраняют и не уничтожают их. Факты бессмертны. Тот, кто возьмет на себя труд проследить за последующими главами, увидит, какими средствами и способами христианство было испорчено, и откуда взялся языческий остаток, который все еще остается. Кроме того, в общих чертах вы найдете предложения о том, как можно устранить этот остаток.

ГЛАВА II. ЯЗЫЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ТОЛКОВАНИЯ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ.

Контраст между христианством Нового Завета и христианством последующих веков - гностицизм и аллегорическое толкование - свидетельства Харнака и Бауэра об "эллинизации христианства" - Шлягер о "языческой экзегетике" - "Отцы" как аллегористы; Юстин, Климент Александрийский, Варнава и другие - примеры: "Красная телица как прообраз Христа"; "Духовное обрезание"; "Писание Значение пищи"; "Крест в Ветхом Завете"; "Почему существует сто пятьдесят псалмов?". "Феникс как вид воскресения"; "Гностическое толкование Декалога"; "Типы Христа"; различные примеры из Августина.

Изучающий историю не может не заметить огромную разницу между христианством новозаветного периода и христианством четвертого века. Религия, которой учил Христос, была прямым следствием иудаизма. Его миссия заключалась в том, чтобы "не разрушить, но исполнить". Он сделал это, дав более высокую концепцию и более широкий взгляд на все, чего до сих пор придерживался иудаизм. Он придал новое значение отцовству Бога. Он объяснил и привел в исполнение нравственные заповеди Ветхого Завета, разлив их глубокий духовный смысл и дав им новое применение во внутренней жизни людей. Он расширил иудаизм, не разрушив его. Он разъяснил и усилил десять заповедей. Он отбросил внешние формальности иудеев и "дошел до сердца вещей" Своим толкованием древних Писаний, Своими новыми заповедями и Своим примером. Он развил христианство внутри иудейской церкви, превратив ее в соцветие всего лучшего, что было в древней диспенсации.

Христос представил любовь к Богу, к истине и к человеку как главную движущую силу всей религиозной жизни. Под Его учением христианство возникло как новая жизнь, проистекающая из закона Божьего, записанного в сердцах людей. Новозаветное христианство было жизнью, рожденной из любви и нашедшей свое выражение в любящем послушании. Это была система правильной жизни в Божественном присутствии и с помощью Божественного Духа. Люди были привлечены друг к другу и к Христу силой этой любви. Таким было христианство в момент своего рождения.

Самые первые христианские общины были общинами святой жизни, основанной на взаимной вере в Христа. Они ожидали еще больших откровений о Нем и через Него в ближайшем будущем. Факты, связанные с Его жизнью, и память о Его учениях стали почвой, на которой христианство пустило свои первые корни. Общая надежда и борьба за святую жизнь в соответствии с Законом Божиим связывали эти общины. Они состояли из одних евреев или из евреев и язычников, обращенных в иудаизм. Помимо этой общей надежды не было ни устоявшейся доктрины, ни формальной церковной организации. Не было и письменных писаний, кроме Ветхого Завета. По мере развития истории христианства его расширяющийся дух привел к конфликту с более узкими фазами иудаизма и, следовательно, к большему или меньшему антагонизму по отношению к определенным иудаистским интерпретациям Ветхого Завета.

Христианство третьего и четвертого веков представляет собой наиболее сильный контраст, если поставить его в один ряд с тем, что существовало в новозаветный период. Нагорная проповедь была провозглашением нового закона поведения. "Никейский Символ веры - это изложение отчасти исторических фактов, а отчасти догматических выводов".[25] Необходимо найти какую-то адекватную причину для этого различия. Как произошло это изменение центрального характера христианства? Под влиянием каких факторов оно превратилось из системы правильной жизни в систему метафизической веры; в правильное мышление, а не в правильные поступки? Ответ подсказывает тот факт, что это изменение характера произошло одновременно с переходом христианства из-под семитского влияния в греческое. Таким образом, мы сталкиваемся с фактом, что религия данного народа в определенное время имеет определенные отношения с ментальными установками того времени. Религия - это часть общей жизни, которую нельзя отделить от окружающей среды. Хотя мы можем рассматривать религиозные проблемы отдельно от других вопросов, они не могут быть поняты иначе, как часть сложной жизни, с которой они переплетены.

Поэтому мы должны начать с изучения особенностей языческого мира, в который попало младенческое христианство, когда поток его истории покинул почву Палестины и вступил в область греческих и римских влияний.

Гностицизм.

Задолго до Христа восточные религии разработали философскую систему, в которой были заложены семена того, что в более поздние времена было известно как гностицизм. Она утверждала, что содержит в себе "знание о Боге и человеке, о бытии и провидении первого, а также о творении и судьбе второго".[26] На пути на запад эта система смешалась с иудейской мыслью и дала начало каббалистам или еврейским гностикам. В восточных религиях все внешние явления выражали скрытый смысл. Применяя эту доктрину к Писанию, еврейские гностики учили, что скрытый смысл можно найти во всех законах, церемониях и ритуалах. Они придумали теорию о том, что тайная традиция передавалась со времен Моисея, и таким образом толкование еврейских Писаний было сильно извращено. Гностицизм гласил: "Ничто не является тем, чем кажется; все материальное - символ чего-то невидимого". Таким образом, история Ветхого Завета была сублимирована в историю освобождения разума от чувства".[27] Применение аллегорического метода толкования к Ветхому Завету позволило языческим философам черпать из него любые фантазии. Этот метод также способствовал тому, что первые христиане стали толковать Ветхий Завет таким образом, чтобы на каждом листе книги найти упоминание о Христе и христианской религии. Таким образом, гностицизм подготовил почву для стирания конкретной позитивности Ветхого Завета и в значительной степени уничтожил его авторитет.

Весь греческий мир был основательно пронизан духом и практикой гностицизма в литературе и философии. Он стал связующим звеном между иудаизмом с его интеллектуальной стороны и восточными, греческими и египетскими культами. Когда младенческое христианство вступило в контакт с греческой мыслью, гностические влияния и тенденции атаковали его со всех сторон. Таким образом, благодаря гностическому элементу, уже существовавшему в иудейской церкви, и культурному, сильному гностическому влиянию в языческом мире, зарождающееся христианство было подобно путнику, идущему из Иерусалима в Иерихон и попавшему в окружение разбойников. Интеллектуальные волнения эпохи благоприятствовали процессу разложения, который стремительно шел вперед.

Библейская экзегеза.

Все, что касается Библии и ее толкования, затрагивает христианство в жизненно важный момент. Фундаментальное различие между языческим гностицизмом и христианством заключалось в том, что христианство было религией откровения, находившей свое начало и конец в божественной любви и жизни, явленной во Христе Иисусе как еврейском Мессии. Напротив, гностицизм нашел свой источник в человеческих рассуждениях, человеческой философии и спекуляциях.

Доктор Шафф так описывает его влияние, когда говорит

"Он преувеличивает павлинский взгляд на отличие христианства от иудаизма, вырывает христианство из его исторической основы, превращает реальную человечность Спасителя в докетизм и извращает свободу Евангелия в антиномическую разнузданность". Автором или первым представителем этого крещеного язычества, согласно единодушному свидетельству христианской древности, является Симон Маг, который, несомненно, смешал христианство с языческими идеями и практиками и выдавал себя, в пантеистическом стиле, за эманацию Бога. Явные следы [существования] этой ошибки обнаруживаются в поздних посланиях Павла к Колоссянам, Тимофею и Титу, во втором послании Петра, первых двух посланиях Иоанна, послании Иуды и посланиях Апокалипсиса к семи церквям". [28]

Этот быстрый обзор показывает нам, что гностическое влияние представляет собой то, что профессор Харнак называет *"острой вульгаризацией христианства, или его эллинизацией"*. Поэтому мы готовы принять его свидетельство о влиянии гностиков как разработчиков христианской доктрины. Ниже приводятся его слова:

"Согласно этой точке зрения, гностики должны занять свое место в истории догм, как это не было сделано до сих пор. Они просто богословы первого века; они были первыми, кто превратил христианство в систему доктрин. Они первыми систематически разработали традицию; они взялись доказать, что христианство - абсолютная религия, и с ее помощью уничтожить все другие религии, включая иудаизм; но для них абсолютная религия, насколько это касалось ее содержания, была идентична результатам религиозной философии, для которой нужно было искать откровение в качестве основы. Так они стали христианами, которые пытались быстрыми мерами завоевать христианство для эллинской культуры, а эллинскую культуру для христианства. Для этого они отказались от Ветхого Завета, чтобы легче было установить союз между двумя державами и получить возможность провозгласить абсолютность христианства.....

"Мы также можем рассматривать большинство гностических усилий как попытки превратить христианство в теософию, или, так сказать, в систему явленной метафизики, с полным пренебрежением к еврейской ветхозаветной основе, на которой оно возникло, и с

использованием идей Павла. Мы также можем сравнить более поздних писателей, таких как Варнава и Игнатий, с так называемыми гностиками, и тогда мы увидим, что последние обладают хорошо сформулированной теорией, а первые - фрагментами, которые имеют удивительное сходство с этой теорией".[29]

Бауэр, внимательный исследователь гностицизма, дает описание его миссии и методов, которое показывает, как он был готов оказать такое контролирующее влияние на историю раннего христианства, и насколько разрушительным было это влияние в вопросе библейского толкования. Он заявляет:

"Гнозис и аллегория - понятия, по сути, родственные; и это дает нам очень четкое указание на путь, который действительно приведет нас к истокам гностицизма; ибо мы обнаружим, что аллегория играет важную роль в большинстве его систем, особенно в тех, которые демонстрируют его первоначальную форму.

"Хорошо известно, что аллегория - это душа александрийской религиозной философии. Ничто другое, в самом деле, не может позволить нам понять возникновение последней, настолько тесно аллегория переплетена с самой ее природой. Аллегория вообще является посредником между философией и религией, опирающейся на позитивную традицию. Везде, где она встречается в широком масштабе, мы замечаем, что философские взгляды возникли бок о бок с существующей религией и независимо от нее, и что возникла необходимость привести идеи и доктрины философии в гармонию с содержанием религиозной веры. В таких обстоятельствах аллегория выступает в роли посредника. Она приводит к желаемому соответствию, просто интерпретируя веру в смысле философии. Таким образом, религиозные идеи и повествования облачаются в переносный смысл, который полностью отличается от их буквального значения. Таким образом, аллегория возникла у греков еще до христианского времени. Платон, а затем и стоики стремились обратить мифы народной религии на пользу своим философским идеям и таким образом преодолеть пропасть между философским и народным сознанием; с этой целью они вступили на путь аллегории, аллегорического толкования мифов. Хорошо известно, как широко стоики использовали аллерию, когда хотели проследить свои собственные идеи натурфилософии в богах народных верований и повествованиях о них.

"Но в Александрии этот способ толкования приобрел еще большее значение. Здесь он должен был решить весомую проблему, как новые идеи, пробивавшие себе путь в разум и сознание еврея, примирить с его верой в авторитет священных религиозных книг. Только аллегория позволяла ему, одной стороны, восхищаться философией греков, в частности Платона, и делать ее идеи своими собственными, а с другой - почитать Писание Ветхого Завета как единственный источник богооткровенной истины. Священные книги нужно было лишь объяснить аллегорически, и тогда все, что можно было пожелать, даже самые смелые спекулятивные идеи греческого ума, можно было найти в самих книгах. Насколько широко практиковался этот метод в Александрии, можно судить по трудам Филона, в которых мы видим наиболее широкое использование аллегорического толкования и находим содержание Ветхого Завета тесно связанным со всем, что могли предложить системы греческой философии. Но было бы совершенно ошибочно думать, что только каприз и бесконтрольная игра фантазии вызвали это аллегорическое объяснение Писания, которое стало оказывать такое влияние. Ибо для александрийского еврея на той стадии развития Писания, которой он достиг, с его сознанием, разделенным между его исконным гебраизмом и современным эллинизмом, это аллегоризирование было необходимой формой сознания; и он так мало мечтал о том, что искусственная связь, которой он связывал столь различные

элементы, была вещью, созданной им самим, что вся истина, которую он принял в системах греческой философии, казалась ему не чем иным, как эманацией ветхозаветного откровения.

"Гностические системы также в большинстве своем очень свободно используют аллегорический метод толкования, и этого достаточно, чтобы понять, что мы должны рассматривать их в том же аспекте, что и александрийскую религиозную философию. Насколько мы знакомы с гностиками, мы видим, что они были полны аллегорических толкований, не относящихся, как Филон, к книгам Ветхого Завета (ибо их отношение к Ветхому Завету было совершенно иным, чем у него), но к книгам Нового, которые были для гностиков тем же, чем книги Ветхого Завета были для Филона.

"Чтобы придать своим идеям христианский отпечаток, они применяли аллегорический метод, насколько это было возможно, к лицам и событиям евангельской истории, и особенно к числам, которые в ней встречаются. Так, для валентиниан число тридцать в Новом Завете, особенно в жизни Иисуса, стало означать число их эонов; потерянная блуждающая овца была для них их Ахамотом; и даже изречения Иисуса, содержащие совершенно простые религиозные истины, получили у них смысл, относящийся к доктринам их системы.

Недавно обнаруженные "Философские труды" псевдо-Оригена, взявшего на себя задачу опровергнуть все ереси, показывают нам еще более ясно, чем прежде, какое широкое применение аллегории находили гностики.

"Они применяли ее не только к книгам Ветхого и Нового Заветов, но даже к произведениям греческой литературы, например, к гомеровским поэмам; весь их образ мыслей был полностью аллегорическим.

"Вся область древней мифологии, астрономии и физики была использована для обоснования их взглядов. Они считали, что идеи, которые были высшими объектами их мысли и знания, можно найти выраженными повсюду".[\[30\]](#)

Хэтч предлагает важное свидетельство о языческих элементах в ранней экзегезе в таких словах:

"Самые ранние методы христианской экзегезы были продолжением методов, которые в то время были характерны как для греческих, так и для греко-иудейских писателей. Они применялись к одному и тому же предмету. Как греческие философы находили в Гомере свою философию, так и христианские писатели находили в нем христианское богословие. Когда он изображает Одиссея, говорящего:[\[31\]](#) "Власть многих нехороша; да будет один правитель", он хочет сказать, что должен быть только один Бог; и вся его поэма призвана показать, к каким бедам приводит наличие многих богов.[\[32\]](#) Когда он говорит нам, что Гефест изобразил на щите Ахилла "землю, небо, море, солнце, которое не отдыхает, и луну полногрудую",[\[33\]](#) он учит божественному порядку творения, который он узнал в Египте из книг Моисея.[\[34\]](#) Так и Климент Александрийский толкует удаление Океана и Тетиса друг от друга как разделение суши и моря.[\[35\]](#) И он считает, что Гомер, когда заставляет Аполлона спросить Ахилла: "Зачем бесплодно преследовать его, бога", хотел показать, что божество не может быть постигнуто телесными силами.[\[36\]](#)

"Некоторые философские школы, которые висели под юбкой христианства, смешивали подобные интерпретации греческой мифологии с аналогичными толкованиями Ветхого Завета. Например, писатель, которого зовут Симон Магус, как говорят, "толковал по своему

усмотрению как писания Моисея, так и греческих поэтов"[37] ; а офитский писатель Юстин развивает сложную космогонию из истории о Геракле, рассказанной Геродотом,[38] в сочетании с историей Эдемского сада. ...[39]

"Значительная часть таких интерпретаций была унаследована. Совпадения мистических толкований между Филоном и Посланием Варнавы показывают, что такие толкования становились общим достоянием иудеев и иудео-христиан. Но вскоре этот метод был применен к новым данным. Экзегеза стала апологетической. Если Филон и его школа занимались в основном Пятикнижием, то раннехристианские писатели стали заниматься в основном пророками и поэтическими книгами; и если Филон стремился показать, что в писаниях Моисея содержится греческая философия, то христианские писатели старались показать, что в писаниях еврейских проповедников и поэтов содержится христианство; И если Филон довольствовался тем, что говорил о писателях Ветхого Завета, как Дион Хризостом говорил о греческих поэтах, как о возбужденных божественным энтузиазмом, то христианские писатели вскоре пришли к созданию тщательно разработанной теории, согласно которой поэты и проповедники были лишь флейтами, через которые дыхание Бога вливалось в душу в виде божественной музыки."[40]

Отцы как аллегористы.

Начиная с Юстина, руководителями мысли в Церкви с середины второго века были люди, которые были воспитаны как языческие философы или получили образование под языческим влиянием. Поэтому было неизбежно, что эта развращающая система экзегезы должна была применяться к книгам Нового Завета. Это сделали гностики, согласно своей теории, согласно которой истинный смысл всех писаний был скрыт. Жизнь Христа представляла много трудностей для философов. Чтобы объяснить ее кажущуюся противоречивость, они превратили миссию Христа в ряд сверхчеловеческих движений, а Новый Завет - в своего рода иероглифическую запись этих движений. Пример: Симеон, взявший на руки юного Христа в храме,

"был прообразом Демиурга, который при появлении Спасителя узнал о своем изменении места и воздал благодарность Вифу". Они также утверждают, что Анна, о которой в Евангелии говорится как о пророчице, и которая, прожив семь лет с мужем, всю оставшуюся жизнь оставалась вдовой, пока не увидела Спасителя, не узнала Его и не заговорила о Нем со всеми, яснее всего обозначала Ахамота, который, немного посмотрев на Спасителя с Его спутниками, а все остальное время пребывая в промежуточном месте, ждал Его, пока Он не придет снова и не восстановит ее в подобающей супруге. Ее имя также было указано Спасителем, когда Он сказал: "Премудрость же оправдывается детьми своими". Так же поступил и Павел, сказав: "Мы же говорим мудрость между совершенными". Они также заявляют, что Павел ссылаясь на соединения в Плероме, показывая их через одно; ибо, когда он писал о супружеском союзе в этой жизни, он выразился следующим образом: "Это великая тайна, но я говорю о Христе и Церкви".[41]

Другой пример можно найти в толковании, которое они дали воскрешению дочери Иаира:

"Они утверждают далее, что девочка двенадцати лет, дочь начальника синагоги, к которой Господь подошел и воскресил из мертвых, была прообразом Achamoth, которой их Христос, расширив Себя, придал форму, и которую Он заново привел к восприятию того света, который оставил ее. А то, что Спаситель явился ей, когда она лежала вне Плеромы, как своего рода аборт, они утверждают, что Павел заявил в Послании к Коринфянам (в этих

словах): "И наконец, Он явился и мне, как рожденному в свое время". О приходе Спасителя с сопровождающими Его лицами в Ахамоф он также сообщает в том же Послании, когда говорит: "Женщина должна иметь покрывало на голове, потому что ангелы". А то, что Ахамоф, когда Спаситель пришел к ней, покрыла себя покрывалом из-за скромности, Моисей показал, когда надел покрывало на свое лицо. Затем, , они также говорят, что страсти, которые она перенесла, были показаны Господом на кресте. Так, когда Он сказал: "Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?", Он просто показал, что София была покинута светом, и Хорос не давал ей продвинуться вперед. Ее страдание снова было показано, когда Он сказал: "Ужаснулась душа Моя до смерти"; ее страх - словами: "Отче, если возможно, пусть минует Меня чаша сия"; и ее недоумение, когда Он сказал: "А что скажу, не знаю"'.^[42]

Некоторые противятся этому методу.

Некоторые из ранних отцов, те, кто был менее всего заражен греческой мыслью, особенно Тертуллиан, с самого начала выступали против этого метода. Он заявил, что это одно из искусств сатаны, против которого христиане должны бороться. Но система была слишком глубоко укоренена во всех преобладающих течениях влияния, чтобы ее можно было вытеснить. Даже пока Тертуллиан выступал против нее, она все крепче вцеплялась в христианские общины, и до сих пор от нее не избавились. Зародившись в Александрии и укрепившись благодаря союзу греческой философии и древнееврейского богословия, она набирала силу, как нарастающий прилив, и подавляла все другие формы экзегезы. Соответствующий пример можно найти у Климента Александрийского, в филиппике против софистов:

"Смотрите на язык и на слова блестящего человека,

Но вы не смотрите на дело, которое сделано;

Но каждый из вас ходит по стопам лисицы,

И во всех вас пустой ум".

Климент Александрийский комментирует это следующим образом:

"Это, я думаю, означает изречение Спасителя: "Лисицы имеют норы, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову". Ибо на одном только верующем, полностью отделенном от остальных, которых Писание называет дикими зверями, покоится глава вселенной, доброе и кроткое Слово, "Которое уловляет мудрых в их хитрости". Ибо Господь знает помышления мудрых, что они тщетны"; Писание называет мудрыми (σοφοὺς) тех, кто искусен в словах и искусствах, софистов (σοφιστᾱς)".^[43]

В другом месте история о том, как Христос накормил толпу, объясняется такими словами:

"И накормил Господь множество возлежавших на траве напротив Тивериады двумя рыбами и пятью хлебами ячменными, указывая на подготовительную подготовку греков и иудеев, предшествующую божественному зерну, которое есть пища, возделываемая по закону. Ибо ячмень раньше созревает для жатвы, чем пшеница; а рыбы означали эллинскую философию, которая была порождена и двигалась среди языческого потока; они были даны для обильного питания лежащим на земле, не увеличиваясь более, как части хлебов, но причастившись благословения Господа, вдохнули в них воскресение Богочеловечества через силу Слова. Но если вам интересно, поймите, что одна из рыб означает учебную

программу, а другая - философию, которая вытекает из нее. Собрания указывают на Слово Господне".[44]

Христианство, согласно Новому Завету, не могло развиваться при такой экзегезе. Эти язычники-христиане еще больше любили аллегорический метод, потому что он позволял им "объяснить" трудности, которые они находили в рассмотрении христианства - как они его понимали - как продукта Ветхого Завета. С самого начала они отождествляли ветхозаветного Бога с Демииургом, создателем мира и материи, в которой было только зло. Они утверждали, что Иегова не может дать откровение на все времена и не заслуживает их доверия. Хэтч, говоря о Ветхом Завете, отмечает:

"Значительная часть христианского мира полностью отвергла его авторитет; он был делом рук не Бога, а Его соперника, бога этого мира; контраст между Ветхим Заветом и Новым был частью более широкого контраста между материей и духом, тьмой и светом, злом и добром. Так утверждал Маркион, чье влияние на христианский мир было гораздо большим, чем принято считать".[45]

Другие примеры.

Чтобы у читателя не оставалось сомнений в том, какое разрушительное воздействие оказали языческие аллегорические методы на младенческую Церковь, приведем еще несколько примеров причудливого извращения Писания Отцами.

Послание Варнавы, ложно приписываемое спутнику Павла, является ярким примером бессмысленных аллегорий, полностью извращающих Писание. Возьмем следующие примеры:

"КРАСНАЯ ТЕЛИЦА - ПРООБРАЗ ХРИСТА".[46]

"Как вы думаете, о чем это говорит, что Израилю было дано повеление, чтобы люди величайшей злобы принесли в жертву телицу, зарезали и сожгли ее, и чтобы мальчики взяли пепел, положили его в сосуды, обвязали вокруг палки пурпурной шерстью с иссопом, и чтобы мальчики кропили народ по очереди, дабы очиститься от грехов своих? Подумайте, как просто он говорит с вами. Телец - это Иисус; грешники, принесшие его в жертву, - это те, кто вел Его на заклание. Но теперь эти люди больше не виновны, больше не считаются грешниками. А мальчики, которые кропят, - это те, кто возвестил нам об отпущении грехов и очищении сердца. Им Он дал власть проповедовать Евангелие, их было двенадцать, что соответствовало двенадцати коленам Израиля. Но почему есть три мальчика, которые кропят? Чтобы соответствовать Аврааму, Исааку и Иакову, потому что они были велики у Бога. А почему шерсть была положена на дерево? Потому что на дереве Иисус держит Свое Царство, чтобы [через крест] верующие в Него жили вечно. А почему иссоп был соединен с шерстью? Потому что в Его Царстве будут злые и грязные дни, в которые мы спасемся, [и] потому что страждущий телом исцеляется очищающим действием иссопа. И по этой причине вещи, которые стоят таким образом, ясны для нас, но неясны для них, потому что они не слышали голоса Господа".[47]

В главе ix. обсуждается духовное значение обрезания. Заключительная часть главы звучит следующим образом:

"Да, египтяне также практикуют обрезание. Итак, дети мои, узнайте обо всем богато, что Авраам, первым предписавший обрезание, взирая духом на Иисуса, совершил этот обряд,

получив тайны трех букв. Ибо [Писание] говорит: "И обрезал Авраам десять и восемь и триста человек из дома своего". Какое же знание было дано ему в этом? Сначала выучите восемнадцать, а затем триста. Десять и восемь обозначаются так: десять - буквой I, а восемь - буквой H. У вас есть инициалы Иисуса, а поскольку крест должен был выразить благодать [нашего искупления] буквой T, он говорит также: "триста". Таким образом, он обозначает Иисуса двумя буквами, а крест - одной. Это знает Тот, Кто вложил в нас привитый дар Своего учения. Никто не был допущен мною к более превосходному знанию, чем это, но я знаю, что вы достойны".[48]

Десятая глава, в которой говорится о *духовном значении заповедей Моисея о различных видах пищи*, может быть процитирована лишь частично; некоторые ее части непригодны для всеобщего обозрения, и все же эти части, как бы грубы они ни были, торжественно излагаются как экзегеза Писания. Здесь следует вся глава, за исключением самых грубых предложений:

"Итак, почему Моисей сказал: "Не ешь свиньи, ни орла, ни ястреба, ни ворона, ни рыбы, не имеющей чешуи"? Он принял три доктрины в своем разуме [делая это]. Более того, Господь говорит им во Второзаконии: "И установлю постановления Мои в народе сем". Так разве нет повеления Божьего, чтобы они не ели [эти вещи]? Есть, но Моисей говорил о духовном. По этой причине он назвал свиней, чтобы сказать: "Не соединяйся с людьми, похожими на свиней", ибо, живя в удовольствиях, они забывают Господа, а когда приходят в нужду, то признают Господа. Так и свинья, когда ест, не узнает своего хозяина; но когда голодна, кричит, а получив пищу, снова успокаивается. Не ешьте, - говорит он, - ни орла, ни ястреба, ни коршуна, ни ворона". "Не присоединяйся, - говорит он, - к таким людям, которые не умеют добывать себе пропитание трудом и потом, а наживаются других в своих беззакониях и, хотя и носят вид простоты, но начеку, чтобы грабить других". Так и эти птицы, сидя без дела, ищут, как бы поживиться чужой плотью, досаждая всем своим нечестием. "И не ешьте, - говорит он, - ни миноги, ни полипа, ни каракатицы". Он имеет в виду: "Не общайся и не уподобляйся таким людям, которые нечестивы до конца и осуждены на смерть". Подобно тому, как те рыбы, проклятые выше, плавают в глубине, не всплывая [на поверхность], как остальные, а устраивая себе жилище в иле, который лежит на дне.....

"Затем Моисей изложил три учения о мясе, имевшие духовное значение; но они приняли их по плотскому желанию, как если бы он говорил только о [буквальном] мясе. Давид же, постигнув знание этих трех доктрин, говорит так: "Блажен человек, который не ходил по советам нечестивых, как рыбы [упомянутые], уходящие во тьме в глубины [моря], "и не стоял на пути грешников", как те, кто исповедует страх перед Господом, но блуждает, как свинья, "и не сидел на месте презрителей", как те птицы, которые подстерегают добычу". Полностью и твердо усвойте это духовное знание. Но Моисей говорит еще дальше: "Вы должны есть всякое животное, которое ходит на копытах и жвачное". Что он имеет в виду? [Жвачное животное обозначает того], кто, принимая пищу, узнает Питающего его и, насытившись Им, заметно радуется. Хорошо говорил Моисей относительно заповедей. Что же он имел в виду? Что мы должны присоединиться к боящимся Господа, к тем, кто размышляет в сердце своем о заповеди, которую получил, к тем, кто и произносит суды Господни, и исполняет их, к тем, кто знает, что размышление - дело радостное, и кто размышляет над словом Господним. Но что значит "коленипреклоненные"? Праведник тоже ходит в этом мире, но с нетерпением ожидает святого состояния [грядущего]. Посмотрите, как хорошо законодательствует Моисей. Но как они могли понять или постичь все это? Мы же, правильно понимая Его заповеди, объясняем их так, как задумал Господь. Для этого Он обрезал уши наши и сердца наши, чтобы мы могли понимать сие".[49]

Глава xii. представляет собой бессмысленное обсуждение креста, предначертанного в Ветхом Завете. Достаточно привести часть этой главы.

"Подобным образом он указывает на крест Христа у другого пророка, который говорит: "И когда совершится все это? И Господь говорит: "Когда дерево будет согнуто и опять поднимется, и когда кровь потечет из дерева".[50] Здесь снова есть намек на крест и Того, Кто должен быть распят. Еще раз он говорит об этом в книге Моисея, когда на Израиль напали чужеземцы. И чтобы напомнить им при нападении, что именно за их грехи они преданы смерти, Дух говорит сердцу Моисея, чтобы он сделал изображение креста и Того, Кто должен был пострадать на нем; ибо если они не возложат на Него свое упование, то будут побеждены навсегда. Итак, Моисей поставил одно оружие над другим посреди холма и, встав на него, чтобы быть выше всех людей, простер руки свои, и таким образом Израиль снова одержал верх. Но когда он снова опустил руки, они снова были уничтожены. По какой причине? Чтобы они знали, что не смогут спастись, если не возложат на Него свое упование. А в другом пророке он заявляет: "Весь день я простираю руки мои к народу неверующему и презирающему праведный путь мой". И снова Моисей делает прообраз Иисуса, [означающий], что Ему было необходимо страдать, [а также] что Он будет автором жизни [для других], в которых они верили, чтобы быть уничтоженным на кресте, когда Израиль пал".[51]

Иустин Мученик - яркий пример того, кто извращал Писание, претендуя на его объяснение. Свидетельствуйте о следующем из его рассказа об обращении в христианство:

"Прочитывая это, я добавил: "Послушай, как этот Человек, о Котором Писание говорит, что Он придет снова во славе после распятия, был символизирован как деревом жизни, которое, как было сказано, было посажено в раю, так и теми событиями, которые должны произойти со всеми праведниками". Моисей был послан с жезлом, чтобы совершить искупление народа; с этим жезлом в руках, во главе народа, он разделил море. С его помощью он увидел, как из скалы хлынула вода; а когда он бросил дерево в воды Мары, которые были горькими, он сделал их сладкими. Иаков, опустив прутья в желоба с водой, заставил овец своего дяди зачать, чтобы получить их потомство. С помощью своего жезла тот же Иаков похвастался, что перешел реку. Он сказал, что видел лестницу, а Писание утверждает, что над ней стоял Бог.

"Но что это был не Отец, мы доказали из Писания. А о том, что Иаков возлил масло на камень в том же месте, свидетельствует сам Бог, явившийся ему, - он помазал столб Богу, явившемуся ему. А то, что камень символически провозглашал Христа, мы доказали многими местами Писания; и то, что благовоние, будь то масло, или стакте, или любой другой составной сладкий бальзам, имело отношение к Нему, мы также доказали, поскольку слово говорит: "Поэтому Бог, даже Бог твой, помазал тебя елеем радости над твоими товарищами". Ибо действительно все цари и помазанники получили от Него свою долю в именах царей и помазанников, как и Он Сам получил от Отца титулы Царя, и Христа, и Священника, и Ангела, и другие подобные титулы, которые Он носит или носил. Расцветший жезл Аарона провозгласил его первосвященником. Исаия пророчествовал, что из корня Иессеева выйдет жезл, и это был Христос. А Давид говорит, что праведник - "как дерево, посаженное при водах, которое должно приносить плод свой в свое время, и лист которого не увядает". И снова говорится, что праведник расцветает, как пальма. Бог явился Аврааму с дерева, как сказано, у дуба в Мамре. Перейдя Иордан, люди нашли семьдесят ив и двенадцать источников. Давид утверждает, что Бог утешал его жезлом и посохом. Елисей, бросив палку в реку Иордан, вернул железную часть топора, которым сыновья пророков пошли рубить деревья для строительства дома, в котором они хотели читать и изучать закон и заповеди

Божьи; так и наш Христос, распятый на древе и очистивший нас водой, искупил нас, хотя мы были ввергнуты в тяжелейшие преступления, которые совершили, и сделал [нас] домом молитвы и поклонения. Более того, именно жезл указал Иуде на то, что он является отцом сыновей Фамари по великой тайне".[52]

Еще более запутанные выдумки под названием экзегеза появляются ближе к концу диалога. Свидетельствует следующее:

"Вы знаете, господа, - сказал я, - что Бог сказал в Исаии Иерусалиму: "Я спас тебя во время потопа Ноева".[53] Под этим, сказанным Богом, подразумевалось, что тайна спасенных людей проявилась в потопе. Ибо праведный Ной вместе с другими смертными во время потопа, *то есть* с собственной женой, тремя сыновьями и их женами, числом восемь, был символом восьмого дня, в который явился Христос, воскресший из мертвых, навсегда первый по силе. Ибо Христос, будучи первенцем всякой твари, снова стал вождем другого рода, возрожденного Им Самим через воду, и веру, и дерево, содержащее тайну креста; подобно тому как Ной был спасен деревом, когда переплывал через воды со своим семейством. Поэтому, когда пророк говорит: "Я спас тебя во времена Ноя", как я уже отмечал, он обращается к людям, которые в равной степени верны Богу и обладают теми же знаками. Ведь когда Моисей держал в руках жезл, он провел ваш народ через море. И вы полагаете, что это было сказано только вашему народу, или земле. Но вся земля, как говорит Писание, была затоплена, и вода поднялась на пятнадцать локтей выше всех гор, так что очевидно, что это было сказано не земле, а народу, который повиновался Ему, для которого Он также заранее приготовил место отдыха в Иерусалиме, как было показано ранее всеми символами потопа; я хочу сказать, что с помощью воды, веры и дерева те, кто заранее подготовлен и раскаивается в грехах, которые они совершили, спасутся от надвигающегося суда Божьего".[54]

Еще одна иллюстрация совершенно бессмысленных и причудливых толкований Писания содержится во "Фрагментах из комментариев к различным книгам Писания" Ипполита, епископа Римского. Он объясняет, почему существует сто пятьдесят псалмов. Основная причина заключается в том, что пятьдесят - священное число, и псалмы, в связи с уничтожением врагов Бога, должны содержать не только один набор из пятидесяти, но и три таких, для имени Отца, и Сына, и Святого Духа. Священный характер числа пятьдесят объясняется следующим образом:

"Число пятьдесят, кроме того, содержит семь седьмин, или суббот из суббот, а также сверх этих полных суббот, новое начало в восьмой, действительно новый покой, который остается над субботами. И пусть любой, кто способен, проследит за этим [как это осуществляется] в псалмах с большей, чем человеческая, точностью, чтобы найти причины в каждом случае, как мы их изложим. Так, например, не без цели в восьмом псалме есть надпись: "*На винных прессах*", поскольку в восьмом подразумевается совершенство плодов; ведь время для наслаждения плодами истинной лозы не может быть раньше восьмого. И снова второй псалом, начертанный *на винных прессах*, - восьмидесятый, содержащий еще одно восьмое число, то есть десятое кратное. Восемьдесят третий опять же составлен соединением двух святых чисел, а именно: восьмого в десятом кратном и трех в первом кратном. А пятидесятый псалом - это молитва о прощении грехов и исповедь. Ибо, как, согласно Евангелию, пятидесятый получил отпущение грехов, подтвердив тем самым понимание юбилея, так и тот, кто возносит подобные прошения в полном исповедании, надеется получить отпущение не иначе как в пятидесятом числе. И еще есть некоторые другие, которые называются

степенными песнями, числом пятнадцать, как и число ступеней храма, и которые показывают тем самым, возможно, что *ступени* (или *степени*) заключены в числе семь и числе восемь. И эти песни степеней начинаются после сто двадцатого псалма, который называется просто псалмом, как передают его более точные копии. И это число совершенства жизни человека. А сотый псалом, который начинается так: "*Пою о милости и суде, Господи*", охватывает жизнь святого в общении с Богом. А сто пятидесятый заканчивается словами: "*Все, что имеет дыхание, да хвалит Господа*".[55]

Климент Римский, один из самых ранних отцов, от которых до нашего времени дошло хоть что-то подлинное, приводит другие яркие примеры мифа и аллегии, а именно:

"Рассмотрим то чудесное знамение [воскресения], которое происходит в восточных землях, то есть в Аравии и окрестных странах. Есть некая птица, которая называется феникс. Она единственная в своем роде и живет пятьсот лет. И когда приближается время ее распада, когда она должна умереть, она строит себе гнездо из ладана, мирры и других пряностей, в которое, когда время исполнится, она входит и умирает. Но когда плоть разлагается, появляется некий червь, который, питаясь соками мертвой птицы, выпускает перья. Затем, набравшись сил, она занимает то гнездо, в котором лежат кости ее родителя, и, неся их, перелетает из земли Аравийской в Египет, в город под названием Гелиополис. И в открытый день, пролетая на виду у всех людей, она кладет их на алтарь солнца и, сделав это, спешит обратно в свое прежнее обиталище. Затем жрецы осматривают реестры дат и обнаруживают, что оно вернулось точно в тот момент, когда завершился пятисотый год".[56]

Вот языческий миф о солнце, серьезно изложенный как факт и призванный проиллюстрировать христианскую истину; пример того, что было характерно для трудов и теорий тех, кто стал лидером Церкви.

Библия, с ее простыми истинами и понятными этическими учениями, была скучной книгой для людей, чьи вкусы стали ненормальными и извращенными благодаря питанию такими языческими причудами и суевериями.

Еще один пример из Климента Александрийского. Следует помнить, что "христианские" писатели, осуждающие гностицизм как ересь, по-прежнему утверждали, что существует "истинный христианский гностицизм"; разница между ними и теми, кого они осуждали, была скорее в степени, чем в роде. Следующие выдержки взяты из "Гностического изложения Декалога" Климента. Нет нужды показывать, что когда Закон Божий излагался таким образом, его сила и авторитет практически уничтожались. Такие изложения были неотъемлемой частью беззакония, которое стало неизбежным плодом гностицизма. Климент говорит:

"И Декалог, рассматриваемый как образ неба, охватывает солнце и луну, звезды, облака, свет, ветер, воду, воздух, тьму, огонь. Это физический Декалог неба.

"А в изображении земли - люди, скот, пресмыкающиеся, дикие звери; из обитателей вод - рыбы и киты; из крылатых - плотоядные и питающиеся мягкой пищей; и из растений - плодоносящие и бесплодные". Это физический Декалог земли.

"А в самом человеке десять: пять чувств, сила речи и способность к размножению; и восьмой - духовный принцип, переданный ему при сотворении; и девятый - правящая способность

души; и десятый - отличительное свойство Святого Духа, которое приходит к нему через веру".

"Кроме того, в дополнение к этим десяти частям человека, закон, по-видимому, дает свои предписания относительно зрения и слуха, обоняния, осязания и вкуса, а также органов, подчиненных им, которые вдвойне являются руками и ногами. Ибо таково формирование человека. И вводится душа, и предшествует ей правящая способность, посредством которой мы рассуждаем, не произведенная в деторождении; так что без нее составляется число десять, из способностей, посредством которых осуществляется вся деятельность человека.....

"Так не справедливо ли говорят, что человек создан по образу и подобию Божию?-не в смысле его [телесного] строения; но так как Бог творит все Словом (λόγῳ), а человек, ставший гностиком, совершает добрые дела посредством разума (τῷ λογικῷ), то, следовательно, и две скрижали означают заповеди, данные двуединому духу - сообщенные прежде закона сотворенному и правящему началу; А движения чувств как копируются в разуме, так и проявляются в деятельности, исходящей от тела." [57]

Даже Тертуллиан, который так сильно осуждал некоторые фазы гностицизма, представленные в александрийских школах, дает толкования, которые не менее ненадежны и причудливы, чем те, которые он осуждает.

Послушайте его "Типы".

"Типы смерти Христа: Исаак, Иосиф; Иаков против Симеона и Левия; Моисей, молящийся против Амалика; Медный змей.

"Что касается Его смерти, я полагаю, что вы пытаетесь внести разногласия только потому, что отрицаете, что крестные страдания были предсказаны Христу Творцом, и, кроме того, вы утверждаете, что нельзя верить, что Творец подверг бы Своего сына такой смерти, на которую Он Сам наложил проклятие. "Проклят, - говорит он, - всякий, кто будет повешен на дереве". Но что подразумевается под этим проклятием, достойным простого предсказания о кресте, о котором мы сейчас в основном спрашиваем, я откладываю рассмотрение, поскольку в другом отрывке мы привели причину того, что предшествовало доказательству. Сначала я предложу полное объяснение типов. Несомненно, было правильно, чтобы эта тайна была пророчески изложена посредством типов, и, конечно, главным образом таким образом; ибо в пропорции к ее невероятности она стала бы камнем преткновения, если бы была изложена в голом пророчестве; и в пропорции к ее величию также была необходимость заслонить ее тенью, чтобы трудность ее понимания могла привести к молитве о милости Божьей. Во-первых, Исаак, будучи отдан отцом в жертву, сам понес дрова для своей смерти. Этим поступком он уже тогда проображал смерть Христа, Который был предназначен Отцом в жертву и нес крест, на котором страдал. Иосиф также был прообразом Христа, но не на том основании (чтобы не задерживать мой курс), что он терпел гонения за дело Божье от своих братьев, как Христос от своих братьев по плоти, иудеев; но когда отец благословляет его в таких словах: "Слава его - слава быка; рога его - рога единорога; ими он будет гнать народы до самых концов земли", - он, конечно, не был обозначен как единорог с одним рогом или как минотавр с двумя; но Христос был обозначен в нем как бык в отношении обоих Его качеств; для одних суровый как судья, для других нежный как Спаситель, чьи рога были крайними частями Его креста. Ибо у антенны, которая является частью креста, концы называются рогами, а середина всей рамы - единорогом. Таким образом, благодаря Своему кресту и рогам Он как сейчас толкает все народы через веру, перенося их с земли на небо, так и потом будет толкать их через суд, низвергая их с неба на землю. Он также, согласно

другому отрывку того же Писания, будет быком, когда будет духовно истолкован как Иаков против Симеона и Левия, что означает против книжников и фарисеев; ибо именно от них эти последние получили свое происхождение. [Подобно Симеону и Левию, они довершили свое нечестие ересью, с которой преследовали Христа. В совет их да не войдет душа моя, в собрание их да не соединится сердце мое, ибо в гневе своем они убивали людей, то есть пророков, и в самовластии своем перерезали сухожилия у тельца, то есть у Христа. Ибо против Него они обрушили свою ярость, после того как убили Его пророков, даже прикрепив Его гвоздями к кресту. Иначе это пустая затея, когда, убив людей, он возмущается тем, что они мучают быка. Опять же, в случае с Моисеем, почему он, в частности, в тот момент, когда Иисус Навин сражался с Амаликом, молился в сидячем положении с распростертыми руками, когда в таком конфликте, несомненно, было бы более уместно согнуть колено, ударить себя в грудь, упасть лицом на землю и в такой прострации вознести молитву? Почему, как не потому, что в битве, которая велась во имя Господа, Которому однажды предстояло сразиться с дьяволом, необходимо было изобразить тот самый крест, через который Иисус должен был одержать победу? Почему, опять же, тот же Моисей, запретив все уподоблять, установил золотого змея на шесте и, когда он висел там, предложил его в качестве предмета, на который следует смотреть для исцеления? Не намеревался ли он здесь также показать силу креста нашего Господа, с помощью которого был побежден этот старый змей, дьявол, и таким образом каждому человеку, укушенному духовными змеями, но обратившемуся к нему с верой, было возведено исцеление от укуса греха и здоровье на вечные времена?"[58]

Метод аллегоризации продолжался с большой настойчивостью. Августин, великий ум пятого века, чье влияние до сих пор ощущается в доктринах как католиков, так и протестантов, был под его влиянием. У него, как и у тех, кто ему предшествовал, это аллегорическое толкование извращало Писание и затуманивало истину. Достаточно одного примера:

"Так, и в числе больших рыб, которых Господь наш после Своего воскресения, показывая новую жизнь, повелел взять по правую сторону корабля, находится число пятьдесят, трижды умноженное с добавлением еще трех [символ Троицы], чтобы сделать святую тайну более очевидной; и сети учеников не были разорваны, потому что в этой новой жизни не будет раскола, вызванного беспокойством еретиков. Тогда [в этой новой жизни] человек, совершенный и упокоенный, очищенный телом и душой, чистыми словами Божиими, которые подобны серебру, очищенному от окалина, семь раз очищенному, получит свою награду - динарий. Так что с этой наградой в нем соединяются числа десять и семь. Ибо в этом числе семнадцать [содержится], как и в других числах, представляющих собой сочетание символов, удивительная тайна. Не без причины семнадцатый псалом - единственный, который полностью приводится в Книге Царств, потому что он обозначает то царство, в котором у нас не будет врага. Ведь он называется: "Псалом Давида в день, когда Господь избавил его от руки всех врагов его и от руки Саула". Ибо кого изображает Давид, как не Того, Кто, по плоти, родился от семени Давидова? Он, в Своей Церкви, то есть в Своем теле, до сих пор терпит злобу врагов. Поэтому слова, которые с небес упали на ухо того гонителя, которого Иисус убил Своим голосом и превратил в часть Своего тела (как пища, которую мы употребляем, становится частью нас самих), были такими: "Савл, Савл, что ты гонишь Меня?". И когда же это Его тело будет окончательно избавлено от врагов? Не тогда ли, когда последний враг, смерть, будет уничтожен? Именно к этому времени относится число сто пятьдесят три рыбы. Ибо если число семнадцать будет стороной арифметического треугольника, образованного путем расположения друг над другом рядов единиц,

возрастающих в числе от одного до семнадцати, то вся сумма этих единиц будет сто пятьдесят три: поскольку один и два составляют три; три и три - шесть; шесть и четыре - десять; десять и пять - пятнадцать; пятнадцать и шесть - двадцать одну; и так далее: продолжайте это до семнадцати, итого сто пятьдесят три".[59]

Приведенные выше примеры не являются ни единичными, ни особенными. Они в полной мере и справедливо отражают преобладающие методы экзегезы, ложно называемые таковыми. Такие люди формировали веру и управляли мыслью христианства к западу от Палестины после середины второго века. Другие плоды их системы вы найдете в другой главе, в доктринах антиномиан и антисубботников, с помощью которых авторитет Иеговы и Его Слова был еще больше подорван. Внимательное изучение всей группы "христианских писаний" первых пяти веков показывает, что эта эпоха была не критична и совершенно лишена образованности и привычек мышления, которые готовят людей к толкованию Библии. Она была низведена до уровня языческих книг, с которыми эти люди были знакомы, как в том, что касается ее авторитета, так и в том, что касается методов, с помощью которых искали ее смысл. На самом деле, ее реальный смысл не искали; основное усилие было направлено на то, чтобы показать, как она согласуется с языческими книгами и популярными философскими спекуляциями. Если в любом случае оно признавалось высшим авторитетом, то преобладающие методы толкования затемняли и извращали его смысл, так что люди не руководствовались тем, чему оно действительно учит. Люди, не имевшие четких и правильных представлений о Библии, не могли передать их другим. Массы не имели копий Библии и не смогли бы критически истолковать ее, если бы она попала им в руки. Киллен объявляет этих отцов недостойными доверия и некомпетентными толкователями Библии. Вот его слова:

"Более ранние авторы, такие как Ориген или Климент Александрийский, часто излагали Слово Божье так, как неоплатоники объясняли языческую мифологию, то есть рассматривали ее как аллегорию, из которой извлекали любой смысл, наиболее приемлемый для себя, и слишком многие продолжали придерживаться той же системы толкования. Но среди отцов четвертого века были и такие, кто следовал более здравым принципам экзегезы и тщательно исследовал буквальный смысл священных оракулов. Тем не менее, сравнительно немногие христианские писатели даже этого периода представляют большую ценность как библейские толкователи. Эти авторы иногда противоречат сами себе и, не признавая этого, рабски копируют друг друга. Иероним утверждает, что великая обязанность толкователя состоит не столько в том, чтобы изложить мысли Духа, сколько в том, чтобы представить читателю противоречивые мнения толкователей.....

"Но хотя мы обнаруживаем в этих Отцах так много следов человеческой немощи, мы должны учитывать время, в которое они жили, и предрассудки, в которых они были воспитаны. Христианство прошло через ужасное испытание, когда оно внезапно стало религией империи. Общество отнюдь не было готово к столь масштабным переменам. Евангелие и так уже сильно пострадало от фальсификации, а теперь оно еще больше испортилось. Пастырями Церкви стали многие, кто был совершенно необразован; языческие формы и церемонии были включены в ее ритуал; языческие суеверия были признаны в качестве принципов действия; языческая философия испортила богословскую науку. Плотное облако заблуждений вскоре покрыло весь духовный небосвод".[60]

Эту главу можно завершить следующей цитатой из Ульхорна, которая показывает, как почти разрушилось христианство из-за распространения этой гностической аллегорической системы, которая затемняла или извращала смысл Писания и уничтожала его авторитет. Он сказал:

"Я уже называл гностицизм антиподом монтанизма. Так оно и было. Если монтанизм был слишком узок, то здесь мы видим всеобъемлющую широту. Гностицизм знал, как использовать все ментальные продукты эпохи. Элементы, восточные и окцидентальные, в любопытном смешении, философия и народные суеверия - все они были собраны и использованы в качестве материала для построения гностических систем. Мифы язычников можно найти бок о бок с евангельскими историями, которые для гностиков были лишь мифами. Один доказательный текст взят из Библии, другой - из Гомера или Гесиода, и оба они используются аллегорической экзегезой для поддержки готовых творений фантазии автора. Достаточно широка и мораль; нет ни трепетного страха перед загрязнением, ни заботы о том, чтобы исключить влияние язычества. Это не выдумка, навеянная ненавистью к ереси, когда гностики, как говорят, были очень мягки в соблюдении законов морали. Многие из них прямо разрешали бежать от преследований.

"Во втором веке гностицизм распространился далеко и широко. Было что-то очень внушительное в этих могущественных системах, охватывающих небо и землю. Каким простым и скудным в сравнении с ними казалось простое христианство! В широте и либеральности гностицизма было что-то удивительно привлекательное. Казалось, он полностью примирил христианство с культурой. Какой узкой казалась христианская церковь! Даже благородные души могли быть пленены надеждой привлечь мир к христианству таким образом; в то время как толпу привлекало обращение к тайнам, которыми гностические секты укрепляли себя, предлагая могущественные заклинания и амулеты, тем самым потворствуя народному вкусу. Наконец, некоторых, несомненно, привлекало то, что от них требовалась менее строгая жизнь и что они могли быть христианами, не подвергаясь мученической смерти.

"Но победа гностицизма стала бы гибелью христианства. Христианство распалось бы на сотню сект, линия его разделения с язычеством была бы стерта, его внутренняя сущность была бы утрачена, и вместо того, чтобы породить нечто действительно новое, оно стало бы лишь элементом плавящейся массы, дополнительным ингредиентом в бродильном хаосе религий, характерном для эпохи."[\[61\]](#)

Когда фонтан формирующегося христианства был так широко и рано испорчен, что же удивляться, что берега потока покрыты языческими *обломками*, а воды все еще мутны от их осадка?

ГЛАВА III. АЗИАТСКОЕ ЯЗЫЧЕСКОЕ ВОДОПОКЛОНСТВО.

Фундаментальная порча христианского крещения через языческое водопоклонство - "крещенское возрождение", продукт язычества - духовная чистота, которой добиваются через языческое крещение - свидетельства Ямблика, Вергилия, Овидия, Геродота, Ювенал и другие - Крещение и поклонение змеям - Крещение и египетское поклонение солнцу - Священный Нил - Распространенность поклонения воде в Индии - Священные колодцы - Священные реки - Современный буддистский и современный индуистский баптизм.

Развращающее влияние языческого водопоклонения.

Работа по развращению христианства велась систематически, как будто враг планировал подорвать его фундаментальные истины и погубить Церковь через внутренние ошибки. Когда аллегорические методы лишили Библию авторитета и отодвинули Бога, представленного в Его Слове, далеко от людей, следующим важным шагом стало развращение развивающейся Церкви ложным стандартом членства, заронив тем самым верное семя разложения в ее сердце. В новозаветном христианстве крещение - погружение в воду - было внешним символом новой духовной жизни, начинающейся через веру и покаяние. Как таковое, оно имело особый смысл, и с древнейших времен служило дверью для вступления в христианские общины. Тот, кто принимал Христа как Мессию, подтверждал свое принятие тем, что был "погребен с Ним в крещении". Это был знак внутренней чистоты, который давал верующим право на место в общине и на общение с "теми, кто уверовал".

Оно не было ни средством, с помощью которого достигалась чистота, ни источником, из которого проистекала новая духовная жизнь. Все это было изменено введением языческой идеи. Материалы для такого развращающего процесса были полностью разработаны в языческом мире.

Различные формы крещения и учение о крещенском возрождении были характерны для языческой религии до рождения Христа.

По возрасту и масштабам языческий культ водопоклонения уступает только культу солнца. Его родиной был Восток, но он появляется во все эпохи и на обоих полушариях. У него было две фазы: вода как объект поклонения и средство вдохновения; вода использовалась в религиозных церемониях для достижения духовной чистоты. Эти фазы часто смешиваются друг с другом.

Почитание воды и вера в ее очищающую силу возникли из представления о том, что она пронизана божественной сущностью, от которой исходит сверхъестественная сила просветлять и очищать душу, безотносительно к духовному состоянию кандидата. Это учение о возрождении при крещении было перенесено в христианство еще до конца второго века, и благодаря ему Церковь стала быстро наполняться крещеными, но необращенными язычниками.

Поклонение солнцу и поклонение воде были тесно связаны в языческом *культе*, как и в испорченном христианском крещении. Например, один фонтан, отмеченный Джамбликусом, Брайант описывает так:

"Из этой истории места мы можем узнать о смысле названия, которым называлось это прорицалище. Колофон - Col-Oph-On, Tumulus Dei Solis Pythonis, и соответствует приведенному символу. Река, в которую впадал этот фонтан, была священной и называлась Халесус; она называлась Анелон, Ан-Эль-Он, Фонс Деи Солис. Халесус состоит из хорошо известных названий того же Бога".[\[62\]](#)

Далее следуют слова Ямблика:

"Все люди признают, что оракул в Колофоне дает свои ответы через воду. Ибо в подземном жилище есть фонтан, из которого пьет пророчица; и в определенные установленные ночи после совершения многих священных обрядов, испив из фонтана, она произносит оракулы, но не видна присутствующим. Отсюда ясно, что эта вода пророческая. Но как она становится таковой, это, согласно пословице, не каждому дано знать. Ведь создается впечатление, что через воду проникает некий пророческий дух. Однако на самом деле это не так. Ибо

божественная природа не проникает через своих участников таким образом, по интервалам и разделениям, но охватывает, как бы извне, и освещает фонтан, и наполняет его из себя пророческой силой. Ибо вдохновение, которое дает вода, не есть все то, что исходит от божественной силы, но сама вода лишь подготавливает нас и очищает наш люциформный дух, чтобы мы могли принять божество; в то время как до этого существует присутствие божества, освещающее нас свыше".[63]

О другом оракуле Ямбликус говорит следующее:

"Женщина-пророк тоже в Branchidæ, держит ли она в руке палочку, которая сначала была получена от какого-то бога, и наполняется божественным блеском, или, сидя на оси, предсказывает будущие события, или окунает ноги или край одежды в воду, или получает бога, вдыхая пары воды; всем этим она становится приспособленной к внешнему приобщению к богу".[64]

Ямбликус также утверждает, что купание было частью подготовки к получению вдохновения. Такую же комбинацию демонстрирует Вергилий в следующем:

"Он встал и, глядя на восходящие лучи бесплотного солнца, в своих полых ладонях с благочестивым видом поднял воду из реки и излил на небо такие слова: "Вы, нимфы, вы, нимфы Лаврентия, откуда реки берут свое начало; и ты, о отец Тибр, со священной рекой своей, прими Энея и защити его от опасностей. В каком бы источнике ни находилось твое озеро, сострадательное к нашим несчастьям, из какой бы почвы ты ни возникла, прекраснейшая, рогатая река, владыка италийских потоков, всегда ты будешь почитаема моим почитанием, всегда будешь приносить мои жертвы. О даруй нам помощь твою нынешнюю, и более близкой помощью подтверди божественные пророчества твои".[65]

Овидий, описывая праздник Палеса, проводимый в мае, демонстрирует то же сочетание поклонения солнцу и воде:

"Часто, по правде говоря, я перепрыгивал через костры, расставленные в три ряда, и с ветвей лавра сбрасывал окропленные воды..... Пастух, очисти сытых овец в начале сумерек, пусть сначала окропят их водой, и пусть метла из прутьев подметет землю..... Защити и скот, и тех, кто ухаживает за скотом, и пусть всякий вред отлетает в сторону, отталкиваясь от моих стойл. Пусть произойдет то, о чем я молю, и пусть в конце года мы преподнесем Палес, хозяйке пастухов, пироги хорошего размера". Этими словами надо умиловить богиню; повернувшись на восток, повторите эти слова трижды и в текущем ручье тщательно вымойте руки".[66]

В другом месте Овидий рассказывает о Девкалионе и Пирре, решивших обратиться за священными оракулами с молитвой в храм богини Фемиды; он говорит

"Не медля ни минуты, они вместе отправляются к водам Кефисса, хотя еще не чистым, но уже прорезающим свое привычное русло. Затем, окропив водой свои одежды и головы, они направляют свои шаги к храму священной богини, крыша которого была осквернена поганым мхом, а алтари стояли без огня".[67]

Такое же сочетание встречается и у персов. Геродот, описывая пересечение Геллеспонта Ксерксом на пути к вторжению в Грецию, рассказывает:

"В тот день они делали приготовления к переправе, а на следующий ждали солнца, так как хотели увидеть его восход, тем временем сжигая на мостах всевозможные благовония и устилая дорогу миртовыми ветвями. Когда солнце взошло, Ксеркс, вылив в море возлияние из золотого кубка, вознес молитву солнцу, чтобы с ним не случилось ничего такого, что помешало бы ему покорить Европу, пока он не достигнет ее крайних пределов. Помолившись, он бросил чашу в Геллеспонт, а также золотую чашу и персидский меч, который они называют *ацинасом*. Но я не могу с уверенностью сказать, бросил ли он эти вещи в море в качестве подношения солнцу, или же он раскаялся том, что бичевал Геллеспонт, и преподнес эти дары морю в качестве компенсации". [68]

Чистота, достигаемая через крещение.

Языческое представление о том, что вода обеспечивает духовную чистоту, выражалось по-разному. Ювенал описывает обычай римских женщин, которые стремились искупить свои грехи, совершенные в развратных пирушках, следующим образом:

"Она разобьет лед и погрузится в реку в глубине зимы, или трижды окунется в Тибр на ранней заре и омоет свою робкую голову в его вихрях, а затем, выйдя, проползет на подгибающихся коленях, обнаженная и дрожащая, через все поле надменных царей [Campus Martius]. Если белый Ио прикажет, она отправится на край Египта и принесет воду из палящего Мероз, чтобы окропить храм Исиды, возвышающийся у овечьего стойла. Ибо она верит, что предупреждение дано ей голосом самой богини". [69]

Митраистский и гностический баптизм.

Представление о том, что вода очищает от греха, занимало видное место в митраизме и гностицизме. Кинг, который является авторитетом по всем вопросам гностицизма, говорит

"В моем рассказе о митраицизме было отмечено, что таинства отпущения грехов играют очень важную роль в церемониале этой религии; следующие выдержки из большого гностического учебника покажут, как те же понятия (и, возможно, формы) были перенесены на службу гностицизму.

"Крещение, избавляющее от грехов" (*Πιστις Σοφία*) (298).

"Тогда вышла Мария и сказала: Господи, в какой форме *крещение* отпускает грехи? Я слышала, как ты говорил, что служители пререканий (ἑριδαῖ οἱ) [70] следуют за душой, свидетельствуя против нее о всех грехах, которые она совершила, чтобы осудить ее на суде. Итак, Господи, изглаживают ли таинства крещения грехи, которые находятся на руках у приемщиков состязаний, так что они совершенно забывают о них? Итак, Господи, скажи нам, в каком виде они отпускают грехи, ибо мы желаем знать их досконально. Тогда Спаситель ответил и сказал: Ты хорошо сказал; по истине эти Служители свидетельствуют против всех грехов, ибо они постоянно пребывают в судных местах, держатся за души, осуждая все души грешников, не принявших тайны, и держат их в хаосе, мучая их. Но эти пререкающиеся не могут переступить через хаос, чтобы войти в те пути, которые выше хаоса; чтобы осудить души, принявшие тайны, им не позволено принуждать их, чтобы втянуть их в хаос, где пререкающиеся могут осудить их. Но души тех, кто не получил тайн, эти желают и грабят в хаос; тогда как души, получившие тайны, они не имеют возможности осудить, видя, что не могут выйти из своего места, и даже если бы они вышли, они не смогли бы остановить те души, ни запереть их в своем хаосе. Итак, слушайте, я возведу вам истину, в какой форме

таинство Крещения избавляет от грехов. Если души, когда они еще жили в мире, были грешны, то, действительно, приходят Совратители, чтобы засвидетельствовать все грехи, которые они совершили, но они никоим образом не могут выйти из областей хаоса, чтобы осудить душу в местах суда, которые находятся за пределами хаоса. Но подделка духа свидетельствует против всех грехов души, чтобы осудить ее в местах суда, которые находятся за пределами хаоса. Она не только свидетельствует, но и накладывает *печать* на все грехи души, чтобы прочно запечатлеть их на душе, дабы все правители места суда грешников знали, что это душа грешника, а также знали *количество* грехов, которые она совершила, по печатям, которые подделка духа наложила на нее, дабы наказывать душу по количеству ее грехов; так они обращаются с душой грешника. (300) Итак, если кто принял таинства Крещения, то *эти таинства становятся великим огнем*, очень сильным и мудрым, чтобы сжечь все грехи; и этот огонь тайно входит в душу, чтобы поглотить в ней все грехи, которые подделка духа запечатлела в ней. Точно так же он тайно входит в тело, чтобы преследовать всех своих преследователей и разделять их на части, ибо он преследует в теле подделку духа и судьбу - так, чтобы отделить их от Силы и Души и поместить их в одну часть тела, так что огонь разделяет подделку духа, судьбу и тело на одну часть, а Душу и Силу - на другую. Тайна Крещения остается посередине между ними, дабы вечно разделять их, дабы очищать и убирать их, дабы они не были загрязнены *Материей*. Итак, Мария, вот каким образом таинство Крещения избавляет от грехов и всех проступков".

(301) ""И когда Спаситель говорил так, то сказал ученикам Своим: Понимаете ли вы, каким образом Я говорю с вами? Тогда вышла Мария и сказала: Истинно, Господи, я разумею на деле все, что Ты сказал. О прощении грехов Ты говорил нам прежде в притче, сказав: Я пришел развести огонь на земле, не более; пусть он горит, сколько Мне угодно. И еще раз Ты открыто заявил об этом, сказав: У меня есть крещение, которым я буду крестить, и как мне терпеть, пока оно не совершится? Вы думаете, что Я пришел принести мир на землю? Отнюдь нет, но раздор, который Я пришел принести. Ибо отныне в одном доме будет пятеро; трое будут разделяться на двое, а двое на трое. Вот, Господи, слово, которое Ты говоришь открыто. Что же касается слова, которое Ты изрек: Я пришел принести огонь на землю, и пусть он горит, сколько Мне угодно; этим Ты сказал о тайне Крещения в мире, и пусть он горит, сколько Тебе угодно, чтобы поглотить все грехи души, чтобы очистить их. И еще ты открыто показал это, сказав: У меня есть крещение, которым я буду крестить, и как мне терпеть, пока оно не совершится? А вот что: Ты не останешься в этом мире, пока не совершится крещение, чтобы очистить все совершенные души. И еще то, что Ты говорил нам раньше: "Неужели вы думаете, что я пришел принести мир на землю?" и т. д. (302) Это означает тайну крещения, которую ты принес в мир, потому что она внесла раздор в тело мира, потому что разделила подделку духа, тело и его судьбу, на одну сторону, а душу и силу - на другую. То же самое: "Будут трое против двух, и двое против трех". И когда Мария произнесла эти слова, Спаситель сказал: "Хорошо делаешь ты, духовная в чистом свете, вот толкование слов Моих"". [71]

Мнение Симона Магуса, представителя гностиков, относительно крещения Кинг выражает следующим образом:

"Каббалисты, или еврейские гностики, подобно Симону Магусу, находили большую часть апостольского учения в соответствии со своим собственным и легко прививали к нему все, что им нравилось. Божественная сила творить чудеса, которой обладали апостолы и их преемники, естественно, вызывала интерес у тех, чьей главной тайной было занятие магией. Самаритяне считали Симона волхва "великой силой Божьей"; его привлекали чудеса, творимые апостолами, и, несомненно, он искренне "уверовал" - то есть по своей

собственной моде. Его представление о Святом Крещении было, вероятно, посвящением в новую тайну, с более высоким гнозисом, чем тот, которым он обладал раньше, и с помощью которого он надеялся быть наделенным высшими силами; так же и многие из тех, кого христианские отцы называли гностиками-еретиками, вовсе не были христианами, только они приняли столько христианской доктрины, сколько соответствовало их системе." [72]

Крещение кровью.

О том, какое значение культ поклонения солнцу придавал крещению, свидетельствует и крещение кровью, которое занимало видное место в митраистской системе искупления и духовного просвещения. Кинг комментирует это следующим образом:

"Тауроболия", или *крещение кровью*, в поздние века Западной империи занимала главное место как средство очищения от греха, каким бы жестоким он ни был. Пруденций оставил подробное описание этого ужасного обряда, в котором человек, подлежащий возрождению, раздевшись донага, спускался в яму, покрытую досками с множеством отверстий; на них закалывали быка, чья горячая кровь, стекая через эти отверстия (по подобию душевой ванны), тщательно орошала находящегося внизу. Выбор конкретной жертвы доказывает связь этой церемонии с митраистской, которая, как говорит Юстин, имела "крещение для отпущения грехов"; и бык, будучи в этой религии признанной эмблемой *жизни*, его кровь обязательно представляла собой наиболее эффективную умывалку для возрождения. Нет более убедительного доказательства ценности, которую тогда придавали Тауроболии, чем упомянутый Лампридием факт, что жрец-император Гелиогабал счел необходимым подчиниться ее исполнению; а яма, построенная для этой цели еще в четвертом веке, была недавно обнаружена в священных пределах храма в Элевсисе, самом священном месте во всей Греции." [73]

Крещение при смерти и для мертвых.

Нижеследующее проливает свет на языческое происхождение крещения как спасительного акта, во время смерти и после смерти. Описывая природу мистических формул, которые использовали гностики, Кинг говорит:

"Мотив для помещения в гроб умершего *иллюмината* этих "слов силы", начертанных на свитках свинца, пластинах бронзы, драгоценных камнях, которые мы рассматриваем, и, несомненно, в бесконечно большей степени на более бранных материалах, проясняется из описания Епифанием церемонии, посредством которой гераклеониты готовили своего умирающего брата к следующему миру. Они окропляли его голову водой, смешанной с маслом и опобалсамом, повторяя при этом форму слов, используемую маркосианами при крещении, чтобы его *Внутренний Человек*, обеспеченный таким образом, мог избежать бдительности князей и сил, чьи владения ему предстояло пересечь, и незаметно для всех подняться в Плерому, откуда он первоначально спустился. Поэтому жрецы наставляли умирающего, что, когда он предстанет перед этими Силами, он должен обратиться к ним со следующими словами: "Я, сын от Отца, Отец, существовавший ранее, но сын в настоящем времени, пришел, чтобы увидеть все вещи, как чужие, так и свои собственные, и вещи не совсем чужие, но принадлежащие Ахамоте (*Мудрости*), которая является женской, и создала их для себя. Но я заявляю о своем происхождении от Предсуществующего и возвращаюсь к себе, от которого я произошел". С помощью этих слов он ускользнет от Сил и доберется до Демиурга в восьмой сфере, к которому он снова должен обратиться с такими словами: "Я - драгоценный сосуд, превосходящий женскую силу, создавшую тебя, поскольку мать твоя не знает своего происхождения, тогда как я знаю себя и знаю, откуда я; и я взываю

к Нетленной Мудрости, которая находится в отце и в матери твоей матери, не имеющей отца - нет, даже мужчины-супруга, но являющейся женщиной, произошедшей от женщины, создавшей тебя, хотя сама она не знает своей матери, но считает себя существующей сама по себе. Но я взываю к матери". При таком обращении Демиург приходит в смятение (как и должно быть) и вынужден признать подлость своего происхождения; после чего внутренний человек гностика сбрасывает с себя рабство, а также своего *ангела* или душу, которая остается с Демиургом для дальнейшего использования, и поднимается еще выше на свое место".[74]

Мы увидим, что эта языческая концепция стала очень заметной в ранней Церкви. Крещение за мертвых", о котором говорит Павел и которое часто практиковалось после второго века, возникло из этого источника; также крещение откладывалось до момента смерти.

Крещение и поклонение змеям.

Змеепоклонники составляли видную ветвь гностиков, если не были родоначальниками этой системы. Поклонение воде было особой и основополагающей идеей в их вероучении. Свидетельствует следующее высказывание Кинга.

"Хорошо осведомленный и умеренный Ипполит, писавший в самый расцвет этих переходных теорий, открывает свое "Опровержение всех ересей" и пятую книгу описанием "той секты, которая осмелилась хвалиться змеем как автором своей религии, что они доказывают определенными аргументами, которыми *он* их вдохновил". По этой причине апостолы и священники этого вероучения были названы "наасени", от еврейского слова "наас", означающего змея; но впоследствии они называли себя "гностиками", потому что только они понимали глубокие вещи религии. Из этой секты вышло множество других учителей, которые, разнообразив первоначальные доктрины собственными изобретениями, стали основателями новых систем". Далее у него есть отрывок, непосредственно касающийся этой темы. "Этот *Наас* - *единственное*, чему они поклоняются, поэтому их называют "наасени" (*т. е. офиты, или змеепоклонники*). От этого же слова "наас", по их мнению, происходит название всех храмов (ναοί) под небом. И этому Наасу посвящены все обряды, церемонии, таинства; короче говоря, под Небом нет ни одного обряда, в который бы не входил этот Наас. Ибо говорят, что Змей означает элемент Воды; и вместе с Фалесом Милетским утверждают, что ничто во Вселенной не может существовать без него, будь то вещи смертные или бессмертные, одушевленные или неодушевленные. Все вещи подчинены ему; и он благ, и имеет все блага в себе, как в роге единорога, так что он придает красоту и совершенство всему, что есть, поскольку он пронизывает все вещи, как вытекающий из Эдема и разделенный на четыре головы..... Этот Наас - "вода над твердью", а также "вода живая", о которой говорил Спаситель. К этой воде тянется вся природа и притягивает из нее все, что аналогично ее собственной природе, каждую вещь по своему роду, с большей жадностью, чем грузный камень притягивает железо, луч морского ястреба, золото или янтарные соломинки. Затем они продолжают хвастаться: Мы - *Духовные*, которые извлекли свою долю из живой воды Евфрата, протекающего через середину Вавилона, и которые вошли через Истинные Врата, которые есть Иисус Благословенный. И мы из всех людей - *единственные христиане* в Третьих вратах, празднующие Тайну, помазанные неизреченным миром из рога, как Давид, а не из *глиняного сосуда*, как Саул, который общался со злым духом плотского совращения".[75]

Представление о воде как о средстве, дающем жизнь, занимает видное место в религии египтян. Они ассоциировали ее с Осирисом, богом солнца, производящим жизнь. Говоря об этом, Кинг отмечает:

"Символы того же культа были в некоторой степени объяснены людьми, писавшими в то время, когда они были еще живым, хотя и быстро исчезающим языком. Из таких авторов наиболее ценным является Плутарх, который в своем любопытном трактате *De Iside et Osiride* изложил значение некоторых из этих символов, и, как видно, на очень хорошем основании. По его словам, Исида иногда означает Луну, в этом смысле она обозначается полумесяцем: иногда - Землю, оплодотворяемую водами Нила. По этой причине воду, как семя Осириса, несли в вазе в процессиях в честь этой богини".[76]

Джеймс Бонвик, F.R.G.S., заявляет:

"Крещение в Египте известно под иероглифическими терминами "воды очищения". В Египте, как и в Перу, вода, используемая для погружения, абсолютно очищала душу, и человек, как говорили, *возрождался*. Сама вода была святой, а место было известно, как впоследствии и у восточных христиан, под названием *святой бани*. Ранние христиане называли это "приходом в мир заново". Древние всегда давали новое имя при крещении, этому обычаю впоследствии последовали и современные. Митраистская купель для крещения древних персов считается египетской по происхождению. Августин вполне может сказать, что "во многих святотатственных обрядах, связанных с идолами, сообщается о крещении людей".[77]

Священный Нил.

Языческое поклонение воде повсеместно было тесно связано со священными реками. Хардвик говорит о Ниле следующее:

"Поскольку Нил, например, был священной рекой и как таковой упоминался в египетских гимнах среди главных национальных богов, все, что непосредственно касалось культуры почвы и череды урожаев в каждом районе долины Нила, входило в число обязанностей, требуемых от земледельцев этим божеством. Почистить священную поверхность земли ковшом с разновесом в запрещенное время было преступлением, равным по жестокости поношению лица царя или отца".[78]

Поклонение воде в Индии.

Сэр Монье-Уильямс описывает поклонение воде в Индии следующим образом:

"Реки как источники плодородия и очищения с ранних времен наделялись священным характером. Предполагалось, что каждая великая река пронизана божественной сущностью, а ее воды очищают от всякой моральной вины и загрязнений, и поскольку Ганг был самым величественным, то вскоре он стал самой святой и священной из всех рек. Ни один грех не был слишком ужасен, чтобы быть снятым, ни один характер не был слишком черным, чтобы быть омытым ее водами. Отсюда бесчисленные храмы с лестницами, выстроившиеся вдоль ее берегов; отсюда множество священников, называемых "сыновьями Ганга", сидящих на берегу ее потоков, готовых помочь омовению мучимых совестью купальщиков и наложить на них печать белизны, когда они выйдут из ее вод. Отсюда и постоянная перевозка воды Ганга в маленьких бутылочках во все уголки страны".[79]

Священные колодцы изобилуют в Индии, особенно в городе Бенарес и его окрестностях. Мистер Уильямс описывает некоторые из них следующим образом. Первый из них считается священным, потому что, когда магометане разрушили некий храм, бог укрылся в этом колодце; таким образом, он стал святыней. Мистер Уильямс заявляет:

"Поэтому сюда постоянно стекаются толпы верующих, принося с собой подношения из цветов, риса и других зерен, которые они бросают в воду на глубине тридцати или сорока футов под землей. Брахман постоянно занят тем, что вычерпывает гнилостную жидкость, запах или, скорее, вонь которой, из-за постоянной примеси гниющих цветов и растительной массы, делает окрестности почти невыносимыми. Он выливает ее ковшом в руки ожидающих толпы, которые либо пьют ее с жадностью, либо благоговейно окропляют ею свои лица. Еще более священный колодец, называемый Маникарника, расположенный на одной из главных гат, ведущих к Гангу, обязан своим происхождением, по народному поверью, тому счастливому обстоятельству, что одна из серег Сивы случайно упала на это место. Этот колодец находится недалеко от поверхности и совершенно не виден. Он образует небольшой четырехугольный бассейн, глубиной не более трех футов. К воде ведут четыре ступеньки с четырех сторон, отвратительная нечистота которых, по мнению бесчисленных паломников, значительно повышает ее эффективность для избавления от греха. Самые отъявленные преступники приезжают из отдаленных уголков Индии к краю этого священного бассейна. Там они прибегают к услугам брахманов, назначенных для этой цели, и, спустившись вместе с ними в воду, вынуждены повторять определенные тексты и бормотать мистические формулы, смысл которых они совершенно не в состоянии понять. Затем, повторяя слова, вложенные в их уста, они с жадностью погружают все свое лицо под эту оскорбительную жидкость. После долгожданного погружения происходит чудесное превращение, ибо грязная вода очищает еще более грязную душу. Мало кто из индусов осмеливается сомневаться в том, что самый развращенный грешник на свете может быть таким образом превращен в непорочного святого, достойного того, чтобы сразу же быть переведенным на высшие небеса бога Бенареса.

"Но вернемся к храму Вишвары. Когда я посетил его, то обнаружил постоянный поток поклоняющихся, входящих и выходящих. На самом деле Сива, в его образе повелителя вселенной, является верховным божеством Бенареса. Не то чтобы паломникам запрещалось поклоняться в святилищах других богов, но Сива здесь главенствует и требует первого почтения. Однако у этого верховного бога нет изображения; он представлен простым коническим камнем, то есть Лингой, символом мужской генеративной силы. Метод совершения поклонения в этом великом центральном и типичном храме индуизма показался мне весьма примечательным в своем контрасте со всеми христианскими представлениями о природе поклонения. Все, что делал каждый поклоняющийся, - это приносил с собой воду Ганга в небольшом металлическом сосуде и выливал ее на каменного Линга; одновременно звонил в один из колоколов, висевших на крыше, чтобы привлечь внимание бога к себе, низко склонялся в поклоне и бормотал несколько текстов с повторением имени бога. Таким образом, символ бога постоянно поливался водой, а толпы проходящих и выходящих людей на некоторое время задерживались возле святилища, громко переговариваясь друг с другом. Шумные разговоры внутри самого святилища также не считались чем-то непочтительным. Не было никаких возражений и против того, чтобы неверующий, как я, подошел и заглянул внутрь; в то время как на юге Индии мне строго запрещалось посещать все проходы к внутренним святилищам Линги.^[80] Во дворах, прилегающих к Линге, находились другие святилища, посвященные различным божествам, а в своеобразной обители или галерее, опоясывающей храм, стояли тысячи каменных лингамов, небрежно собранных вместе и, очевидно, предназначенных только для вотивных подношений. Я

заметил змею, вырезанную вокруг одного или двух наиболее заметных символов мужской генеративной энергии, и это сочетание показалось мне очень значимым и поучительным".[81]

В другой работе мистер Уильямс пишет:

"Переходя к поклонению воде, особенно проточной, следует отметить, что речная вода повсеместно в Индии считается инстинктом божественности. Она не просто святая, она особенно пронизана божественной сущностью. Однако мы должны с осторожностью проводить различие между просто святостью огня или воды и поклонением им как личным божествам. В Риг-Веде, X., 30, X., 9, VII., 47, и других отрывках Веды, воды персонифицированы, обожествлены и почитаются как богини, и называются Матерями земли. В X., 17, 10, прославляется их очищающая сила, а в VI., 50, 7, - их исцеляющая сила. Они очищают своих почитателей от греха и неправды (I., 6, 22, 23)..... Река Сарасвати, называемая очистительницей в Риг-Веде, I., 3, 10, была для ранних индусов тем, чем Ганг был для поздних. Она была инстинктивно связана с божественностью, и ее влияние проникало в авторов ведических гимнов. Иногда ее отождествляют с ведической богиней вас, речью, и призывают как покровительницу науки".[82]

Место слияния Ганга с Джумной и Сарасвати - одно из самых освященных мест в Индии. Многие другие реки считаются особенно священными. Река Нарбода, по мнению некоторых, превосходит все остальные. Один только вид ее очищает душу от всякой вины. Она делает священными все другие воды на протяжении тридцати миль к северу и восемнадцати к югу. Берега всех главных рек Индии считаются священными от их истоков до моря. Совершаются паломничества, которые длятся по шесть лет, причем паломник спускается по одному берегу Ганга, а возвращается по другому. Такие паломничества сопряжены со многими трудностями, но они считаются легкими, и чем больше трудностей, тем больше заслуг в результате.

В еще более поздней работе сэр Уильямс описывает нынешний обычай крещения в Тибете и Монголии следующим образом:

"Можно заметить, что в Тибете и Монголии практикуется своеобразное крещение. Обычно детей окропляют освященной водой или даже полностью погружают в нее на третий или десятый день после рождения. Это называется Хрус-соль (по Йешке). Священник освящает воду, произнося какую-то формулу, при этом горят свечи и ладан. Затем он трижды окунает ребенка, благословляет его и дает ему имя. После совершения обряда он составляет гороскоп младенца. Затем, как только ребенок научится ходить и говорить, проводится вторая церемония, во время которой произносятся молитвы за его счастливую жизнь, а на шею вешается амулет или маленький мешочек, наполненный заклинаниями и чарами против злых духов и болезней".[83]

Другие авторы подтверждают вышесказанное, хотя сэр Уильямс является слишком высоким авторитетом, чтобы нуждаться в подтверждении. Алебастр говорит:

"Крещение было религиозным обрядом с очень древних времен: брамины считали, что если любой согрешивший человек придет на берег Ганга и, сказав: "Я больше не буду грешить", окунется в поток, то он вынырнет на поверхность свободным от греха, а все его грехи уплывут вместе с водой; поэтому он называется крещением, или обрядом омовения преступлений, чтобы они уплыли. Иногда, когда кто-нибудь был болен до смерти, родственники клали его у

реки, давали ему пить и обливали водой, пока он не умирал, веря, что таким образом он умрет святым и попадет на небеса".[84]

Мистер Уилкинс рассказывает:

"Дасахара: этот праздник отмечается в честь схождения Ганга с небес на землю, а называется он Дасахара, потому что считается, что купание в это время снимает все грехи, совершенные в десяти рождениях, *то есть* в течение десяти разных жизней. Это очень интересная церемония. Тысячи и тысячи людей приносят свои подношения из цветов, фруктов и зерна на берег реки, а затем входят в священный поток. Стоит отметить, что хотя во многих местах мужчины и женщины купаются вместе, причем мужчины просто обматывают поясицу тканью, а у женщин часто обнажается верхняя часть тела, я никогда не видел ни малейшей неуместности жестов в этих случаях. На некоторых праздниках, как уже было замечено, свободно допускаются самые грубые непристойности в языке и жестах: но на банных праздниках я никогда не замечал ничего неприличного. Для тех, кто живет недалеко от Ганга, уместно купаться в нем; но вместо Ганга могут использоваться другие реки, и создаются легенды о том, что их достоинства еще больше, чем у Ганга; если нет удобной реки, то ее можно заменить резервуаром".[85]

Современный буддистский баптизм.

Современное поклонение воде, связанное с буддизмом, сэр Монье-Уильямс в своей последней книге[86] описывает следующим образом:

"В Бирме, где до сих пор сохранился хороший тип южного буддизма, новогодний праздник можно с полным правом назвать "праздником воды". Он так мало связан с увеличением новогоднего света, что часто проходит в начале апреля.[87] Однако это подвижный праздник, дата которого регулярно устанавливается астрологами Мандалая, которые "производят сложные расчеты, основанные на положении различных созвездий". Цель состоит в том, чтобы определить, в какой именно день король натов сойдет на землю и откроет новый год. Когда этот день наступает, все становятся на вахту, и в нужный момент, который неизменно наступает в полночь, раздается выстрел из пушки, возвещающий о появлении на земле короля натов. После этого (по словам г-на Скотта) мужчины и женщины выходят из своих домов, неся горшки, полные воды, освященной свежими листьями и веточками священного дерева, повторяют официальную молитву и выливают воду на землю. В то же время все, у кого есть какое-либо оружие, разряжают его, чтобы встретить новый год с максимальным шумом.

Затем, "с первыми проблесками света", все берут кувшины, наполненные свежей водой, и несут их в ближайший монастырь. Сначала они представляют их монахам, а затем приступают к омовению образов. Обычно эту работу выполняют женщины, "которые с благоговением поднимаются" и опускают свои кубки с водой на спокойные лица Будд и Бодхисаттв. Затем начинаются сатурналии. Вдоль всей дороги стоят ежи со спринцовками и шприцами, с которыми они тайком упражнялись последние несколько дней. Приобретенное мастерство проявляется в точности их прицеливания. Холодные струи воды попадают уши прохожих. Юноши и девушки приветствуют друг друга содержимым кувшинов и кубков. Крики веселья раздаются во всех кварталах. Еще до завтрака все промокли, но никто и не думает менять одежду, ведь погода теплая и "вода повсюду". Наибольший энтузиазм

проявляют девушки, поскольку они обычно ходят группами и несут с собой полные резервуары; "незащищенные самцы" вскоре оказываются в проигрыше. Затем несколько "рьяных людей" спускаются к реке, заходят в воду по колена, плещутся и обливают друг друга, пока не устанут. Никто не спасается. В течение трех дней никто не хочет, чтобы его видели в сухой одежде. Намокание - это комплимент".[88]

"В Тибете в седьмом или восьмом месяце (примерно в наших августе и сентябре) проходит водный фестиваль. На этом празднике ламы идут процессией к рекам и озерам и освящают воды благословением или подношениями. На берегах возводятся хижины и палатки, люди купаются и пьют, чтобы смыть с себя грехи. Завершается праздник танцами, шутовством и маскарадом".[89]

Лидия Мария Чайлд так описывает

Крещение у индусов:

"Предполагается, что вода очищает душу и защищает от зла. Когда рождается ребенок, жрецы окропляют его, окропляют жилище, и все обитатели дома купаются. Они делают это из соображений, что это отпугивает злых духов. Люди совершают омовение перед едой, а жрецы очищают себя водой, сопровождая это молитвами, по бесчисленным поводам. Когда человек умирает, брамины спешат окунуть его в реку, полагая, что таким образом душа отходящего освобождается от нечистот, прежде чем покинет тело. Некоторые реки считаются более святыми и действенными, чем другие, например Ганг, Инд и Кришна; вода Ганга используется во всех самых торжественных случаях. Ею омывают изображения божеств, ею окропляют браминов при вступлении в священнический сан. Счастливее других людей тот, кто утонул в этом священном потоке. Считается, что раз в двенадцать лет воды озера Кумбхакум наделяются силой очищать от всех грехов. Когда этот срок приближается, брамины рассылают во все стороны гонцов, чтобы сообщить, когда наступит великий день омовения. На берегах собирается огромное количество мужчин, женщин и детей из дальних и ближних стран. Они погружаются в воду по сигналу священнослужителя-брамина, и во всеобщем порыве многие захлебываются или ломают себе конечности. В храмах хранится вода из Ганга, и когда люди умирают, они часто отправляются издалека, чтобы набрать ее. Прежде чем преданные опускают ноги в реку, они омывают руки и произносят молитву".[90]

Эти свидетельства показывают нам, что поклонение воде и крещение, причем вода использовалась по-разному - погружением, окроплением, обливанием и т. д., - занимало видное место в восточном язычестве с древнейших времен до наших дней. С Востока оно перешло в Грецию и Рим. Возможно, поток из Египта был самостоятельным, пришедшим с юга. Прежде чем рассматривать непосредственный контакт языческого водопоклонения с ранним христианством, необходимо отметить его существование за пределами Востока и Египта.

ГЛАВА IV.

ПОКЛОНЕНИЕ ВОДЕ В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ И МЕКСИКЕ.

Поклонение воде, широко распространенное и связанное со священными сезонами - крещение младенцев у скандинавов и тевтонов - языческое "крещение детей" - святая вода как защита от болезней и т. д. - польза воды для механических целей - водяные спрайты - сходство между римским католицизмом и язычеством Мексики - крещение ацтеков - молитва мексиканской акушерки о "крещенском возрождении" ребенка.

Существование широко распространенной системы водных культов в Северной Европе подтверждается непосредственной историей язычества, историей христианства в период его первого введения, постановлениями соборов, капитуляриями и другими подобными документами. Эти источники показывают, что алламанны, франки и другие народы поклонялись рекам и фонтанам и использовали воду в различных священных целях. Они молились на берегах священных рек и у священных фонтанов. Источники, бьющие из земли, считались особенно священными, поскольку возникали непосредственно благодаря божественному воздействию. При поклонении фонтанам и колодцам использовались зажженные свечи. Этот обычай сохранился до наших дней в полурелигиозных обычаях людей, которые смотрят в колодцы при свете свечи в рождественские и пасхальные ночи. Считалось, что священные ручьи и реки возникали из воды, выливаемой богами из чаш и урн.

Вода, набранная в священные времена года, такие как полночь и восход солнца, всегда называлась "святой водой". Вода из родника, набранная в святую рождественскую ночь, когда часы бьют двенадцать, известна как *"хейлвей"* и считается, что она помогает при некоторых заболеваниях. В настоящее время жители Северной Европы верят, что между одиннадцатью и двенадцатью часами в ночь на Рождество и в ночь на Пасху *родниковая вода превращается в вино*. Подобная вера встречается еще во второй половине четвертого века, что отмечает Златоуст в проповеди на Богоявление, произнесенной в Антиохии.

Следующая цитата покажет, что языческое поклонение воде было распространено как в Северной Европе, так и на Востоке:

"Не менее примечательно, что на Севере крещение младенцев практиковалось задолго до того, как в этих краях забрезжил рассвет христианства. Снорри Стурласон в своей хронике, рассказывая о норвежском дворянине, жившем во времена правления Харальда Харфагра, повествует, что он вылил воду на голову новорожденного и назвал его Хаконом, по имени его отца. Сам Харальд был крещен таким же образом, а о короле Олафе Трюггвасоне известно, что его мать, Астрида, окрестила и назвала его, как только он родился. Ливы соблюдали ту же церемонию, которая также преобладала среди германцев, как следует из письма, которое знаменитый папа Григорий Третий направил их апостолу Бонифацию, четко указывая ему, как поступать в этом отношении. Вероятно, все эти люди намеревались с помощью такого обряда уберечь своих детей от колдовства и злых чар, которые колдовские духи могли использовать против них в момент их рождения. Некоторые народы Азии и Америки приписывали подобную силу омовениям такого рода; не обошлось без такого обычая и у римлян, хотя они не полностью ограничивали его новорожденными младенцами".^[91]

S. Баринг Гулд свидетельствует о языческом крещении в Скандинавии следующее:

"Среди скандинавов крещение младенцев было в моде задолго до введения христианства, и этот обряд сопровождал наречение ребенка. До совершения этого обряда обнажение

младенца было законным, но после церемонии оно становилось убийством. Крещение кровью, по-видимому, практиковалось германцами и норманнами в далекой древности; на это указывают предания о рогатой Сигфриде, или Сигурде, и Вольфдитрихе. Окувание в воду и обливание водой или кровью жертвы также было принято у друидов, как и крещение огнем, возможно, заимствованное ими у финикийцев. Это было то самое прохождение через огонь к Молеху, о котором неоднократно упоминается в еврейских Писаниях".[92]

Существует прекрасная картина крещения у язычников-тевтонов, написанная Конрадом Маурером, в которой автор подробно показывает связь между крещением младенцев у греков, римлян, тевтонских язычников и тевтонских христиан. Газета "Нейшн" за 22 сентября 1881 года отзывается о работе г-на Маурера следующим образом :[93]

"Большая часть монографии Маурера посвящена тому, чтобы показать, как церемонии, связанные с языческим крещением, были приняты христианской церковью, и проследить языческий источник прав и привилегий, предоставляемых детям при крещении в церкви. Автор предполагает, что прикладывание к груди было признанием ребенка со стороны матери, а предоставление права на крещение - признанием ребенка со стороны отца, и что это было главным значением последней церемонии; хотя из "Хавамала" в "Старшей Эдде" следует, что духовные благословения также обеспечивались младенцу окроплением святой водой. Крещение делало ребенка *наследником* как у язычников, так и у древних тевтонских христиан, и тот факт, что у тех и других оно имело так много общего, что происходило вскоре после рождения ребенка и было связано с его наречением; что были боги-отцы и боги-матери, и что дарились подарки, делает этот вопрос чрезвычайно интересным. Но автор идет дальше и доказывает на основании древних законов германцев, вестготов и англосаксов, что обряд крещения должен быть совершен на девятый день после рождения ребенка; и здесь он обращает внимание на древнеримский обычай давать имя младенцу женского пола на восьмой, а младенцу мужского пола - на девятый день после рождения, и цитирует римские законы, чтобы показать, что этот день наречения имел юридическое значение для ребенка. Подобный обычай встречается и у древних греков, где седьмой день после рождения ребенка отмечался *очищением*, дарами, жертвоприношениями, пиршествами и другими церемониями. Маурер предполагает, что этот седьмой день очищения у языческих греков имел такое же юридическое значение для ребенка, как и день окропления водой у тевтонов, и что он определял, будет ли ребенок жить или подвергнется опасности. Римское право устанавливает, что восьмой день после рождения для девочек и девятый для мальчиков был *Dies lustricus*, то есть днем, в который совершался религиозный обряд (*lustratio*) для младенцев и в который им давали имена, отчего он назывался *solonnitax nominalium*. В этот день младенцев приносили в храм, устраивали пиры и т. д.[94] Таким образом, у древних греков и, что гораздо важнее, в старых римских законах мы находим день, установленный для младенцев, в который они получают свои имена, и это наречение связано с соблюдением определенных церемоний. Какова была точная природа этих обрядов, нам не известно; но поскольку в римских документах обозначается термином *lustratio*, вряд ли можно сомневаться, что это должно было быть символическое очищение с помощью воды. А поскольку *Dies lustricus*, по общему признанию, обеспечивал младенцу юридические права, встает вопрос о том, заимствовали ли старые тевтонские язычники право крещения у древних римлян, или же крещение было исконным институтом среди арийцев до того, как они разделились на тевтонов, римлян и т.д. Не подлежит сомнению, с одной стороны, что римские *Dies lustricus* использовались христианами при определении дня крещения, тем более что он так близко соответствовал Моисееву дню обрезания; а с другой стороны, как многие старые тевтонские праздники были превращены в фестивали,

так и форма тевтонского крещения была в значительной степени перенята христианами Северной Европы."

Крещение, несомненно, было древним арийским обрядом, существовавшим до разделения расы, о котором говорит г-н Маурер. Дополнительное доказательство люстрации и наречения младенцев у греков и римлян можно найти в "Словаре греческих и римских древностей" Смита, стр. 800, 801. Также о люстрации святой водой детей и взрослых см. в "Жизни греков и римлян" Э. Гуля и В. Конера, стр. 282, Лондон (без даты, но с 1862 г.). См. также Тертуллиан, "Об идолопоклонстве" (глава xvi.), где говорится о языческих "праздниках наречения имен".

Якоб Гримм (Тевтонская мифология, 4 тома, Лондон, 1883), самый кропотливый и ученый авторитет, показывает, что христианство нынешнего века все еще глубоко пропитано остатками древнего языческого поклонения воде. Он заявляет:

"Суеверные христиане тогда верили в две вещи: освящение воды в полночь в день крещения и превращение ее в вино во время бетфании. Такую воду германцы называли *heilawâs* и приписывали ей чудесную силу исцелять болезни и раны, а также никогда не портиться.

"Возможно, даже в Сирии старое языческое черпание воды завуалировалось под новые христианские смыслы. В Германии другие обстоятельства недвусмысленно указывают на языческое освящение воды: ее полагалось набирать не в полночь, а утром *до восхода солнца вниз по течению и молча*, обычно в *пасхальное воскресенье*, к которому вышеприведенные объяснения не так хорошо применимы: эта вода не портится, она восстанавливает молодость, лечит извержения и делает молодой скот сильным. Волшебная вода, служащая для нехристианских гаданий, должна быть *набрана перед восходом солнца в воскресенье* в один стакан из *трех текущих источников*; перед стаканом *зажигают факел*, как перед божественным существом. Здесь я снова привожу гессенский обычай, упомянутый на странице 58: В пасхальный понедельник юноши и девушки идут к Полой скале в горах, набирают *воду из прохладного источника в кувшины, чтобы нести домой*, и бросают туда цветы в качестве подношения. По всей видимости, это поклонение воде было кельтским. Вода из скального источника Карнант делает сломанный меч снова целым. Любопытные обычаи показывают нам, каким образом молодые девушки в Пиренеях *рассказывают о своих судьбах в воде источника* в майское утро".[95]

Вода, обеспечивающая иммунитет от болезней.

Священная вода как средство люстрации и предохранения от болезней - еще одна характерная черта североевропейского водопоклонения. Гримм описывает его следующим образом:

"В источнике близ Ногента мужчины и женщины купались в канун дня святого Иоанна: комедия Хольберга "Кильде-райзен" основана на обычае копенгагенцев паломничать к соседнему источнику в *день святого Ганса*, чтобы исцелиться и набраться сил в его водах. В канун середины лета жители Остергётланда по древнему обычаю отправлялись к бергекелле Лагмана близ Скенинга и пили из колодца. Во многих частях Германии на Витсунтид посещают какой-нибудь чистый фонтан и пьют воду в кувшинах необычной формы. Еще важнее описание Петраркой ежегодного купания кельнских женщин в Рейне; оно заслуживает полной цитаты, поскольку ясно доказывает, что культ царил не только у отдельных источников, но и в самой великой реке Германии. Из незнания итальянцем этого

обряда можно сделать вывод, что он был чужд стране, откуда исходили все церковные церемонии, а значит, совершенно нехристианский и языческий. Но Петрарка, возможно, не был досконально знаком со всеми обычаями своей страны; во всяком случае, после его времени мы находим там люстрацию в день святого Иоанна (описанный как древний обычай, который в то время угасал). А задолго до Петрарки, во времена Августина, этот обряд практиковался в Ливии, и этот отец осуждает его как пережиток язычества. В целом он, конечно, не был санкционирован Церковью, но все же мог быть разрешен в некоторых местах, как напоминание о Крестителе в Иордана, и теперь толкуется о нем, хотя когда-то он был языческим. Он мог бы легко войти в широкое употребление, и не только как христианский праздник: для наших языческих предков день святого Иоанна означал бы праздничную середину года, когда солнце поворачивается, и с ним могло бы быть связано множество обычаев. Признаюсь, если бы Петрарка стал свидетелем купания в реке в каком-нибудь маленьком городке, я бы скорее принял его за исконный обряд древних германцев; в Кельне, святом городе, столь известном своими реликвиями, я скорее подозреваю, что это обычай, впервые введенный христианской традицией".[96]

Вода, используемая в механических целях, также рассматривалась как обладающая особыми достоинствами. До сих пор сервы ловят воду, которая отскакивает от лопастей мельничных колес. В день святого Георгия, 23 апреля, женщины рано утром идут набирать такую воду для купания. Некоторые несут ее домой вечером перед двадцать третьим числом и посыпают ею растертые кусочки зеленых трав и веток. Они верят, что в результате такого купания все зло и вред "соскочат с их тел, как вода с мельничного колеса". Следы того же суеверия сохранились в Сервии в народном предостережении: "Не смывайте воду с рук после утреннего умывания", иначе вы спугнете свою удачу на весь день.

В Северной Европе во время засухи распространено множество религиозных и суеверных обрядов, чтобы умиловить добрых или злых божеств и обеспечить дождь. Некоторые богини, занимавшие видное место в мифологии Северной Европы, особенно Нертус и Хольда, были тесно связаны с поклонением воде. Первая представляла землю, и о ней говорят как о "любящей купаться Нертусе". Хольда жила в колодцах. Она была идентична римской Изиде. "Когда идет снег, она стелет постель, и перья летят. Она мешает снег, как Донар - дождь". В Пруссии, когда идет снег, люди говорят: "Ангелы качают свои постели, и хлопья пуха падают на землю". Считалось, что Хольда обитает в озерах и фонтанах, и в полдень ее можно увидеть купающейся. Смертные могли попасть в ее жилище, пройдя через колодец. Считалось, что она проходит по земле в Рождество, принося своим присутствием плодородие.[97]

Пятого августа брюссельские кружевницы молятся Марии, чтобы их работы "оставались белыми, как снег". Считалось, что Хольда появляется в виде уродливой старухи, длинноносой, большезубой, со щетинистыми и густыми волосами. В народе до сих пор говорят о человеке, чьи волосы спутаны и находятся в беспорядке: "Он погулял с Хольдой".

В Швеции до сих пор сохранился языческий страх перед водяными духами. Считается, что при переходе через любую воду после наступления темноты следует *трижды сплунуть*, чтобы защититься от их дурного влияния.[98] Также считается, что опасно черпать воду из колодца, не поклонившись божеству, которое им управляет. Этот обычай сохранился и у современных греков. Считается, что вор не пострадает от своего злого умысла, если принесет жертву водным спрайтам, бросив в ручей немного украденного. В Эстонии новоиспеченная жена опускает подарок в колодец дома, где ей предстоит жить. В 1641 году

Ганс Ом из Соммерпала в Эстонии построил мельницу на священном ручье. В течение нескольких лет не было урожаев, пока крестьяне не обрушились на мельницу, сожгли ее и уничтожили сваи в воде. Ом обратился в суд и добился приговора против крестьян. Но чтобы избавиться от новых тяжких преследований, он уговорил пастора Гуцлафа написать трактат, специально направленный против этого суеверия. На вопрос, как хорошая или плохая погода может зависеть от родников и ручьев, эстонцы отвечали: "Это наша древняя вера: хорошая погода зависит от родников и ручьев: "Это наша древняя вера: так учили нас древние люди. На этом ручье до сих пор сжигали мельницы". Они называли его "Святым ручьем" и верили, что если им нужен дождь, то его можно вызвать, бросив что-нибудь в ручей.[99]

Множество подобных историй можно найти в современной литературе Эстонии. Хотя и менее утонченная, мифология поклонения воде в Северной Европе была столь же распространенной и устойчивой в своем влиянии, как и в Южной Европе или Азии. Ее влияние на христианство было не менее заметным, и изменения, которые она произвела в христианском крещении, в значительной степени сохранились и по сей день. Всеобщее влияние языческого крещения и его существенное единство можно продемонстрировать, обратившись от Северной Европы к крайней точке другого континента и рассмотрев

Поклонение воде в Мексике.

Прескотт говорит об изумлении, с которым первые испанцы наблюдали сходство между обычаями язычников-мексиканцев и Римско-католической церкви; он говорит:

"С теми же чувствами они наблюдали и другую церемонию, крещение ацтеков, в ходе которой после торжественного призыва голова и губы младенца касались воды, и ему давалось имя, а богиню Чиоакоатль, которая руководила родами, молили, чтобы грех, который был дан нам до начала мира, не посещал ребенка, но чтобы, очищенный этими водами, он мог жить и родиться заново." [100]

Полный отчет об этом языческом крещении в Мексике приводится Саагун-де-Бернардино следующим образом:

"Когда все необходимое для крещения было готово, собирались все родственники ребенка, а также вызывалась повитуха, которая совершала обряд крещения. На рассвете они собрались во дворе дома. С восходом солнца повитуха, взяв ребенка на руки, звала маленький глиняный сосуд с водой, а те, кто был рядом, расставляли посреди двора украшения, приготовленные для крещения. Чтобы совершить обряд крещения, она становилась лицом к западу и сразу же начинала совершать определенные обряды..... После этого она окропила водой голову младенца, говоря: "Дитя мое! Возьми и прими воду Господа мира, которая есть наша жизнь и дана для возрастания и обновления нашего тела. Она предназначена для омовения и очищения. Я молюсь, чтобы эти небесные капли вошли в твое тело и пребывали там; чтобы они уничтожили и удалили из тебя все зло и грех, которые были даны тебе от начала мира; ведь все мы находимся под их властью, будучи детьми Халхивитликуэ (богини воды)". Затем она омывала тело ребенка водой и говорила так: "Когда бы ты ни пришла, ты, причиняющая вред этому ребенку, оставь его и отойди от него, ибо он теперь живет заново и рождается заново; теперь он очищается и очищается заново, и наша Мать Чалхивитликуэ снова приносит его в мир". Помолившись таким образом, повитуха взяла ребенка на обе руки и, подняв его к небу, сказала: "Господи, Ты видишь здесь Твое создание, которое Ты послал в этот мир, в это место скорби, страданий и покаяния. Даруй ему, Господи, дары Твои и вдохновение Твое, ибо Ты - великий Бог, и с Тобой - великая Богиня". Во время

совершения этих церемоний горели факелы из сосны. По их окончании ребенку давали имя одного из его предков в надежде, что оно прольется на него новым сиянием. Имя давала та же повитуха или жрица, которая его крестила".[101]

Полное обсуждение церемоний крещения среди язычников Мексики можно найти в работах Г. Х. Бэнкрофта,[102] , где обсуждение полностью подтверждает вышесказанное Прескоттом и Саагуном.

ГЛАВА V. ГРЕЧЕСКОЕ ПОКЛОНЕНИЕ ВОДЕ.

Орошение и погружение в воду - важность "крещенского возрождения" - люстральная вода на дверях храма - крещение животных - влияние "греческих мистерий" на христианское крещение - инициационное крещение - сценические иллюстрации - митраистское крещение, переделанное из греческого - "Символ веры", "Символ", взятый из греческого культа поклонения воде - идентичность греческой и римско-католической форм - использование плевка в языческом крещении.

Осмотрев обширную область, мы переходим к еще более конкретному взгляду на языческий культ по линии эллинской мысли, где он наиболее сильно повлиял на христианство.

О поклонении воде у греков Поттер пишет следующее:

"По крайней мере, каждый человек, приходивший на торжественные жертвоприношения, очищался водой. Для этого у входа в храмы обычно ставили сосуд, наполненный святой водой. Эту воду освящали, опуская в нее горящий факел, взятый с алтаря. Этот же факел иногда использовался для окропления тех, кто входил в храм. Так мы находим у Еврипида, а также у Аристофана, где схолиаст замечает, что факел использовался из-за качества огня, который, как считается, очищает все вещи. Вместо факелов иногда использовали ветку лавра, как мы находим у Плиния. Так, Созомен, рассказывая о том, как Валентиниан последовал за Юлианом в языческий храм, повествует, что когда они собирались войти, жрец, держащий в руках несколько зеленых веток, капающих водой, оросил их на греческий манер. Вместо лавра иногда использовалась олива. Так, у Вергилия мы находим:

"Старый Кориан трижды обошел экипаж,
И оливковую ветвь обмакнул в святую росу".

"Этот обычай окружения, о котором здесь идет речь, был настолько постоянным в очищении, что большинство терминов, относящихся к любому виду очищения, соединяются с *περί*, вокруг, так: *περίφραίνεiv*, *περίφάττεσθαι*, *περίθειοῦν*, *περίαυνίζειiv*, и т.д.

"Сосуд, в котором содержалась вода для очищения, назывался *περίφραντήριον*. Латинское слово *lustrare*, означающее "очищать" или "искупать", стало впоследствии общим словом для обозначения любого вида окружения или охвата. Так, у Вергилия оно употреблено: *...dum montibus umbræ lustrabunt convexo*. Спонданус рассказывает, что перед жертвоприношениями небесным богам поклоняющиеся омывали все тело, а если это было невозможно, то хотя бы руки; но для тех, кто совершал священные обряды inferнальным

богам, было достаточно небольшого окропления. Иногда ноги омывали так же, как и руки; отсюда возникли пословицы: ἀνιπτοῖς χερσὶν и ἀνιπτοῖς ποσὶν. В латинском языке *illotis manibus* и *illotis pedibus*, - которые обычно применяются к людям, берущимся за что-либо без должного внимания и подготовки. Порфирий рассказывает, что существовала программа, согласно которой ни один человек не должен был выходить за пределы περὶ ῥαυτῆριον, пока не вымоет руки; настолько большим преступлением считалось пропустить эту церемонию, что Тимархид рассказал историю о некоем Астерии, которого поразил гром за то, что он подошел к алтарю Юпитера с немытыми руками. Этот обычай использовался не только во время торжественных жертвоприношений, но и в самых незначительных частях поклонения. Гектор рассказывает, что боялся сделать даже возлияние Юпитеру, пока не омоется.

Я боюсь с немытыми руками принести,

Мое вино с благовониями в жертву Юпитеру".

В "Одиссее" Гомера говорится, что Телемах омыл руки, прежде чем решился молиться богам. Так они поступали из представления, что таким образом очищаются от грехов, а вместе с тем это означало, что ничто нечистое не должно приближаться к божествам. По этой же причине они иногда стирали свою одежду, как рассказывает Гомер о Пенелопе, прежде чем она возносила молитвы богам. Вода, используемая для очищения, должна была быть чистой, без грязи и других примесей. Обычно ее брали из фонтанов и рек. Вода из озер или стоячих прудов была непригодна для этой цели. Так же как и самый чистый ручей, если он был долгое время отделен от своего источника".[103]

Баринг Гулд дает еще одно представление о крещении и люстрации у греков:

"У греков мистерии Котиса начинались с очищения, своего рода крещения, и жрецы фракийской богини получали от этого свой титул βάπται. Но Аполлон, как предполагается, производящий свое имя от ἀπολούω очищать, был особым богом искупления через крестильные действия. В Фессалии ежегодно отмечался великий праздник очищения. Труд, носящий имя Мусея, представлял собой полный ритуал очищения. В нем церемонии разделены на два порядка: τελεταί и καθαρμοί. Последние представляли собой очищения и искупления, совершаемые с помощью специальных жертвоприношений. Первые напоминали очищения, совершаемые в мистериях. Обычным способом очищения было погружение в воду, или же оно совершалось путем обливания. Крещение погружением называлось λοῦτρον, а другое περὶ ῥαυσις. Считалось, что эти таинства имеют силу, не зависящую от склонностей кандидата, и это мнение вызывало усмешку Диогена, когда он видел, как кто-то проходит крещение посредством обливания: "Несчастный! Разве ты не видишь, что, поскольку эти окропления не могут исправить твои грамматические ошибки, они не могут исправить и недостатки твоей жизни?"

"У дверей храма стояла люстральная вода, которой жрецы очищали оскверненных. Обычно, прежде чем войти в храм, омывали руки и ноги. В Афинах, когда предстоятель открывал собрание, перистиарх приносил жертву, а затем кровью жертвы окроплял сиденья. Затем место перистиарха занимал глашатай, который продолжал люстрацию, возжигая фимиам, ибо окуривание (περιθεῖωσις) было еще одним средством очищения. Вместо воды использовали песок и соль, которая, как символ нетления, считалась обладающей очистительной силой. Любой нечистый поступок, убийство, прикосновение к трупу, незаконная торговля, даже супружеский акт, требовали очищения. Подобным образом крещение практиковали и римляне, а Ювенал сатирически описывает тех, кто смывал свои грехи, трижды окуная голову по утрам в воды Тибра.[104]

"В праздник Палеса, богини стад, пастухи очищали себя, трижды омывая руки в новой росе; или же люстрация осуществлялась путем обливания освященной водой, стряхиваемой с ветки лавра или оливы; в связи с этим обрядом Проперций молится, как когда-то Давид: "*Spargite me lymphis*".[105]

Греческая идея крещения хорошо изложена Овидием в следующих строках:

"Из Греции обычай пришел, ибо Греция почитает

Тех, кто свободен от вины, кто купается в священных потоках.

Так старый Пелий когда-то омыл Патрокла,

И свободен от пятен в волнах Гемонских:

Как и в том же самом гемонском потоке до него,

Акаст, Пелий освободил от крови Фокуса.

Фасийская колдунья, в своей огненной машине,

В жидком воздухе драконы несли,

К доверчивому Эгею обратилась с мольбой,

И от него получила незаслуженную помощь.

В потоке Наупактона Акелус,

Его ужасные руки запятнаны кровью матери,

Алкемон искупался; "Очисти меня от преступления", - взывал он,

И поток не отказал ему в просьбе.

Ах, тщетны надежды, и слишком легки они,

Кто думает, что вода снимает вину".

Фасты, кн. II, строка 58 и далее.

Влияние "греческих мистерий".

Влияние греческих мистерий на разращение христианского крещения прослеживается более отчетливо, чем влияние любого другого конкретного отдела языческого культа. Эти мистерии были остатком древнейшей религии, известной грекам. Они воплощали в себе поклонение богам производительных сил природы и богам смерти. Важнейший центр этого культа находился в Элевсисе, где в самом большом храме Греции совершались богослужения. Главными элементами культа были посвящение, жертвоприношение и живописные представления великих фактов в процессах природы и человеческой жизни. Основная концепция инициации заключалась в том, что кандидат должен очиститься, прежде чем он сможет приблизиться к богу. Очистившись таким образом, посвящаемый приобщался к божественной жизни и надежде на воскресение. Церемония начиналась с провозглашения: "Да не войдет никто, чьи руки не чисты и чей язык не благоразумен".[106]

За исповедью следовало своеобразное крещение.[107] Кандидаты на посвящение купались в чистых водах моря. Способ купания и количество погружений зависели от степени вины,

которую они исповедовали. Из купальни они выходили новыми людьми. Это был κάθαρσις, λουτρὸν, "умывальник возрождения". Налагались определенные формы воздержания; они должны были поститься; когда они ели, они должны были воздерживаться от определенных видов пищи.[108]

После этого очищения следовало σῶτήριον, "великая общественная жертва спасения", а также личные жертвы. После двухдневного перерыва следовало еще больше жертвоприношений, представлений и "процессий". Инициированные несли зажженные факелы и пели "громкие песнопения в честь бога".[109] Затем наступала ночь живописных представлений. Посвящаемые стояли перед храмом в кромешной тьме. Внезапно дверь открывалась, и в лучах света разыгрывалась драма Деметры и Кора, в которой были показаны потеря дочери, странствия матери и рождение ребенка. Это символизировало землю в ее великих переживаниях, а также соответствующие переживания в человеческой жизни. Все это происходило в тишине. Каждый человек видел и медитировал сам. Считалось, что это придавало чистоту посвящаемым, изменяло их отношения с богами и делало их "причастниками жизни, которая придет".[110] Митраистика имела похожую форму инициации, важной особенностью которой была священная трапеза на "священном столе", в которой принимали участие посвящаемые после очищения. Общества, практиковавшие эти мистерии, существовали в широких масштабах в первые века нашей эры и оказали заметное влияние на первые христианские общины и на последующую церковь. Хэтч так описывает это влияние:

"Когда новая группа ассоциаций начинает существовать бок о бок с большой существующей группой ассоциаций, от которой она постоянно отделяет членов, вводя их в свою среду, с практикой их первоначальных обществ, запечатленной в их сознании, было неизбежно, что эта новая группа должна иметь тенденцию ассимилировать, с ассимиляцией своих членов, некоторые элементы этих существующих групп.

"Именно так, как мы выяснили, и было на самом деле. Возможно, они сделали христианские объединения более тайными, чем раньше. До определенного времени нет никаких свидетельств того, что христианство имело какие-либо секреты. Оно открыто проповедовалось всему миру. Оно охраняло поклонение, налагая моральный барьер на вход. Но его обряды были простыми, а учение - публичным. Спустя некоторое время все изменилось; в некогда открытой и легкодоступной вере появились тайны, а также доктрины, которые не должны провозглашаться в слух непосвященных".[111]

Влияние этих языческих таинств на христианское крещение, а также на Вечерю Господню станет более понятным, если мы вспомним, насколько простой была новозаветная церемония крещения. Оно следовало сразу за исповеданием веры во Христа. Не было ни подготовительной церемонии, ни ритуала, только простая формула. Не было никакой путаницы или споров относительно "способа", потому что в христианских кругах было известно только погружение в воду.

Когда в середине и после середины второго столетия в истории появляются заметные изменения, которые настолько идентичны гностицизму и греческим мистериям, что не может быть никаких сомнений относительно их источника.[112] Среди этих изменений были следующие:

Название изменено, а новые термины взяты непосредственно из знакомых мистерий. Юстин называет это φωτισμός, φωτισθεῖν, "просветление".[113] Те, кто прошел испытания, были

"запечатаны", φραγς - термин из мистерий.[114] Крещение также называлось μυστήριον,[115] "Тайны" и многими другими терминами, все из которых произошли от "таинств греческого язычества, а не от Нового Завета".

Время крещения взрослых было изменено, чтобы соответствовать языческому представлению о нем как об очистительном и спасительном акте. Требовалась длительная подготовка, и, чтобы соответствовать языческому представлению о снятии грехов, крещение часто откладывалось до конца жизни, чтобы извлечь максимум пользы из обоих миров.[116] В греческих мистериях посвященным давали пароль: σύμβολον или σύνθημα. "Так и у катехуменов была формула, которая доверялась им только в последние дни их катехумената, сама формула крещения и молитва "Отче наш".[117] Вручение этой формулы сопровождалось особым обрядом. В остальном и молитва Господня, и Символ веры хранились как "таинства"; техническое название Символа веры до сих пор сохранилось как σύμβολον "символ".[118]

Хэтч приводит описание крещения в Римско-католической церкви, которое показывает все существенные черты элевсинских мистерий, перенесенные на "христианское крещение", ложно названное так. Это описание взято у Мабильона.[119] Он пишет следующим образом:

"Я сокращу рассказ, который дается о практике в Риме в конце девятого века. Подготовка продолжалась в течение большей части Великого поста. Кандидаты проходили обследование и испытания, постились, получали тайные символы, Символ веры и Молитву Господню. Накануне Пасхи, когда день клонился к полудню, они собрались в церкви Святого Иоанна Латеранского. Обряды экзорцизма и отречения были пройдены в торжественной форме, и ритуалы сохранились до наших дней. Папа и его священники выходят в своих священных одеяниях, неся перед собой светильники, которые Папа затем благословляет; читаются уроки и поются псалмы. А затем, во время пения литании, происходит шествие к большой крестильной ванне, и вода освящается. Крещенные выходят из воды, осеняют себя крестом и по одному предстают перед Папой, который облачает их в белую мантию и вновь осеняет их крестом. Они выстраиваются в большой круг, и каждый из них несет светильник. Затем зажигается огромное количество огней, от сияния которых, по словам одного греческого отца, ночь сменяется рассветом. Это начало новой жизни. Совершается месса - мистическая жертва на кресте представлена в образе; но для новокрещенных потир наполняется не вином, а молоком и медом, чтобы они поняли, говорит один старый писатель, что уже вступили на землю обетованную. И был еще один символический обряд в этом раннем пасхальном таинстве, упоминание о котором часто умалчивается - на алтарь приносился ягненок, а затем лепешки в форме ягненка. Это был просто ритуал, который мы уже видели в мистериях. Очищенная толпа в Элевсисе увидела сияние света, и в этом свете были представлены в символе жизнь, смерть и воскресение".[120]

Помазание и крещение.

Использование масла для помазания при крещении было заимствовано непосредственно из язычества. Чтобы сэкономить место и укрепить силу великого имени, мы снова приводим цитату из Хэтча:

"Общий вывод о большом влиянии гностиков на крещение подтверждается тем фактом, что другой элемент, который, несомненно, пришел через них, хотя его источник не определен, и скорее восточный, чем греческий, сохранил постоянное место в большинстве ритуалов - элемент помазания. В этом вопросе существовало два обычая, один из которых был более характерен для Востока, другой - для Запада: помазание (1) елеем экзорцизма перед

крещением и после отречения от дьявола, и (2) елеем благодарения, который использовался сразу после крещения, сначала пресвитером, а затем епископом, который затем накладывал печать на лоб кандидата. Само разнообразие этих обычаев показывает, насколько глубокое и в то же время естественное влияние оказали гностические системы с мистическими и магическими обычаями гностических обществ или ассоциаций на практику и церемонии Церкви." [121]

Использование плевка при крещении.

Языческая доктрина экзорцизма была распространена еще дальше, и крещение было еще больше испорчено добавлением использования человеческой слюны в качестве "чары". Это произошло от общего использования язычниками слюны в качестве талисмана против вреда и злых влияний. Преподобный Джон Джеймс Блант рассказывает:

"Человеческая слюна раньше очень часто использовалась в качестве амулета, и считалось, что она особенно эффективна против яда ядовитых животных. Плиний цитирует некоторые авторитеты, доказывающие, что с помощью этого средства можно обезвредить губительную силу жаб и лягушек, а также сделать змей неядовитыми, плюнув им в рот. Натуралист также ссылается на свидетельство Варро, чтобы показать, что в Геллеспонте, недалеко от Пасиума, были люди, которые могли лечить укусы змей своей слюной..... Примечательно, что при совершении обряда крещения священник, помимо прочих церемоний, смачивает салфетку собственной слюной, а затем касается ею глаз и носа ребенка, сопровождая это действие словом *Ephphatha*. Именно по такому же обряду римские младенцы получали свои имена на *Dies Lustricus*". [122]

Сатирики не замедлили выставить эти различные суеверия на заслуженное осмеяние. Персей затрагивает суеверие о плеве в следующей строфе:

"Из колыбели бабушка хрипая,
Или тетка, в суевериях сведущая,
Хватает младенца; в бледную слюну окунает
средний палец и помазывает ему губы
и лоб". [123]

Плиний подтверждает утверждение Бланта следующим образом:

"Марси в Италии до сих пор обладают той же силой, которой, как говорят, они обязаны своим происхождением от сына Цирцеи, от которого они получили ее как природное качество. Но дело в том, что все люди обладают ядом, который действует на змей, а человеческая слюна, как говорят, заставляет их взлетать, как будто их коснулись кипятком. То же вещество, говорят, уничтожает их, как только попадает в горло, и особенно если это слюна постящегося человека". [124]

В другом месте Плиний перечисляет множество способов использования плевка:

"Но именно постная слюна человека, как мы уже говорили, является главным средством против яда змей: в то же время наш повседневный опыт может подтвердить ее

эффективность и полезность во многих других отношениях. Например, мы имеем привычку сплевывать, чтобы уберечься от эпилепсии, или, другими словами, мы отгоняем таким образом заразу; точно так же мы отгоняем очарование и дурные предвестия, связанные со встречей с человеком, хромым на правую ногу. Мы просим прощения у богов, плюя на колени, за то, что питаем слишком самонадеянную надежду или ожидание. По такому же принципу принято во всех случаях применения лекарств трижды сплевывать на землю и столько же раз заговаривать болезнь, чтобы облегчить действие применяемого средства. Также принято трижды смазывать фурункул, когда он только появляется, постным плевком. То, что мы собираемся сказать, удивительно, но это можно легко проверить опытным путем: если человек раскаивается в ударе, нанесенном другой рукой или ракетой, ему ничего не остается делать, как сразу же плюнуть в ладонь руки, нанесшей удар, и все чувства обиды мгновенно утихнут в человеке, которого ударили. Это также часто подтверждается в случае с бременным животным, когда его ударами ставят на дыбы; ведь после применения этого средства животное сразу же отходит и ускоряет шаг. Некоторые люди, однако, прежде чем сделать попытку, плюют в руку, как уже говорилось выше, чтобы сделать удар более сильным. Итак, мы вполне можем поверить, что лишайники и проказы можно удалить постоянным прикладыванием постной слюны; что офтальмию можно вылечить, если каждое утро помазывать глаза постной слюной; что карциномы можно эффективно лечить, разминая корень растения, известного как "земляное яблоко", с человеческой слюной; что от хруста в шее можно избавиться, если правой рукой поднести постную слюну к правому колену, а левой - к левому; а если в ухо попало насекомое, достаточно плюнуть в этот орган, чтобы оно вышло. К контр-чарам также относят практику плевать в мочу в момент мочеиспускания, плевать в туфлю на правой ноге, прежде чем ее надеть, и плевать, когда человек проходит мимо места, в котором он подвергся какой-либо опасности.

"Маркион из Смирны, написавший труд о достоинствах простых вещей, сообщает, что морская сколопендра разорвется на части, если на нее плюнуть; то же самое происходит с лягушками-брамберами и другими видами лягушек. Опилий говорит, что змеи делают то же самое, если человек плюнет им в открытый рот; а Сальпе рассказывает, что, когда какая-либо часть тела спит, от онемения можно избавиться, плюнув себе на колени или прикоснувшись слюной к верхнему веку. Если мы готовы поверить в подобные утверждения, то должны поверить и в действенность следующих практик: При входе незнакомца или когда человек смотрит на спящего младенца, кормилица обычно трижды сплевывает на землю; и это при том, что младенцы находятся под особой опекой бога Фасцинуса, покровителя не только младенцев, но и генералов, и божества, поклонение которому поручено девственницам и составляет часть римских обрядов."[\[125\]](#)

ГЛАВА VI. ЯЗЫЧЕСКОЕ ПОКЛОНЕНИЕ ВОДЕ, ПЕРЕНЕСЕННОЕ В ХРИСТИАНСТВО.

Свидетельства Тертуллиана, Варнавы, Юстина, Мефодия, Апостольских конституций и т. д. - Святая вода или повторное крещение, заимствованные без изменений - Магические эффекты святой воды, одинаковые как в христианской, так и в языческой культуре - Крещение животных святой водой, чтобы произвести магические результаты - Святая вода,

приготовленная по языческому методу -Освящение крещенских вод, заимствованное из языческого сочетания поклонения солнцу и воде -Церковь наполнилась крещеными, но необращенными язычниками, и таким образом перешла под языческий контроль.

Крещение в ранней Церкви.

Обращаясь к ранним отцам Церкви, которые сформулировали многое из того, что дошло до нас в качестве христианского учения, мы обнаруживаем повторение языческой идеи крещения во всех ее существенных характеристиках. Мы видели, что греческие отцы пришли к христианству через неоплатонизм, а не через Новый Завет. Они приняли христианство как содержащее много прекрасного, но не как единственную авторитетную систему веры. Они следовали популярной синкретической тенденции и соединяли христианство с языческой верой, в которой они были воспитаны.

Тертуллиан написал специальный трактат по вопросу о крещении, который представляет языческо-христианское вероучение во всей полноте и подробностях. Я частично пересказываю его слова и обращаю внимание на сходство и идентичность между ними и уже представленными языческими теориями. Глава i. трактата открывается такими словами:

"Счастливы таинства нашей воды в том, что, смывая грехи нашей ранней слепоты, мы освобождаемся [и принимаемся] в вечную жизнь!... Но мы, маленькие рыбки, по примеру нашего Ιησους, Иисуса Христа, рождены в воде и не имеем безопасности никаким иным способом, кроме постоянного пребывания в [этой] воде".[\[126\]](#)

В последующих главах Тертуллиан продолжает доказывать, что вода была "избрана в качестве средства божественного действия", потому что она была элементом, над которым божественный дух размышлял при сотворении мира. Он говорит:

"Почему именно вода должна быть выбрана в качестве средства Божественного действия? Прежде всего, она занимает важное место в Творении. Помня об этом заявлении как об окончательном предписании, мы, тем не менее, [переходим к] рассмотрению [вопроса]: "Как глупо и невозможно быть образованным заново водой. В каком отношении, скажите, эта материальная субстанция заслужила столь высокий пост? Полагаю, необходимо рассмотреть авторитет жидкого элемента. Однако его можно найти в изобилии, причем с самого начала. Ведь [вода] - одна из тех вещей, которые до сотворения мира покоились у Бога в бесформенном состоянии. В первом начале, говорит [Писание], "сотворил Бог небо и землю". Земля же была безвидна и неустроена, и тьма была над бездною; и Дух Господень витал над водами". Первое, о человек, что ты должен почитать, - это возраст вод, поскольку их вещество древнее; второе - их достоинство, поскольку они были местом пребывания Божественного Духа, более приятного [для Него], несомненно, чем все другие существовавшие тогда элементы. Ибо тьма до сих пор была полной, бесформенной, без украшений в виде звезд, бездна - мрачной, земля - неубранной, а небо - неоформленным; одна только вода - всегда совершенная, радостная, простая материальная субстанция, чистая сама по себе - представляла собой достойное средство для Бога. Что же [из того, что] воды были в некотором роде регулирующими силами, с помощью которых Бог впоследствии определял устройство мира? Ведь приостановку небесной тверди в середине Он произвел, "разделив воды"; приостановку "сухой земли" Он совершил, "разделив воды". После того как мир был приведен в порядок через [свои] элементы, когда ему были даны обитатели, "воды" первыми получили заповедь: "произвести живых существ". Вода первой произвела на свет то, что имело жизнь, так что в крещении не должно быть ничего

удивительного, если воды умеют давать жизнь. Разве не с помощью воды был создан и сам человек? Подходящий материал можно найти в земле, но он не годится для этой цели, если не будет влажным и сочным; эту [землю] "воды" отделили на четвертый день до этого в свое место, закалив оставшейся влагой до глинистой консистенции. Если с этого времени я буду продолжать перечислять повсеместно или более подробно [чем я это уже сделал] доказательства "авторитета" этого элемента, которые я могу привести, чтобы показать, насколько велика его сила или благодать; сколько хитроумных приспособлений, сколько функций, сколько полезных инструментов он предоставляет миру, боюсь, что я могу показаться собравшим скорее похвалы воде, чем причины крещения; хотя я должен [тем самым] более полно доказать, что не следует сомневаться в том, что Бог заставил материальную субстанцию, которой он распорядился во всех своих произведениях и делах, подчиняться ему и в своих особых таинствах; что [материальная субстанция], управляющая земной жизнью, действует как агент и в небесной."

Глава iv. называется:

"Первобытное витание Духа Божьего над водами, характерное для крещения. Универсальная стихия воды, превращенная таким образом в канал освящения. Сходство между внешним знаком и внутренней благодатью".

В этой главе Тертуллиан учит, что божественная сила, парящая над водой при сотворении, сделала ее "святой", а также животворящей, и что эти качества продолжают существовать во всей воде. Он сказал:

"Таким образом, природа вод, освященная Святым, сама по себе зародила силу освящения. Пусть никто не говорит: "Почему же, мол, мы крестимся теми самыми водами, которые тогда существовали в первом начале? Конечно, не в те самые воды, если не считать того, что род действительно один, а видов очень много. Но то, что является атрибутом рода, в равной степени проявляется и в видах. Поэтому нет разницы, омывается ли человек в море или в бассейне, в ручье или в купели, в озере или в корыте; нет также различия между теми, кого Иоанн крестил в Иордане, и теми, кого Петр крестил в Тибре, если только не считать, что евнух, которого Филипп крестил среди своих путешествий случайной водой, получил [от нее] больше или меньше спасения [чем другие]. Итак, все воды, в силу первоначальной привилегии своего происхождения, после обращения к Богу обретают таинственную силу освящения; ибо Дух немедленно сходит с небес и почивает над водами, освящая их от Себя; и будучи освященными, они в то же время впитывают силу освящения".

В главе v Тертуллиан обсуждает языческую теорию, воплощенную в обрядах Исида, Митры, Аполлинария и Элевсинских играх, и пытается показать, что очищение не может происходить через эти обряды, потому что идола не могут напитать воду освящающей силой, а злые духи могут оказывать только злое влияние. Он выражает веру в их силу, показывая тем самым, что все еще придерживается фундаментальных особенностей языческой системы и делает их основой своей теории христианского крещения.

В Послании Варнавы представлено аналогичное сочетание фактов и фантазий относительно крещения. В основе изложенной теории лежит языческое представление о воде как о возрождающей силе, и читатель увидит, как Писание неверно цитируется и применяется в попытке придать языческой теории сценарную окраску. Глава xi. Послания называется:

"Крещение и крест, предвозвещенные в Ветхом Завете". Давайте далее поинтересуемся, позаботился ли Господь о том, чтобы предвозвестить воду [крещения] и крест. О воде, действительно, написано в отношении израильтян, что они не должны принимать то

крещение, которое ведет к прощению грехов, но должны добывать себе другое. Поэтому пророк заявляет: "Удивись, небо, и пусть земля содрогнется от этого, потому что народ этот совершил два великих зла: он оставил Меня, живой источник, и высек для себя разбитые цистерны. Неужели святой холм Мой Сион - опустевшая скала? Ибо вы будете, как птенцы птицы, которые улетают, когда удаляют гнездо". И еще говорит пророк: "Я пойду пред тобою и разровняю горы, и разобью медные ворота, и сокрошу железные засовы; и дам тебе сокровища тайные, сокровенные, невидимые, чтобы узнали, что Я Господь Бог". И: "Он будет жить в возвышенной пещере крепкой скалы". Более того, что Он говорит о Сыне? "Вода Его несомненна; вы увидите Царя во славе Его, и душа ваша будет размышлять о страхе Господнем". И еще через другого пророка Он говорит: "Человек, поступающий так, будет как дерево, посаженное при потоках вод, которое в свое время даст плод свой; лист его не увянет, и все, что он делает, будет благополучно". А нечестивые не таковы, не таковы, но как мякина, которую ветер сметает с лица земли. Поэтому нечестивые не будут стоять на суде, и грешники - в совете праведных; ибо Господь знает путь праведных, а путь нечестивых погибнет". Обратите внимание, как Он сразу описал и воду, и крест. Ибо эти слова означают: "Блаженны те, которые, уповая на крест, сошли в воду"; ибо, говорит Он, они получают свою награду в свое время; затем Он заявляет: "Я воздам им". Но теперь Он говорит: "Листья их не увянут". Это значит, что каждое слово, исходящее из ваших уст в вере и любви, будет способствовать обращению и надежде многих. И еще один пророк говорит: "И земля Иакова будет превозноситься над всеми землями". Это означает сосуд Его Духа, который Он прославит. Далее, что говорит Он? "И была река, текущая направо, и из нее росли прекрасные деревья; и кто будет есть от них, тот будет жить вечно". Это означает, что мы действительно спускаемся в воду, полные грехов и осквернения, но выходим, принося плод в сердце, имея страх [Божий] и доверие к Иисусу в нашем духе. "И кто будет есть от них, тот будет жить вечно". Это значит: кто, говорит Он, услышит, что ты говоришь, и уверует, тот будет жить вечно".[127]

Юстин Мученик сочетает свою теорию с описанием обряда крещения следующим образом. Обратите внимание на неправильное цитирование Писания:

"Я также расскажу о том, как мы посвятили себя Богу, когда стали новыми через Христа; чтобы, если мы опустим это, не показалось, что мы несправедливы в объяснении, которое мы делаем. Всех, кто убежден и верит, что то, чему мы учим и что говорим, истинно, и обязуется жить соответственно, мы наставляем молиться и умолять Бога с постом об отпущении их прошлых грехов, мы молимся и постимся вместе с ними. Затем мы приводим их туда, где есть вода, и возрождаем их тем же способом, каким были возрождены мы сами. Ибо, во имя Бога, Отца и Господа вселенной, и Спасителя нашего Иисуса Христа, и Святого Духа, они принимают омовение водой. Ибо Христос также сказал: "Если не родитесь свыше, не войдете в Царство Небесное". То, что рожденные однажды не могут войти во чрево матери, очевидно для всех. А о том, как согрешившие и покаявшиеся избавятся от своих грехов, говорит пророк Исаия, как я уже писал выше; он говорит так: "Омойте себя, очистите себя; отбросьте злобу дел ваших от душ ваших; научитесь поступать хорошо; судите отцов и вдов; и придите, рассудим вместе, говорит Господь. И хотя грехи ваши, как багряное, Я убелю их, как шерсть; и хотя они, как пунцовое, Я сделаю их белыми, как снег. Если же вы откажетесь и восстанете, то меч пожрет вас, ибо уста Господни изрекли это". И для этого [обряд] мы узнали от апостолов такую причину. Поскольку при рождении мы были рождены без собственного ведома или выбора, по воле наших родителей, и были воспитаны в дурных привычках и нечестивом обучении; чтобы мы не оставались детьми необходимости и невежества, но стали детьми выбора и знания и получили в воде отпущение прежних грехов, там над тем, кто решил родиться свыше и покался в своих грехах, произносится имя Бога,

Отца и Господа вселенной; тот, кто подводит к умывальнику омываемого, называет его только этим именем. Ибо никто не может произнести имя неизреченного Бога, а если кто осмелится сказать, что есть такое имя, тот бредит в безнадежном безумии. И это омовение называется просвещением, потому что познавшие сие просвещаются в понимании своем. И во имя Иисуса Христа, распятого при Понтии Пилате, и во имя Святого Духа, который через пророков предсказал все об Иисусе, омывается тот, кто просвещен".[128]

Языческо-христианская теория крещения и крещенского возрождения, выраженная по-разному, встречается у Мефодия, "Пир десяти дев", глава vi; у Климента Александрийского, "Наставник", глава xii; у Тертуллиана, "Против Маркиона", книга i, глава xxviii; в Киприане, Послания,[129] -1, К Донату; 22, К клиру в Риме; 51, К Антониану; и 75, К Магнусу; также Свидетельства против иудеев, параграф 65; также Трактат о повторном крещении, неизвестного автора, опубликованный в связи с трудами Киприана, на странице 402 в издании Кларка "Антиникийская библиотека", том xiii.

Апостольские конституции ясно излагают результат этого извращения новозаветных доктрин о крещении. Покойный барон Бунзен, один из самых выдающихся немецких ученых и государственных деятелей, сгруппировал учения Конституций по вопросу крещения таким образом, чтобы дать читателю более полное представление, чем это возможно при дословном цитировании этих трудов. Хотя эти Конституции не являются трудами апостолов, они имеют большую историческую ценность, представляя картину практики ранней Церкви. Бунзен считает, что Конституции представляют собой "подлинную, хотя и не текстуальную, картину антеникейской церкви". Он сказал:

"Как только мы убираем то, что относится к дурному вкусу вымысла, все этические вступления и иногда морализаторские заключения, и вообще все, что явно переписано с литературной претензией, и, наконец, как только мы исключаем некоторые легко различимые интерполяции четвертого и пятого веков, мы безошибочно находимся среди жизни Церкви второго и третьего веков".[130]

Ниже приводится резюме, сделанное Бунзеном. Проанализировав его, читатель увидит, как много внеписательского и антиписательского было связано с крещением в столь ранний период. При сравнении с языческим *культом* воды источник этих ошибок становится очевидным.

"И во время крика петуха пусть сначала помолятся над водою. Пусть вода набирается в купель или течет в нее. И пусть так будет, если у них нет недостатка. Если же будет недостаток, то пусть нальют в купель воды, какая найдется; и пусть разденутся, и первыми крестятся молодые. И все, кто в состоянии отвечать за себя, пусть отвечают. А кто не может отвечать, пусть отвечают за них родители их, или кто-либо другой из родственников их. И после крещения великих мужей, в последнюю очередь крестятся женщины, распустив все волосы свои и отложив золотые и серебряные украшения, которые были на них. Пусть никто не берет с собою в воду чужой одежды".

"В назначенное для крещения время епископ пусть благодарит елеем, который, положив в сосуд, назовет елеем благодарения. Возьмет он и другое масло и, произнося над ним заклинание, назовет его елеем изгнания. И диакон должен нести елей изгнания и стоять по левую руку пресвитера. Другой диакон должен взять елей благодарения и стать по правую руку пресвитера.

"И когда пресвитер возьмет каждого из тех, кто собирается принять крещение, пусть повелит ему отречься, говоря: "Отрекись от тебя, сатана, и от всего служения твоего, и от всех дел твоих". И когда он отречется от всего этого, пусть помажет его елеем изгнания, говоря: "Пусть всякий дух отойдет от тебя".

"И пусть епископ или пресвитер примет его таким образом без одежды, чтобы опустить его в воду крещения. Также пусть диакон войдет с ним в воду и пусть скажет ему, помогая ему, чтобы он мог сказать: "Верую в единого истинного Бога, Отца Всемогущего, и в Единородного Сына Его, Иисуса Христа, Господа и Спасителя нашего, и в Духа Святого, Животворящего, [Троицу Нераздельную]. Один суверенитет, одно Царство, одна вера, одно крещение; в Святой Католической Апостольской Церкви, в жизни вечной. Аминь.

"И пусть тот, кто принимает (крещение), повторяет после всего этого: "Верую так". И тот, кто дает его, пусть возложит руку на голову принимающего, окуная его три раза, исповедуя каждый раз эти слова.

"И после этого пусть он снова скажет: "Веруешь ли ты в Господа нашего Иисуса Христа, единородного Сына Бога Отца, что Он чудесным образом стал для нас человеком, в непостижимом единстве, от Духа Святого, от Марии, Пресвятой Девы, без семени человеческого; и что Он был распят за нас при Понтии Пилате, умер по Своей воле, однажды для нашего искупления, воскрес в третий день, расторгнув узы (смерти), вознеся на небо, воссел по правую руку благого Отца Своего на небесах, и опять придет судить живых и мертвых в явление Свое и Царство Свое? И веришь ли ты в Святого Доброго Духа и Животворящего, Который всецело очищает, и в Святую Церковь?

Пусть он снова скажет: "Верую".

"И пусть они выйдут из воды, и пресвитер помажет его елеем благодарения, говоря: "Помазываю тебя святым елеем во имя Иисуса Христа". Таким образом он помажет каждого из остальных, и облечет их, как остальных, и они войдут в Церковь".[\[131\]](#)

После входа в церковь кандидат помазывался во второй раз, в связи с "молитвой благословения" и "поцелуем мира". Затем следовало служение причастия, включавшее хлеб, вино, *молоко и мед*, что свидетельствует о том, что Вечеря Господня, как и крещение, была испорчена языческими элементами.

Святая вода.

Использование святой воды составляло важную часть языческой системы. Это было своего рода непрерывное крещение, последовательность актов крещения. То, что оно полностью не соответствует Писанию и во всех отношениях чуждо христианскому крещению, слишком очевидно, чтобы говорить об этом. Существует множество доказательств его языческого происхождения; среди них следующие:

"Некоторые люди выводят использование святой воды в церквях от евреев; но то, что она была заимствована от древних язычников Рима, теперь очень распространено, и, действительно, горячо защищается умными еkkлезиастами в Риме, на том принципе, что, как языческие храмы были превращены в христианские церкви, так было хорошо завладеть языческими обычаями и превратить их в христианские, таким образом примирив язычников с изменением религии, поскольку это не изменило их любимые обряды и обычаи. При входе в языческие храмы стояли сосуды с водой, которой окропляли себя при входе на

богослужение, и поскольку казалось желательным сделать как можно меньше различий, чтобы побудить язычников более охотно подчиниться христианскому богослужению, такие же сосуды с водой, освященные или сделанные святыми, были поставлены при входе в христианские церкви, и таким образом этот обычай сохранился. Таково, по крайней мере, происхождение, которое обычно приписывают в Риме этой практике, и таков принцип, на котором ее защищают люди ума и рассудительности среди священства".[132]

Доктор Джозеф Пристли так дополняет высказывания мистера Сеймора:

"В попских церквях первое, что нас поражает, - это сосуд с так называемой *святой водой*, в которую входящие окунают пальцы, а затем осеняют свой лоб крестным знаменем. Эта святая вода, несомненно, происходила из *люстральной воды* язычников, как, впрочем, и допускают ученые католики. Эта вода также ставилась у входа в языческие храмы, и те, кто входил, окроплялись ею".[133]

Кониерс Миддлтон подтверждает языческое происхождение святой воды:

"Следующее, что, конечно, поражает воображение, - это использование святой воды; ведь никто никогда не входит и не выходит из церкви, если его не окропит священник, который посещает ее для этой цели в торжественные дни, или же он сам подаст ее из сосуда, обычно мраморного, поставленного прямо у дверей, не похожего на одну из наших купелей для крещения. Эта церемония настолько известна и напрямую перешла к ним из язычества, что их собственные писатели не стесняются признавать ее. Иезуит Ла Серда в своих примечаниях к отрывку из Вергилия, где упоминается эта практика, говорит: "Отсюда произошел обычай Святой Церкви давать очищающую или святую воду при входе в свои церкви". *Акваминарий* или *амула*, - говорит ученый Монфокон, - это ваза со святой водой, которую язычники ставили у входа в свои храмы, чтобы окропить себя". Такой же сосуд греки называли *περίρραντήριον*; два из них, один из золота, другой из серебра, были подарены Крёзом храму Аполлона в Дельфах; и обычай окропления был настолько необходимой частью всех их религиозных обрядов, что метод отлучения, кажется, заключался в запрещении преступникам приближаться и использовать горшок со святой водой. Сам состав этой святой воды был таким же у язычников, как и сейчас у папистов, представляя собой не что иное, как смесь соли с обычной водой; а форму кисточки для окропления, называемую древними *aspersorium* или *aspergillum* (что во многом совпадает с тем, чем пользуются священники сейчас), можно увидеть на барельефах или древних монетах, где описываются знаки отличия или эмблемы языческого священства, одним из которых она обычно является.

"Палатин в своих житиях пап и другие авторы приписывают учреждение этой святой воды папе Александру Первому, который, как говорят, жил примерно в 113 году от Рождества Христова; но она не могла быть введена так рано, поскольку в течение нескольких веков после этого мы видим, что первобытные отцы говорят о ней как об обычае чисто языческом и осуждают ее как нечестивую и отвратительную. Иустин Мученик говорит, что его придумали демоны в подражание истинному крещению, о котором говорили пророки, чтобы их приверженцы могли также проводить свои мнимые очищения водой; а император Юлиан, назло христианам, приказывал окроплять святой водой продукты на рынках, чтобы либо уморить их голодом, либо заставить есть то, что по их собственным принципам они считали загрязненным.

"Таким образом, мы видим, какие противоположные представления об этой церемонии имеют примитивная и римская церкви: первая осуждает ее как суеверную, отвратительную и непримиримую с христианством; вторая принимает ее как весьма назидательную и применимую для улучшения христианского благочестия: первая рассматривает ее как уловку

дьявола, чтобы ввести человечество в заблуждение; другая - как защиту человечества от заблуждений дьявола. Но что еще более нелепо, чем сама церемония, так это видеть, как их ученые писатели придирчиво перечисляют несколько достоинств и преимуществ, получаемых от ее использования, как для души, так и для тела; и в довершение всего они приводят длинный список чудес, чтобы подтвердить уверенность в каждой добродетели, которую они ей приписывают. Почему бы нам не применить к нынешним жителям Рима то, что сказал Поэт о его старых жителях, когда они использовали эту церемонию?

"Ах, легкомысленные глупцы, думать, что целый потоп

Воды может очистить пятно крови!

Овидий, Фасты, ii., 45".[\[134\]](#)

Мистер Миддлтон писал как полемист против романизма, и поэтому он особенно старался применить эти факты исключительно к этой системе христианства. Такое применение явно несправедливо, поскольку баптизм был полностью испорчен еще до официального установления папства, и многие испорченные элементы все еще сохраняются в протестантизме. Предположение мистера Миддлтона о том, что людям запрещалось использовать святую воду в качестве наказания, подтверждается следующим высказыванием Эсхина. В своей речи против Ктесифона он сказал:

"Упомянутый законоучитель (Солон) исключает как боязливых, так и тех, кто отказывается служить на войне, а также тех, кто нарушает свой чин в бою, из привилегии святой люстрации и из собрания народа".[\[135\]](#)

Магические свойства, которые христиане стали приписывать святой воде, по сути, идентичны тем, которые приписывали ей язычники. Г-н Сеймор, которого мы уже цитировали, приводит каталог применений и достоинств святой воды, который он нашел в часовне святого Карла Борromeо в Риме. Подобные достоинства до сих пор приписываются ей современными католиками.[\[136\]](#) Каталог выглядит следующим образом:

"Святая вода обладает большой пользой, когда христиане окропляют себя ею с должным благоговением и преданностью. Святая Церковь предлагает ее в качестве средства и помощника во многих обстоятельствах, как духовных, так и телесных, но особенно в следующих:

"Его духовная польза.

"1. Он отгоняет бесов от мест и людей.

"2. Оказывает большую помощь в борьбе со страхами и дьявольскими иллюзиями.

"3. Отменяет грехи.

"4. Дает силу противостоять искушениям и поводам к греху.

"5. Отгоняет нечестивые мысли.

"6. Он надежно сохраняет от мимолетных ловушек дьявола, как внутренних, так и внешних.

"7. Обретает благосклонность и присутствие Святого Духа, благодаря которому душа утешается, радуется, возбуждается к преданности и располагается к молитве".

"8. Готовит человеческий разум к лучшему посещению Божественных тайн и благочестивому и достойному принятию святейшего причастия".

"Его телесная польза.

"1. Это средство против бесплодия, как у женщины, так и у животного.

"2. Оно предохраняет от болезней.

"3. Исцеляет немощи душевные и телесные.

"4. Очищает зараженный воздух, отгоняет чуму и заразу".

"Таков этот документ. Это единственный официальный документ, который я видел в отношении святой воды; и это экстраординарное заявление стоит в церкви так же открыто, как десять заповедей в церкви в Англии. Оно прикреплено отдельно над каждым из сосудов, содержащих святую воду; и поскольку каждый член общины должен окропить себя водой, входя в церковь, он мог увидеть и прочесть эти сведения о ее применении".[\[137\]](#)

Святая вода также использовалась для окропления животных. Этот обычай сохранился и в Римской церкви. Его аналог можно найти в нескольких языческих обычаях, которые описаны Овидием в "Фастах", как уже цитировалось, и далее, как показано в книге i., строка 669. Говоря о животных, мистер Сеймор отмечает:

"Предполагалось, что это защищает их [лошадей] от злых джиннов, когда они бегут наперегонки; и рассказывается легенда о том, что лошади некоторых христиан обогнали всех лошадей язычников, благодаря тому, что их окропили святой водой. Такая легенда служит санкцией первобытного христианства на проведение скачек, равно как и на использование святой воды. Языческий обычай вскоре перешел в папский, и, следуя народному юмору и покровительству святого Антония, который обычно изображается в сопровождении свиньи, а также способствуя денежным интересам монастыря святого Антония, обычай был продолжен под новым названием, и "день святого Антония" и "благословение лошадей" таким образом отождествляются".[\[138\]](#)

Римские католики защищают этот обычай.

Доктор Виземан, авторитетнейший римско-католический авторитет, в своем третьем письме в ответ на "Пагано-папизм" Пойндера защищает использование святой воды:

"Но разве древние христиане не использовали святую воду? Да, использовали, и притом так, чтобы посрамить нас. Они не окропляли себя ею, как вы выражаетесь, и не помогали себе из сосуда у двери; они делали нечто большее, чем то и другое, *они купались в ней*". Прочтите Пачианди, "De Sacris Christianorum Balneis", Рим, 1758, и вы найдете много полезного по этому вопросу. Вы увидите, как древние христиане мылись перед походом в церковь после совершения какого-либо греха. "Почему вы бежите в баню после греха?" - спрашивает святитель Иоанн Златоуст. Не потому ли, что считаете себя грязнее всякой скверны? И Феофилакт пишет в том же духе. Древняя христианская баня была обнаружена Чампини среди руин Рима. Но что еще более важно для нашей цели, древние христиане никогда не ходили принимать Евхаристию или даже молиться в своих церквях, не омыв рук. "Что за приличие, - говорит Тертуллиан, - идти на молитву с омытыми руками, но с нечистым духом? Святой Златоуст еще сильнее: "Ты не смеешь прикоснуться к священной жертве немытыми руками, хотя бы тебя и вынуждала к этому крайняя необходимость; не приближайся, таким

образом, с немой душой". Чтобы обеспечить необходимое удобство для этого обряда, на церковной паперти устанавливали фонтан или бассейн, в котором омывались верующие, как неоднократно описывал святой Паулин из Нолы в церквях, которые он построил..... Святой Лев Великий построил один из них у ворот церкви Святого Павла, что было отмечено Эннодием Павийским в восьми стихах..... То же самое делала и греческая церковь, ибо Евсевий с похвалой рассказывает нам, как Паулин, епископ Тирский, поместил в паперти великолепной церкви, которую он построил, символы священного очищения, то есть фонтаны, которые своим обильным питанием давали возможность омыться тем, кто входил в храм.[139]

"На самом деле, у нас есть несколько старых люстровых ваз с раннехристианскими символами и надписями, принадлежащих обеим церквям, как знаменитая латинская в Пезаро, так и греческая в Венеции, рисунки которых вы найдете в работе Пачианди с подробным описанием."

Приготовление святой воды.

Развращающее присутствие язычества проявляется в приготовлении воды для очищения и крещения не меньше, чем в ее использовании. Следующее описание взято из книги Фоя "Римские обряды", цитируемой Брокком:

"Оказывается, существует три вида святой воды, два из которых используются для освящения церквей. Из этих двух видов первый считается неполноценным, поскольку для его приготовления используется только соль - "соль, изгнанная для спасения верующих". Она служит для окропления здания. В другом случае используется смесь соли, пепла и вина - разумеется, освященная. Она кажется более святой из двух, и используется для освящения алтаря. Третий вид святой воды, тот, который упоминался выше как освященный в "Святую субботу", используется для крещения в течение следующего года, а также, как я понял, для окропления в целом. При его приготовлении - наряду с многочисленными изгнаниями дьяволов и злых духов и молитвами - соблюдаются следующие церемонии: Священник разделяет воду в купели рукой в форме креста. Изгоняя воду, он прикасается к ней рукой. Благословляя ее, он трижды совершает над ней крестное знамение. Разделяя ее, он льет ее на четыре четверти неба. Он трижды вдыхает в нее воздух в форме креста. Немного опускает в нее большую пасхальную свечу и говорит: "Мощь Святого Духа нисходит в этот фонтан-плот". *In hanc plenitudinem fontis.*

"Затем он вынимает свечу из воды и снова погружает ее глубже, произнося те же слова, что и раньше, но более высоким тоном. В третий раз он погружает ее на дно, снова повторяя формулу еще более громким голосом. Затем, дунув в воду в виде греческой буквы Psi, он говорит: "Пропитай регенерирующей силой все вещество этой воды", - и вынимает свечу из купели. Помимо этих действий, в воду наливают различные масла и смешивают их с рукой; и что еще более странно, в воду примешивают плевки, как я однажды видел собственными глазами в великом баптистерии Святого Иоанна Латеранского в Риме.

"Сила Святого Духа нисходит в этот фонтан-благодать и оплодотворяет регенерирующей силой всю субстанцию этой воды". Таково заклинание. Сначала экзорцизм изгоняет из воды всех злых духов, затем заклинания и чары - разделения, масла, перекрещивания, дыхания, погружения свечей и другие вещи - заставляют силу Святого Духа сойти и оплодотворить воду регенерирующей эффективностью. Это уже не обычная вода, как та, в которой крестили евнуха или Корнилия и его друзей; но, благодаря силе чар, она стала церковной смесью, и те, кому ее подают, становятся новыми существами и

возрожденными, не - насколько я понимаю - потому, что они приведены верой ко Христу, но через простое применение жидкости, пропитанной добродетелью в результате церковного процесса. И единственный человек, который может изготовить и применить этот "эликсир жизни" - вечной жизни, - это священник".[140]

Поклонение солнцу и поклонение воде.

Мы уже показали, что *культ* поклонения солнцу и культ воды были объединены с самого начала. Этот союз был заключен еще до греческих или римских времен, и большая часть святости воды возникла именно благодаря ему. Хислоп описывает эту связь в освящении воды следующим образом:

"В Египте, как мы уже видели, Осирис, отождествляемый с Ноем, был представлен как проходящий через воды, когда его главный враг Тифон, или "лукавый", был побежден. Поэты представляли Семирамиду разделяющей его беду и ищущей спасения тем же путем. Мы уже видели, что под именем Астарты она, как говорят, появилась на свет из чудесного яйца, которое плавало в водах Евфрата. Теперь Манилий в своей "Астрономической поэтике" рассказывает, что побудило ее укрыться в этих водах. Венера погрузилась в вавилонские воды, - говорит он, - чтобы уберечься от ярости змееподобного Тифона". Когда Венера Урания, или Диона, "небесная голубка", в глубокой тревоге погрузилась в эти вавилонские воды, следует заметить, что, согласно халдейской доктрине, это означало. Это было не больше и не меньше, чем сказать, что Святой Дух, воплотившийся в глубокой скорби, вошел в эти воды, и именно для того, чтобы они были пригодны не только для временного пребывания Мессии среди них, но и для того, чтобы Дух, передав им свою силу, дал новую жизнь и возрождение *через крещение* поклоняющимся Халдейской Мадонне. У нас есть доказательства того, что очищающая сила вод, которые, по языческим представлениям, обладали такой эффективностью в очищении от вины и возрождении души, была частично обусловлена прохождением бога-посредника, бога солнца и бога огня, через эти воды во время его унижения и пребывания среди них; и что папство в наши дни сохраняет тот самый обычай, который возник на основе этого убеждения. Что касается язычества, то следующие выдержки из Поттера и Афиней говорят достаточно ясно: "Каждый человек, - говорит первый, - который приходил на торжественные жертвоприношения [у греков], очищался водой. Для этого при входе в храмы обычно ставили сосуд, наполненный святой водой". Как же эта вода обретала свою святость? Эту воду "освящали", - говорит Афиней, - "опуская в нее горящий факел, взятый с алтаря". *Горящий факел* был символом бога огня; и по свету этого факела, столь необходимого для освящения "святой воды", мы можем легко понять, откуда взялась большая часть очищающей силы "воды громко шумящего моря", которая считалась столь эффективной в очищении от вины и пятен греха, - даже бог солнца укрылся в ее водах. Теперь этот же метод используется в Римской церкви для освящения воды для крещения. Недоверчивое свидетельство епископа Хэя не оставляет сомнений на этот счет. "Она, - говорит он, - освящается накануне Пятидесятницы, потому что именно Святой Дух придает водам крещения силу и действенность освящения наших душ, и потому что крещение Христа - это крещение Святым Духом и огнем".[141] При благословении воды в купель опускается зажженный факел.

"Здесь, таким образом, видно, что крещенская *возрождающая* вода Рима освящена так же, как *возрождающая* и *очищающая* вода язычников. Что толку епископу Хэю говорить, чтобы освятить суеверие и "сделать отступничество правдоподобным", что это делается "для того, чтобы представить огонь Божественной любви, который сообщается душе через крещение, и свет доброго примера, который должны давать все крещаемые". Это честный взгляд на

дело; но факт остается фактом: хотя римская доктрина в отношении крещения является чисто языческой, в церемониях, связанных с папским крещением, один из основных обрядов древнего поклонения огню все еще практикуется в наши дни, так же, как это делали поклонники Вакха, вавилонского Мессии. Как Рим хранит память о том, что бог огня прошел через воды и придал им силу, так и когда он говорит о "Святом Духе, *страдающем* за нас в крещении", он подобным образом вспоминает о той роли, которую язычество приписывало вавилонской богине, когда она погружалась в воды. Печали Нимрода или Вакха, когда он погружался в воды, были заслуженными печалью. Такими же были и печали его жены, в которую чудесным образом вселился Святой Дух. Печали Мадонны, когда она находилась в этих водах, спасаясь от ярости Тифона, были родовыми горлами, через которые дети рождались для Бога. И таким образом, даже на Дальнем Западе Чалчивитликуэ, мексиканскую "богиню вод" и "мать" всех возрожденных, представляли как очищающую новорожденного от первородного греха и "приносящую его заново в мир".^[142]

Резюме.

1. Поклонение воде как божественному элементу или агенту и, следовательно, ее использование в качестве защиты от зла, а в крещении - как средства достижения духовной чистоты, составляет важную особенность языческих религий.
2. Языческое поклонение воде было различным образом связано с высшими формами поклонения солнцу и, в частности, с той низшей фазой, фаллицизмом, с непристойными обрядами которого оно до сих пор тесно связано в Индии. В Мексике крест был особым символом культа поклонения воде.
3. В языческом культе воды священная жидкость применялась различными способами - погружением, купанием, окроплением; в последнем случае вода окропляла кандидата из священной кисточки, или из ветви священного дерева; иногда ее лили на кандидата из чаши, сделанной из коры священного дерева; в некоторых случаях встречается троичное погружение. Вдохновение искали в священной воде, выпивая ее, купаясь, сидя над ней и вдыхая ее пары.
4. Воду для религиозных целей брали из священных ручьев, фонтанов и колодцев; ее делали святой с помощью экзорцизма и использования соли; ее перевозили в отдаленные места и сохраняли в течение долгого времени. Древние друиды собирали дождевую воду в сосуды на вершинах холмов и несли ее к своим алтарям по необходимым акведукам.
5. Основные ошибки языческого культа водопоклонения проявились в западном христианстве уже в середине II века; это привело к крещению больных, крещению младенцев, крещению мертвых, отсрочке крещения до наступления смерти, чтобы извлечь максимум пользы из обоих миров, и доктрине покаяния для искупления грехов, совершенных после крещения; все это стало закономерным результатом.
6. Поскольку крещение было дверью в Церковь, Церковь вскоре наполнилась "крещеными язычниками", которые были христианами только по имени; таким образом, новозаветное христианство было быстро извращено.
7. Тот, кто ищет окончательные факты, должен признать, что христианство третьего и последующих веков было далеко от новозаветного стандарта. Протестанты возвращаются к этому стандарту слишком медленно и неохотно. Многие уходят еще дальше.

Нет необходимости добавлять, что все формы крещения, кроме погружения, были заимствованы из язычества; что вера в то, что крещение производит духовную чистоту, а значит, является "спасительным таинством", была заимствована из язычества: Представление о том, что только крещенные могут спастись, было заимствовано из язычества; использование масла, плевка, крестного знамения, огней, белых одежд - это остатки язычества; крещение за мертвых и откладывание крещения до близкой смерти - это часть языческого остатка; вера в воду из Иордана или другого места - это язычество. Наречение детей при крещении было прямым заимствованием из язычества. Если хоть один из этих ложных элементов еще сохраняется у римо-католиков, греков или протестантов, значит, язычество до сих пор доминирует в христианской мысли и практике.

ГЛАВА VII. ЯЗЫЧЕСКОЕ ПОКЛОНЕНИЕ СОЛНЦУ.

Поклонение солнцу - древнейшая и наиболее распространенная форма язычества - гностическое антиномианство или беззаконие - антииудаизм, в основном языческого происхождения - антисаббатизм и синхронное соблюдение воскресенья - антизаконие и антисаббатизм неписанные - учение Христа о Законе Божьем; учение Павла о том же - разрушительное влияние языческого беззакония на христианство.

Бог солнца под разными именами - Митра, Ваал, Аполлон и т. д. - был главным богом языческого пантеона. Прямой конфликт между ним и Иеговой возникает везде, где язычество и богооткровенная религия вступают в контакт. Как "Ваал", "Господь" вселенной и производительных сил в природе и в человеке, этот бог солнца был главным божеством в древней Палестине и во всей Финикии. Избранный народ Божий подвергался нападкам и развращению со стороны этого культа, даже когда он находился в пустыне,^[143] уводимый женщинами Моава. В период правления Судей поклонение Ваалу было самым страшным грехом Израиля, который не могли искоренить самые энергичные меры.^[144] При Сауле и Давиде наступила реформация, за которой последовал рецидив при Соломоне, достигший кульминации в исключении поклонения Иегове при Ахаве.^[145] Иеху на время сломил власть культа, но народ вскоре вернулся к нему.^[146] Он также распространился, как вирус, по Иудее; его подавил Езекия, но продолжил Манассия.^[147]

Это поклонение богу солнца было признаком неверности Иегове и служило верным путем к нечестию и нечистоте.^[148]

В своих низших формах оно было так тесно связано с секс-поклонением, фаллицизмом, что придавало огромную силу этой развратной распущенности, которая освящала похоть и превращала проституцию в религиозный долг. Поклонение солнцу было мощным и популярным в Римской империи, когда христианство вступило в контакт с западной мыслью. Оно дало богатый материал для процесса развращения. В предыдущей главе мы видели, что несколько незначительных элементов солнцепоклонничества смешались с языческим поклонением воде: например, обращение к западу для отречения от зла и обращение к востоку для обещания верности Христу и Свету перед крещением; "ориентация" - строительство церквей с алтарем так, чтобы люди поклонялись востоку, - была еще одним элементом, а тушение факела или свечи в купели при приготовлении святой воды было

прямым импортом из этого культа. Но они были малозначительны по масштабам и влиянию, если сравнивать их с тем развращением, которое произошло в результате введения дня Ваала и Аполлона, "воскресенья", вместо субботы, которая всегда представляла и представляет Иегову, создателя неба и земли. Введение воскресенья в христианство стало продолжением древнего конфликта между Ваалом и Иеговой.

О том, как определенно и систематически продвигался процесс развращения, можно судить по подготовительным шагам, которые открыли язычеству путь к солнечного дня в христианстве. Мы видели, как основание Божьего авторитета было подорвано гностическим противостоянием Ветхому Завету и аллегоризацией как Ветхого, так и Нового; как ложная теория "крещения-возрождения" наполнила церковь крещеными, но необращенными язычниками. Но этого было недостаточно, чтобы завершить процесс развращения. Хотя люди все еще относились к субботе, они не могли полностью отказаться от закона Иеговы, на котором он был основан, и таким образом фундаментальные доктрины язычества все еще сдерживались.

Одновременное развитие антисаббатизма и соблюдения воскресенья.

Гностицизм был *антиномичен* по своей сути. Все знания, а значит, и вся власть, были в сердце "истинного гностика". Посвященные" были божественно просвещены, они были законом для самих себя. Это было вдвойне верно, когда они вступали в контакт с законом, провозглашенным "низшим Богом иудеев", слабым Творцом материи, а значит, Богом, находящимся в союзе со злом. Такое противостояние было естественным, неизбежным с точки зрения гностиков. В сочетании с аллегорическим методом толкования эта оппозиция легко породила яростные антииудейские предрассудки, а также объединенный антизаконизм и антисаббатизм, которые стали главным фактором разделения иудейской и языческой церквей и введения царства "беззакония", о котором Павел писал во второй главе послания к Фессалоникийцам. Этот антизаконизм и антисаббатизм проявляются у Юстина, первого языческо-христианского писателя, о котором мы имеем достаточно точные сведения, чтобы получить представление о зарождающихся результатах языческого влияния на христианство. Он принял христианство, достигнув зрелого возраста, но сохранил свой "плащ философа", как и многие из его языческих идей. Его теории представляют собой соединение языческой философии и христианства. Он яростно выступал против всего, что имело отношение к иудаизму. Его толкования Писания и религиозные взгляды сильно окрашены этим антииудейским духом. Его "Диалог с иудеем Трифой", независимо от того, был ли Трифо реальным или вымышленным персонажем, является особым выразителем антииудаизма. Следующие примеры показывают, как он смешивал моральные законы и церемониальный кодекс иудеев, излагал проклятый не-закон и не-сabbатизм, которые разрастались и уничтожали авторитет Ветхого Завета везде, где ощущалось его влияние. Его особый антииудейский трактат называется "Диалог Юстина, философа и мученика, с Трифоном, иудеем". Он открывается следующим образом:

"Когда я однажды утром шел по улицам Ксиса, некий человек с другими людьми, встретив меня, сказал: "Приветствую тебя, о философ!". Сказав это, он повернулся и пошел рядом со мной; за ним последовали и его друзья. Я же, в свою очередь, обратившись к нему, сказал: "Что тут у тебя важного?"

"И он ответил: "Меня научил Коринф, - говорит он, - Сократ в Аргосе, что я не должен презирать или относиться равнодушно к тем, кто одевается в это платье, но проявлять к ним

всяческую доброту и общаться с ними, так как, возможно, от общения с ними будет какая-то польза либо для кого-то из них, либо для меня самого. Более того, это хорошо для обоих, если от этого выиграет либо один, либо другой".

"Поэтому, когда я вижу кого-либо в таком костюме, я с радостью подхожу к нему, и сейчас, по той же причине, я с радостью подошел к тебе; и эти люди сопровождают меня, рассчитывая услышать от тебя что-нибудь полезное для себя".

Это начало показывает Иустина в его истинном облике философа, который соединил некоторые элементы христианства (см. Диалог, гл. viii.) со своими языческими теориями и теперь защищает этот продукт как христианство. В главе x. Трифон излагает свои аргументы против христиан в следующих словах:

"Кроме того, я знаю, что ваши наставления в так называемом Евангелии столь удивительны и столь велики, что, как я подозреваю, никто не сможет их соблюсти, ибо я внимательно их прочитал. Но вот что нас больше всего смущает: вы, исповедуя себя благочестивыми и считая себя лучше других, ничем не отличаетесь от них и не меняете свой образ жизни по сравнению с народами, не соблюдая ни праздников, ни суббот, не совершая обряда обрезания; и далее, возлагая свои надежды на распятого человека, вы все же надеетесь получить от Бога какие-то блага, хотя и не исполняете Его заповедей. Разве вы не читали, что та душа будет отторгнута от своего народа, которая не будет обрезана в восьмой день? И это постановлено для чужеземцев и для рабов одинаково. Но вы, опрометчиво пренебрегая этим заветом, отвергаете вытекающие из него обязанности и пытаетесь убедить себя, что знаете Бога, когда, однако, не исполняете ничего из того, что исполняют боящиеся Бога. Поэтому, если вы можете защитить себя по этим пунктам и показать, каким образом вы надеетесь на что-либо, даже если вы не соблюдаете закон, мы с радостью выслушаем вас и проведем другие подобные расследования".^[149]

Юстин отвечает Трифону в следующей главе (глава xi), которая называется: *"Закон отменен; Новый Завет обещан и дан от Бога"*.

Обратите внимание на следующее из этой и последующих глав:

"Ибо закон, провозглашенный на Хориве, уже устарел и принадлежит только вам одним; но этот закон для всех универсален. Теперь закон, поставленный против закона, отменил предшествующий ему, и завет, который наступает после него, подобным же образом положил конец предыдущему; и нам дан вечный и окончательный закон - во имя Христа - и завет надежный, после которого не будет ни закона, ни заповеди, ни постановления".^[150]

"Теперь вы нуждаетесь во втором обрезании, хотя и превозносите во плоти. Новый закон требует от вас соблюдения вечной субботы, а вы, поскольку один день бездействуете, считаете себя благочестивыми, не понимая, почему вам это заповедано; и если вы едите опресноки, то говорите, что воля Божья исполнена. Господу Богу нашему не угодны такие соблюдения; если есть среди вас лжец или вор, пусть перестанет быть таковым; если прелюбодей, пусть покается; тогда он соблюдал сладкие и истинные субботы Божии. Если у кого руки нечисты, пусть умоется и будет чист".^[151]

"Ибо и мы соблюдали бы плотское обрезание, и субботы, и вообще все праздники, если бы не знали, по какой причине они предписаны вам, а именно по причине ваших преступлений и ожесточения сердец ваших. Ибо если мы терпеливо переносим все, что замышляют против нас злые люди и демоны, так что даже среди жестокостей невыразимых, смерти и мучений

мы молим о милости к тем, кто причиняет нам такие страдания, и не хотим дать ни малейшего отпора никому, как повелел нам новый Законодатель; то как же, Трифо, мы не будем соблюдать те обряды, которые не вредят нам - я говорю о плотском обрезании, субботах и праздниках?"[152]

В разных формах Иустин Мученик повторяет свою теорию о том, что десять заповедей и церемониальная экономика иудеев были отменены, и что не существует никакого писаного закона, регулирующего поведение христиан.

Тертуллиан также учил временному характеру Декалога и не-закону, о чем свидетельствует следующее:

"Отсюда мы понимаем, что закон Божий предшествовал даже Моисею и не был впервые [дан] в Хориве, или на Синае, или в пустыне, но был более древним; [существовал] сначала в раю, затем был реформирован для патриархов, а затем снова для иудеев в определенные периоды; Так что мы должны внимать Моисееву закону не как первобытному, а как последующему, который в определенный период Бог изложил и язычникам, и, неоднократно обещая это сделать через пророков, изменил к лучшему; и предвосхитил [людей], чтобы "как закон был дан через Моисея" в определенное время, так и считалось, что он временно соблюдается и исполняется. И давайте не будем отменять эту власть, которой обладает Бог и которая реформирует предписания Закона в соответствии с обстоятельствами времени с целью спасения человека. Иными словами, пусть тот, кто утверждает, что суббота по-прежнему должна соблюдаться как спасительный бальзам, а обрезание в восьмой день - из-за угрозы смерти, учит нас, что в прошлом праведные люди соблюдали субботу или делали обрезание и таким образом становились "друзьями Божьими". Ибо если обрезание очищает человека, то почему, если Бог создал Адама необрезанным, он не обрезал его даже после того, как он согрешил, если обрезание очищает? Во всяком случае, поселив его в раю, Он назначил необрезанного колонистом рая. Поэтому, поскольку Бог создал Адама необрезанным и не соблюдающим субботу, то и его потомство, Авель, принесший Ему жертву, необрезанный и не соблюдающий субботу, был Им одобрен; Он принял его жертву в простоте сердца и осудил жертву его брата Каина, который не разделил правильно то, что приносил. Ноя, также необрезанного - да, и не соблюдавшего субботу, - Бог избавил от потопа. И Еноха, праведнейшего человека, необрезанного и не соблюдающего субботу, Он перевел из этого мира; [Еноха], который не вкусил сначала смерти, чтобы, будучи кандидатом на вечную жизнь, показать нам, что и мы можем, не обремененные законом Моисея, угодить Богу. Мелхиседек, также "священник Бога Всевышнего", необрезанный и не соблюдающий субботу, был избран в священство Божье. В то же время Лот, брат Авраама, доказывает, что он был освобожден от огня содомитов именно за заслуги праведности, без соблюдения Закона.....

"Итак, поскольку очевидно, что суббота временная была показана, а суббота вечная предсказана, обрезание плотское предсказано, а обрезание духовное предвозвещено; закон временный и закон вечный формально объявлены; жертвы плотские и жертвы духовные предвозвещены; Из этого следует, что после того, как все эти заповеди были даны плотски, в предшествующее время, народу Израиля, должно было наступить время, когда заповеди древнего закона и старые церемонии прекратятся, и наступит обетование нового закона, признание духовных жертв и обетование Нового Завета; свет свыше озарит нас, сидящих во тьме и пребывающих в тени смертной. И поэтому на нас ложится необходимость, обязывающая нас, поскольку мы предположили, что пророки предсказали новый закон, а не тот, который уже был дан их отцам, когда Он вывел их из земли Египетской, показать и

доказать, с одной стороны, что тот старый закон прекратил свое действие, а с другой - что обещанный новый закон теперь в действии".[153]

Этих примеров должно быть достаточно, поскольку все, кто знаком с патристической литературой, знают, что ее общая тенденция и открыто выраженная оппозиция иудаизму и всему, что связано с Ветхим Заветом и Декалогом, делает бесспорным, что преобладающий тип христианства в течение третьего, четвертого и последующих веков был антисаббатическим и антиномическим. Среди простых людей были практические исключения, но преобладающая мысль, а значит, и сильная тенденция, была направлена против субботы и саббатизма. Тот, кто ставит это под сомнение, показывает свое невежество. Это растущее пренебрежение к авторитету закона о субботе и неуклонное развитие антисаббатизма подготовили почву для обширной системы полурелигиозных языческих дней, во главе которых стоял день Солнца.

Антиномизм и антисаббатизм неписаны.

Прежде чем мы зададимся вопросом о том, как было введено воскресенье, следует рассмотреть неписательскую и разрушительную природу теорий, с помощью которых Декалог и суббота были свергнуты посредством ложных учений.

Христос - центральная фигура в обеих диспенсациях. Если в связи с работой Христа на земле должны появиться новые выражения воли Отца, то они должны быть сделаны "Еммануилом", который таким образом "примиряет мир с Собой". Учил ли Христос отменять Декалог, частью которого является закон о субботе? Пусть ответят Его собственные слова:

"Не думайте, что Я пришел разрушить закон или пророков. Я пришел не разрушить, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна пядь или ни одна частица не прейдет из закона, доколе не совершится все. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малым наречется в Царстве Небесном; а кто исполнит и научит их, тот великим наречется в Царстве Небесном".[154]

Когда Христос говорит о законе (τὸν νόμον) в этих выразительных словах, Он не может иметь в виду церемониальный кодекс, поскольку эти церемонии были типичны для Него и должны были исчезнуть с Его смертью. Кроме того, слово "исполнить" (πληρῶσαι) означает противоположность разрушению (καταλῦσαι). Христос исполнил закон совершенным послушанием ему. Он исправил ложные толкования и усилил его требования. Он учил повиноваться ему как по духу, так и по букве, и призывал к послушанию из любви, а не из страха. Такая работа не могла быть выполнена в связи с предсмертными церемониями иудейской системы. Такую работу Христос проделал в отношении Декалога. В связи с процитированным выше отрывком Христос сразу же ссылается на два закона из Декалога, объясняет и подтверждает их значение гораздо шире и глубже, чем те, кто слушал Его, были склонны о них догадываться.

В другой раз[155] один проницательный законник пытался заманить Спасителя в ловушку, спрашивая, "какая наибольшая заповедь в законе". Этот вопрос не имеет смысла, если он не относится к Декалогу. Ответ Христа включает в себя все заповеди Декалога и, таким образом, позволяет избежать ловушки, задуманной вопрошающим, который пытался ввести Его в некое различие между законами, равными по своей природе и объему.

В шестнадцатой главе Евангелия от Луки,[\[156\]](#) , Христос снова утверждает в самых сильных выражениях, что "легче небу и земле прейти, нежели одной частице закона прейти". Язык не может быть более простым, чем тот, который используется в этих высказываниях.

Эти чувства полностью согласуются с практикой Христа в отношении субботы. Он смело осуждал несправедливые требования, которые иудеи предъявляли к ее соблюдению, и учил, что в этот день можно свободно совершать дела милосердия; что он был создан для блага человека, а не для его вреда. Но Он никогда не учил, что, поскольку этот день был "установлен для человека", он должен быть отменен или не освящен. Он также не передавал Своим ученикам никаких полномочий учить об отмене закона или субботы. Напротив, в их трудах содержится такое же ясное свидетельство в пользу вечности закона, а показывает такое же практическое соблюдение субботы. Павел, великий рассудитель среди апостолов, после исчерпывающего обсуждения отношений между Законом и Евангелием, завершает этот вопрос такими словами:

"Неужели же мы верою делаем закон недействительным? Боже упаси! Нет, мы утверждаем закон".[\[157\]](#)

И снова в том же Послании[\[158\]](#) он приводит убедительный аргумент, отталкиваясь от аксиомы, что "где нет закона, там нет греха". Показывая, что поскольку смерть, пришедшая через грех, царила от Адама до Моисея, то, следовательно, закон тогда существовал, и, исходя из тех же соображений, если нет закона в Евангельской диспенсации, то не может быть и греха; если нет греха, то нет и Спасителя от греха, и Христос умер напрасно, если Своей смертью Он уничтожил закон. В другом месте Павел противопоставляет Декалог церемониальному кодексу и заявляет о бесполезности одного и обязательности другого в таких словах:

"Обрезание - ничто, и необрезание - ничто, кроме соблюдения заповедей Божиих".[\[159\]](#)

Таким образом, Павел ясно и недвусмысленно учит так, как учил его Учитель.

Учитывая слова Христа и четкую логику Павла, следующие выводы неизбежны. Они уничтожают теорию отсутствия закона.

1. Если Декалог был отменен смертью Христа, то Христос Своей смертью предотвратил возможность греха, чтобы искупить человека, от которого Он умер.
 2. "Грех не вменяется там, где нет закона",[\[160\]](#) поэтому сознание греха, которое люди испытывают под действием Евангелия, является насмешкой, а вся вера в Христа - фарсом. Утверждение, что закон написан в сердцах верующих, только увеличивает трудности. Если это так, то:
 3. Никто, кроме верующих во Христа, не может быть осужден за грех, ибо никто другой не может знать закон, который осуждает за грех. Поэтому те, кто отвергает Христа, становятся, по крайней мере, отрицательно, *праведными*, отказываясь приходить туда, где их могут осудить за грех. Таким образом, теория отсутствия субботы делает неверность лучше веры, а *отвержение Христа - единственным средством спасения*. Она ведет к бесконечным абсурдам и ниспровергает все нравственное управление. Она противоречит простым словам Бога и заменяет тьму светом. Его плодами в жизни людей стали лишь горечь и пепел.
-

ГЛАВА VIII.

СОБЛЮДЕНИЕ ВОСКРЕСЕНЬЯ, НЕИЗВЕСТНОЕ ХРИСТИАНСТВУ ДО СЕРЕДИНЫ II ВЕКА.

Ошибочные представления о начале соблюдения воскресенья - отсутствие воскресенья в Новом Завете - воскресенье упоминается лишь три раза - о нем никогда не говорится ни как о субботе, Библия не утверждает, что Христос воскрес в воскресенье - Христос и Его ученики всегда соблюдали субботу - "Изменение субботы" неизвестно в Новом Завете - Суббота никогда не называлась "еврейской" в Писании, ни у одного писателя, пока язычество не вторглось в Церковь - Истоки соблюдения воскресенья найдены в язычестве - Первое упоминание о соблюдении воскресенья около 150 г. н.э. Ни один писатель первых веков не утверждал, что его соблюдение обосновано Писанием - языческие причины и аргументы, приводимые в его поддержку; день "потакания плоти" - придуманные Писанием причины, *постфактум*.

Мало найдется вопросов, относительно которых народные представления и окончательные факты расходятся сильнее, чем вопрос о раннем соблюдении воскресенья. Нередко люди утверждают, что "воскресенье соблюдается как христианская суббота с момента воскресения Христа", в то время как на самом деле первое достоверное и определенное заявление о соблюдении воскресенья было сделано Иустином Мучеником в 150 году н. э. Даже если мы примем отрывок, процитированный с сайта в Дидахе, часть этого документа, в которой содержится ссылка, не может быть помещена ранее 150 года, и, вероятно, гораздо позже. Поскольку факты в том виде, в каком они представлены в Новом Завете, можно легко получить, я займу достаточно места, чтобы изложить их вкратце.

"Первый день недели, воскресенье, упоминается в Новом Завете всего три раза. Каждый из евангелистов говорит о дне, когда воскресение Христа стало известно Его ученикам. Все эти упоминания относятся к одному и тому же дню.^[161] В книге Деяний есть только одно упоминание о воскресном дне^[162]; и только одно во всех Посланиях.^[163] Три других отрывка цитируются в пользу соблюдения воскресенья.^[164]

Читателю так легко изучить эти отрывки и сравнить их с распространенными представлениями и с тем, что сказано здесь, что я буду довольствоваться следующим кратким изложением фактов, касающихся соблюдения воскресенья в Новом Завете:

В пользу такого соблюдения приводятся шесть отрывков. Только в *трех* из этих отрывков первый день недели упоминается каким-либо образом. Ни в одном из них не говорится о том, что он является субботним, или памятным для какого-либо события, или священным, или должен рассматриваться выше других дней, и только с помощью неясных и нелогичных умозаключений любой из них заставляет привести хоть тень доказательства такого изменения. Что касается трех других дней, то сторонники популярной теории лишь *предполагают*, что они каким-то образом относятся к первому дню. Поэтому при внимательном рассмотрении "аргумент из примера" сводится именно к этому. Новый Завет никогда не говорит и не намекает на изменение субботы; в нем нет ни одного упоминания о каком-либо памятном или саббатическом соблюдении воскресенья. Зато в нем говорится о постоянном и непрерывном соблюдении субботы Христом и Его апостолами. Прошу читателя изучить Библию, чтобы убедиться, так ли это. С точки зрения Библии, воскресенье - это миф,

а теория "изменения субботы божественной властью" зародилась в английском пуританстве менее трехсот лет назад.

Воскресение Христа и воскресенье.

Еще одно популярное представление также не подтверждается историей Нового Завета. Библия никогда не связывает соблюдение воскресенья или какого-либо другого дня с воскресением Христа. В Библии не говорится, что Христос восстал из могилы в воскресенье. Самое большее, что можно сказать по этому поводу, - это то, что, когда друзья Христа впервые пришли к гробнице, она была пуста. Он воскрес и ушел. Матфея ххviii, 1, показывает, что первое посещение было сделано "поздно в субботу", *то есть* в субботу днем до захода солнца, и в это время гробница была пуста.^[165]

Все ссылки на воскресенье полностью объясняются другими соображениями, кроме того, что это был священный или памятный день. Все новозаветные аргументы в пользу соблюдения воскресенья приводятся *задним числом*; они были разработаны уже после того, как эта практика была введена по другим причинам.

Суббота в Новом Завете.

История субботы в Новом Завете так же сильно расходится с распространенными представлениями, как и история воскресенья. Утверждение, которое иногда делают: "Суббота никогда не соблюдалась после воскресения Христа", содержит столько ошибок, сколько можно вместить в это количество слов. Поскольку факты находятся в руках каждого читателя Нового Завета, здесь приводится лишь их общее изложение.

Если собрать все факты и подвести итог на примере Христа и Его апостолов, то получится следующее:

1. При жизни Христа суббота всегда соблюдалась Им и Его последователями. Он исправлял ошибки и ложные представления, которых придерживались в отношении субботы, но не намекал на то, что она должна быть отменена.
2. Книга Деяний дает связную историю признания и соблюдения субботы апостолами во время организации многих церквей, о которых говорится в Новом Завете. Эти упоминания охватывают период в восемь или девять лет, причем последнее из них относится по меньшей мере к двадцати годам после воскресения.
3. Во всей истории поступков и учений апостолов нет ни малейшего упоминания об отмене субботы.

Если бы произошли или начали происходить какие-либо изменения, или если бы существовали какие-либо основания для отмены закона о субботе, апостолы должны были бы знать об этом. Утверждать, что это было не так, значит обвинять их в *тщательном сокрытии истины*. А также в том, что они признали и называли субботой день, который *ею не являлся*.

К этим соображениям можно добавить следующие факты:

(а) Последние книги Нового Завета, включая Евангелие от Иоанна, были написаны примерно в девяносто пятом году или позже. Ни в одной из них нет никаких следов изменения субботы, и ни в одной из них не говорится об отмене закона о субботе.

(б) В Новом Завете суббота упоминается шестьдесят раз, и всегда в соответствующем значении.

Таким образом, закон и Евангелие находятся в гармонии и учат, что "день седьмой - суббота Господу, Богу твоему".

Но некоторые скажут: "Христос и Его апостолы делали все это просто как иудеи". Если это так, то Христос жил и учил просто как *иудей*, а не как *Спаситель мира*. Напротив, Он воевал с ложными и экстравагантными представлениями иудаизма о вопросах истины и долга. Если бы Христос был не "христианином", а "иудеем", что стало бы с системой, которой Он учил? Если Его первые последователи, которые пожертвовали всем ради Него и запечатали свою веру кровью, были всего лишь иудеями или, что еще хуже, распущенниками, которые ради политики делали то, чего христиане не должны были делать, то где же найти христиан? Это предположение погибает от собственной несостоятельности. Более того, в новозаветной истории неоднократно говорится о том, что греков учили субботе так же, как и иудеев; и в тех церквях, где преобладал греческий элемент, нет никаких следов какого-либо иного учения или обычая в этом вопросе. Иудейские христиане на некоторое время сохранили свои *национальные* установления, такие как обрезание и пасха, в то время как все христиане приняли субботу как часть Закона Божьего. Народное возмущение против субботы как "иудейской" не имеет под собой оснований. Христос во всех отношениях был иудеем по национальности. Как и все авторы Ветхого Завета и все авторы Нового Завета. Бог не дал миру ни одного слова вдохновения в Библии, исходящего из языческого пера или языческих уст. Так является ли Библия "еврейской"? Суббота, если это возможно, менее иудейская, чем Библия. Ее начало было положено задолго до рождения еврея. Это Божий день, отмеченный Его собственным примером и освященный Его благословением, для рода человеческого, начавшийся, когда этот род начался, и могущий закончиться только тогда, когда род прекратит свое существование. Христос признал его в Евангелии, как признал каждый из других вечных законов, с которыми он связан в Декалоге; признал их как вечные слова Своего Отца, чей закон Он пришел возвеличить и исполнить. Явно несправедливо и нехристиански пытаться вытеснить и заклеить какую-либо часть Божьей истины как "еврейскую", когда все Божьи обетования и все библейские истины пришли к нам через еврейский народ.^[166]

Как мы были вынуждены выйти за пределы Библии, чтобы найти влияние, которое подорвало Декалог и субботу, так и происхождение соблюдения воскресенья мы должны искать за пределами этой книги. Первое упоминание о таком соблюдении и о причинах этого мы находим у того же автора, Юстина, который, как мы видели, первым сформулировал антизаконные и антисубботные доктрины, которые мы уже рассматривали.^[167]

Это самое раннее упоминание о соблюдении воскресенья содержится в "Апологии" Юстина следующим образом:

"В день, называемый воскресеньем, все, кто живет в городах или в деревне, собираются в одно место, и читаются воспоминания апостолов или писания пророков, пока позволяет время; затем, когда чтец прекращает чтение, президент устно наставляет и увещевает к подражанию этим хорошим вещам. Затем мы все вместе встаем и молимся, и, как мы уже говорили, по окончании молитвы приносят хлеб, вино и воду, и председатель подобным образом возносит молитвы и благодарения, по мере своих возможностей, и народ соглашается, говоря "Аминь"; и происходит раздача каждому и участие в том, за что была выражена благодарность, а тем, кто отсутствует, дьяконы посылают порцию. А те, кто хорошо

зарабатывает и желает, дают то, что каждый считает нужным; собранное же передается председателю, который помогает сиротам и вдовам, и тем, кто по болезни или по другой причине находится в нужде, и тем, кто в узах, и странникам, живущим среди нас, и, словом, заботится обо всех, кто нуждается. Но воскресенье - это день, в который мы все наше общее собрание, потому что это первый день, в который Бог, изменив тьму и материю, сотворил мир, а Иисус Христос, Спаситель наш, в тот же день воскрес из мертвых. Ибо Он был распят в день, предшествующий Сатурну (субботу), а в день, следующий за Сатурном, который есть день Солнца, явившись Своим апостолам и ученикам, Он научил их этим вещам, которые мы представили и вам на рассмотрение".[168]

В причинах, приведенных Юстином, нет ничего сценарного; первая из них чисто причудлива и согласуется с преобладающими гностическими спекуляциями тех времен. Его утверждение о том, что Христос был распят в пятницу, является началом популярной ошибки, которая дошла до наших дней не то чтобы неоспоренной, но в значительной степени неисследованной. Некоторые авторы утверждают, что в последнем пункте говорится о том, что Христос учил Своих учеников, когда впервые явился им, тому, что Иустин написал о воскресном дне; но стоит только прочитать слова Иустина, чтобы увидеть, насколько безосновательно такое утверждение. В Писании нет ни одного слова, подтверждающего причины, приводимые Иустином для соблюдения воскресенья.

Важно, чтобы читатель внимательно проследил, какого рода соблюдение воскресного дня описывает Иустин. Отбросив все "предположения", "умозаключения" и *выводы ex-post-facto*, мы узнаем от него, что в середине второго века в воскресенье проводилась некая форма религиозной службы. Но столь же очевидно, что никакого саббатического отношения к этому дню не было. Сэр Уильям Домвилл резюмирует это следующим образом:

"Этот вывод кажется неотразимым, если учесть, что Юстин в этой части своей "Апологии" якобы намеревается описать, как христиане соблюдали воскресенье..... Он, очевидно, намерен дать всю информацию, необходимую для точного знания предмета, о котором он говорит. Он даже настолько конкретен, что сообщает императору, почему соблюдается воскресенье; и он действительно указывает все активные обязанности, относящиеся к этому дню: чтение Писания, увещевание, публичная молитва, таинства и раздача милостыни: почему бы ему тогда не сообщить императору и об одной неактивной обязанности этого дня - обязанности воздерживаться в этот день от какой бы то ни было работы? Император прекрасно знал, что такое воздержание было обычаем всех его иудейских подданных в субботу (*die Saturni*), и легко мог понять, что оно было обычаем его христианских подданных в воскресенье (*die Solis*, как называет его Юстин в своей Апологии), и, следовательно, если таков был обычай христиан во времена Юстина, его описание их воскресных обязанностей было, по сути, неполным. Однако маловероятно, чтобы он намеревался опустить такую важную характеристику дня, как соблюдение субботы, если она действительно была субботней. Но даже если бы было вероятно, что он намеревался опустить все упоминания об этом в своей "Апологии императору", невозможно представить себе достаточную причину для того, чтобы он умолчал об этом в своем диалоге с иудеем Трифоном; и это независимо от того, был ли диалог реальным или вымышленным, поскольку если бы он был реальным, Юстин все равно, как заметил доктор Ларднер, "решил бы писать в образе"... Свидетельство Юстина, таким образом, наиболее ясно доказывает два факта, имеющих большое значение в споре о субботе: первый - что христиане его времени соблюдали воскресенье как молитвенный день; второй - что они не соблюдали его как день субботний".[169]

Таково краткое изложение ситуации в 150 году н. э. Отсутствие субботы и форма соблюдения воскресенья родились в одно и то же время. Обученный языческим философиям до зрелого

возраста, Юстин принял христианство как лучшую философию, чем та, которую он находил до этого. Такой человек и подобные ему едва ли могли поступить иначе, чем построить систему, совершенно не похожую на апостольское христианство. Да и то, что они построили, было скорее языческим, чем апостольским типом.

Языческие причины соблюдения воскресенья.

Языческая философия как источник аргументов в пользу соблюдения воскресенья еще больше подчеркивается Климентом Александрийским следующим образом:

"А о дне Господнем Платон пророчески говорит в десятой книге "Республики" в таких словах: "И когда семь дней пройдет у каждого из них на лугу, на восьмой они должны отправиться в путь и прибыть через четыре дня". Под лугом следует понимать неподвижную сферу, как место мягкое и благодатное, и местопребывание благочестивых; а под семью днями - каждое движение семи планет, и все практическое искусство, которое ускоряется до конца отдыха. Но после блуждающих шаров путешествие ведет на небо, то есть к восьмому движению и дню. И он говорит, что души уходят в четвертый день, указывая на прохождение через четыре элемента. Но седьмой день признан священным не только у евреев, но и у греков; по нему возвращается весь мир всех животных и растений. Гесиод говорит о нем:

"Первый, и четвертый, и седьмой день считались священными".

"И еще:

"А на седьмой - сверкающая сфера солнца".

"И Гомер:

"И на седьмой наступил священный день".

"И:

"Седьмой был священным".

"И снова:

"Был день седьмой, и все свершилось".

"И еще:

"И на седьмое утро мы покинули поток Ахерона".

"Поэт Каллимах также пишет:

"Было утро седьмого дня, и все дела были сделаны".

"И снова:

"Среди хороших дней - седьмой день и седьмая гонка".

"И:

"Седьмой - среди лучших, и седьмой - совершенный".

"И:

"Все семь были созданы на звездном небе,
В кругах, сияющих, как годы".

В "Элегиях Солона" тоже очень сильно обожествляется седьмой день. И как? Разве это не похоже на Писание, где говорится: "Удалим от себя праведника, потому что он беспокоит нас"? Когда Платон, практически предсказывая экономику спасения, говорит во второй книге "Республики" следующее: "Таким образом, тот, кто будет признан праведным, будет подвергнут бичеванию, будет простерт на дыбе, будет связан, ему выколуют глаза; и, наконец, претерпев все зло, будет распят"[170]

Подобное сочетание языческих заблуждений и диких спекуляций встречается и в другом произведении Климента, где он обсуждает причины поста в среду и пятницу, а также рассматривает, как можно соблюдать воскресенье. Пишущий об "истинном гностике" Климент говорит:

"Он также знает загадки постов этих дней - я имею в виду Четвертый и Подготовительный. Ибо один из них получил свое название от Гермеса, а другой - от Афродиты. Он постится в своей жизни в отношении любостяжания и сладострастия, из которых произрастают все пороки. Ведь мы уже часто показывали выше три вида блуда, по словам апостола, - любовь к удовольствиям, любовь к деньгам, идолопоклонство. Итак, он постится, по закону воздерживаясь от дурных дел, а по совершенству Евангелия - от злых мыслей. Искушения обрушиваются на него не для его очищения, а, как мы уже говорили, для блага его ближних, если, испытывая тяготы и муки, он презрел и обошел их стороной.

"То же самое относится и к удовольствиям. Ибо для того, кто испытал его, воздержаться от него - высшее достижение. Ибо что великого, если человек сдерживает себя в том, чего не знает? Он, исполняя предписание Евангелия, соблюдает день Господень, когда отказывается от злого нрава и принимает гностический, прославляя в себе воскресение Господа. Далее, когда он постиг научные умозрения, он считает, что видит Господа, направляя свой взор на невидимые вещи, хотя ему кажется, что он смотрит на то, на что не хочет смотреть; наказывая способность зрения, когда он видит, как на него приятно воздействуют его глаза; поскольку он хочет видеть и слышать только то, что касается его самого".[171]

Климент о субботнем законе.

Яркие примеры язычества можно найти в гностическом "Изложении Декалога" Климента. Рассуждая о четвертой заповеди, он говорит

"Дойдя до этого места, мы должны упомянуть об этих вещах между прочим, поскольку речь зашла о седьмой и восьмой. Ибо восьмая, возможно, окажется в действительности седьмой, а седьмая, очевидно, шестой, и последняя в действительности является субботой, а седьмая - рабочим днем. Ведь сотворение мира было завершено в шесть дней. Ибо движение солнца от солнцестояния к солнцестоянию завершается за шесть месяцев, в течение которых в одно время опадают листья, а в другое - распускаются растения и созревают семена. И говорят, что зародыш совершенствуется именно на шестом месяце, то есть за сто восемьдесят дней в дополнение к двум с половиной, о чем повествует врач Полибий в своей книге "О восьмом месяце" и философ Аристотель в книге "О природе". Поэтому пифагорейцы, как я думаю, считают шесть совершенным числом от сотворения мира, по словам пророка, и называют его Месеутис и Брак, поскольку оно является серединой четных чисел, то есть десяти и двух. Ибо она явно находится на равном расстоянии от обоих".[172]

Следующий абзац слишком груб, чтобы приводить его в этом месте. Под конец этого заученного (?) "изложения" Климент приводит следующий любопытный аргумент из Псалтири:

"И блаженный Давид ясно передает тем, кто знает мистическое повествование о семи и восьми, восхваляя таким образом: "Годы наши упражнялись, как паук. Дни лет наших в них - семьдесят лет; если же в силе, то восемьдесят лет. И это будет царствовать". Чтобы мы были научены тому, что мир возник, а не полагали, что Бог сотворил его во времени, пророчество добавляет: "Это книга о роде и о том, что в нем, когда они были сотворены в тот день, когда Бог сотворил небо и землю". Ибо выражение "когда они были сотворены" подразумевает неопределенное и не имеющее даты создание. Но выражение "в день, в который Бог сотворил", то есть в тот день и посредством , когда Бог сотворил "все вещи" и "без которого не было создано ни одной вещи", указывает на деятельность, осуществляемую Сыном. Как говорит Давид: "Вот день, который сотворил Господь; возрадуемся и возвеселимся в него"; то есть, в силу переданного Им знания, будем праздновать божественный праздник; ибо Слово, которое проливает свет на сокрытые вещи и благодаря которому каждая сотворенная вещь ожила и стала бытием, называется днем. И, кроме того, в Декалоге буквой *iota* обозначено благословенное имя, представляющее Иисуса, который есть Слово".[173]

Языческий бред едва ли мог пойти дальше, и все же этот человек оказал заметное влияние на развитие доктрины соблюдения воскресенья.

Тертуллиан о субботе.

Тертуллиан был плодовитым писателем, не отличавшимся последовательностью. Он учил отмене субботы (см. "Против иудеев", глава iv.) и упоминал о соблюдении воскресенья, не приводя формальных причин для этого. Но случайные упоминания, которые он делает, показывают, что воскресенье, хотя оно и стало называться "днем Господним", все еще носило языческие черты. Свидетельство тому следующее:

"Святой Дух порицает иудеев за их святые дни. "Субботы ваши, и новолуния, и обряды", - говорит Он, - "ненавидит душа Моя". Мы, для которых субботы чужды, а новолуния и праздники, ранее любимые Богом, *сатурналии*, праздники *Нового года* и *середины зимы* и *Матроналии* часто посещаемы - подарки приходят и уходят - новогодние дары - игры с их шумом - банкеты с их грохотом! О, лучше верности народов своей собственной секте, которая не требует для себя ни одной христианской торжественности! Ни день Господень, ни Пятидесятницу, даже если бы они их знали, они не разделили бы с нами; ибо они не боялись бы, чтобы не показаться христианами. *Мы* же не боимся, как бы нам не показаться *язычниками*! Если плоти и положено какое-то послабление, то вы его получили. Я не говорю о ваших собственных днях, но и о других тоже; ибо у *язычников* каждый праздничный день случается только раз в году, а у *вас* - каждый восьмой день. Назовите отдельные праздники народов и поставьте их в ряд, и они не смогут составить Пятидесятницу".[174]

Здесь мы видим истинно исконный характер воскресенья: день "потворства плоти". Таков был законный, неизбежный плод этого полуязыческого фестивализма, плод, который быстро и почти смертельно отравил Церковь.

Достаточно добавить в этой главе, что *ни один писатель первых трехсот лет не дает и не пытается дать* оснований для соблюдения воскресного дня по Писанию. Таких причин просто не существует.

ГЛАВА IX.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕЛИГИЯ - ЯЗЫЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ.

Отношение Христа к государству - римская концепция религии как департамента государства - римское гражданское право создавало и регулировало все религиозные обязанности - влияние языческой доктрины религиозного синкретизма на христианство - император как полубог, имеющий право на поклонение и, *по должности*, верховный авторитет в религии - глубокое разложение римской морали и социальной жизни под влиянием языческой государственной религии.

Три основных момента, по которым христианство было испорчено язычеством, мы уже рассмотрели. Осталось рассмотреть еще один, не менее фундаментальный и не менее упорный - *союз христианства с государством*.

Отношение Христа к государству.

Христос учил о безграничной ценности человека как личности. Божественное священство каждого верующего во Христа и его абсолютное духовное царствование над самим собой под Богом - это фундаментальная доктрина Евангелия. На этой платформе Христос провозгласил абсолютное отделение Церкви от государства. "Царство Мое не от мира сего" - таков был лейтмотив Его провозглашения. Его Царство не знает ни иудеев, ни греков, ни римлян, ни египтян, ни рабов, ни свободных. Этнические различия и кастовая принадлежность были неведомы Искупителю мира. Где бы ни склонялось сердце в простой вере и верном послушании, там устанавливалось Царство Христа. На фоне римской государственно-церковной теории учение о Царстве Христа было полуднем на фоне полуночи. Это был бриллиант среди гальки. Это было провозглашение всеобъемлющего и вечного братства. Это Царство воздавало Сезарю то малое, что ему причиталось, и требовало самой полной и высокой преданности невидимому, но небезызвестному Богу. Оно искало лишь простой защиты от гражданской власти и терпеливо переносило обиды, вплоть до смерти, когда в этом ему отказывали. Такое царство нашло своих первых приверженцев среди тех, кто меньше всего запутался в сетях государственных религий, и чьи сердца были наиболее преданы единому Богу и Его Сыну, Христу. Естественно, это были простые люди, которые с радостью слушали и с радостью вступали в небесное гражданство. Таким образом, Церковь Христа, как и Он Сам, родилась среди ничтожных людей и была полностью независима от государства. Такое духовное царство не могло быть поставлено под контроль гражданской власти, да еще языческой, без того, чтобы не быть развращенным, если не уничтоженным.

Римская концепция религии.

Читатель будет лучше подготовлен к пониманию того, как христианство развратилось по этой линии, если рассмотрит гений римской нации и ее концепцию религии. Идея закона как воплощения абсолютной власти пронизывала римский разум. Люди были важны только как граждане. В отрыве от государства человек был никем. "Быть римлянином было выше, чем царем". Все личные права, все интересы были подчинены государству. Такая концепция власти была источником римского величия, доблести и успеха. Она призывала легионы,

завоевывала мир и заставляла все дороги вести в Рим. До христианства любая религия была этнической. Для римлянина религия была частью гражданского кодекса. Это была система договоров между людьми и богами через гражданское право. Глава государства *по должности* возглавлял департамент религии. В языческих теориях не было места евангельской идее Церкви.

Говоря об этом, доктор Шафф заявляет:

"Об отделении религии от политики, духовной власти от мирской языческая древность ничего не знала, поскольку рассматривала саму религию только с естественной точки зрения и подчиняла ее целям всевластного государства, высшей из известных форм человеческого общества. Египетские цари, как рассказывает Плутарх, были одновременно жрецами или принимали жречество по своему выбору. В Греции гражданский магистрат осуществлял надзор за жрецами и святилищами. В Риме, после правления Нумы, этот надзор был поручен сенатору, а затем объединен с императорской должностью. Все языческие императоры, от Августа до Юлиана Отступника, были в то же время верховными понтификами (*Pontifices Maximi*), главами государственной религии, императорами-папами. В этом качестве они не только могли выполнять все священнические функции, вплоть до принесения жертв, если к этому их побуждало суеверие или политика, но и стояли во главе высшей священнической коллегии (из пятнадцати или более понтификов), которая, в свою очередь, регулировала и контролировала три низших класса священников (эпулонов, Квиндецемвиры и Авгуры), храмы и алтари, жертвоприношения, гадания, праздники и церемонии, изложение сивиллиных книг, календарь, короче говоря, все общественные культы, а отчасти даже дела брака и наследования."[\[175\]](#)

О том, что христианство должно было стать языческим, если оно стало государственной религией, свидетельствует следующее высказывание редактора "Институтов" Юстиниана:

"Что было наиболее характерно для религии Рима, так это ее тесная связь с гражданской властью. Главы религии не были кастой священников, а были гражданами, во всех остальных отношениях такими же, как и их собратья, за исключением того, что они были наделены особыми священными должностями. Король был главой религиозного органа, а ниже него стояли авгуры и другие служители религиозных обрядов. Все *население* занимало определенное место в религиозной системе государства. Сам факт рождения в одной из *семей*, входящих в состав *gens*, давал право на вход в священный круг, который был закрыт для всех остальных. Те, кто входил в этот круг, были окружены религиозными церемониями от колыбели до могилы. Каждый важный акт их жизни санкционировался торжественными обрядами. Каждый отдел и подразделение государства, к которому они принадлежали, имел свои особые церемонии. Человек, семья, *род* - все они находились под опекой соответствующих божеств-покровителей. Каждая местность, с которой они были знакомы, была священна для какого-либо бога-покровителя. Календарь был отмечен религиозными службами. Благоволение богов определяло время дел и отдыха; постоянно наблюдающее Провидение следило за государственными советами и знаками, понятными мудрецам, показывало одобрение или недовольство всем, что предпринималось".[\[176\]](#)

Фундаментальное различие между новозаветным христианством и римским представлением о религии подтверждается следующими высказываниями Ревилла и Тиле:

Ревилл заявляет:

"В Риме религиозная традиция была делом государства, как и само священство. Сенат по праву был ее хранителем. Этот орган принимал законы о религии, как и обо всем остальном;

и когда греко-римское язычество преследовало, оно делало это, руководствуясь, по сути, политическими мотивами".[177]

Тиле заявляет:

"Практичный римлянин придавал гораздо большее значение культу, чем доктринам религии. Это был единственный момент, имевший первостепенное значение; с его точки зрения, по-настоящему благочестивым человеком был тот, кто пунктуально выполнял свои религиозные обязанности, кто был благочестив в соответствии с законом. Существовал долг перед богами, который должен быть выполнен, но он был выполнен, если была соблюдена буква договора, а символ был дан вместо реальности. Анимистическая концепция, согласно которой боги могут быть использованы как инструменты для получения практических преимуществ, лежит в основе всего римского культа. В самые ранние времена он был довольно прост, если не считать отсутствия изображений или храмов, но в то же время чрезвычайно сложен и обременен всевозможными церемониями и символическими действиями, и малейшее пренебрежение ими разрушало действенность жертвоприношения. Это потребовало помощи жрецов, знакомых со всем ритуалом, но не для того, чтобы служить посредниками, так как подход к божеству был открыт для всех, а для того, чтобы следить за тем, чтобы благочестивое действие не нарушало ни одного существенного элемента..... Все было точно регламентировано правительством, и тот факт, что высшие жрецы всегда находились под контролем государства, предотвращал рост жреческого превосходства, отсутствие которого в Греции объяснялось другими причинами; но следствием этого было то, что римская религия оставалась сухой и формальной и была скорее внешней, чем внутренней. Даже чистота (*castitas*), на которую делался большой упор, была только священнической и достигалась путем люстрации, окропления и окуливания, а огромное значение, придававшееся молитве, так что за одну ошибку приходилось расплачиваться как за пренебрежение, имело основание в суеверной вере в то, что она обладает высокой магической силой." [178]

Религиозный синкретизм.

Преобладающая в Римской империи тенденция к религиозному синкретизму подготовила почву для развращения христианства в результате союза с государством.

Доктрина вежливости в религиозных вопросах выросла в римском сознании до теории религиозного синкретизма, которая предлагала признание других религий, не относящихся к римской. Религии Востока и Египта уже имели место и защиту в Риме. Они, как и граждане тех стран, откуда они пришли, были подчинены законам Владычицы мира. К началу IV века христианство приобрело такое влияние и авторитет, что, хотя оно и не претендовало на роль этнической религии, было слишком многообещающим странником, чтобы оставаться незамеченным. Великая империя осознавала нынешний упадок и грядущее разложение. Новая кровь была настоящей необходимостью; возможно, эта новая религия, которая дала такую силу выносливости своим приверженцам, окажет необходимую помощь.

Поначалу это признание не было ни толерантностью в подлинном смысле, ни полным признанием свободы совести. Это было скорее такое признание, какое дает мастер подмастерью: "Заходи и покажи, на что ты способен". В этом признании Рим не принял никакой новой политики и не продемонстрировал подлинной веры в апостольское христианство. Уже в 321 году нашей эры не более одной двадцатой части народа были христианами; а Константин, которого ошибочно называют "первым христианским императором", не делал открытого исповедания христианства, пока не лег на смертное ложе

в 337 году нашей эры. Христианство было взято под защиту империи, чтобы о нем заботились и контролировали в соответствии с гением римской истории и римского права. Христианские императоры, от Константина до Грациана (312-383), сохраняли титул "Pontifex Maximus". Посещение языческих храмов в религиозных целях и исполнение языческих обрядов в частном порядке не были запрещены императорским законом до 391-393 гг. н. э. Феодосием. Эти законы также не соблюдались там, где языческий элемент был на подъеме. Сам Феодосий не считался врагом старой религии; он пользовался такой благосклонностью, что после его смерти, в 395 году, сенат причислил его к богам.

Вместо того чтобы развиваться нормально, по простой новозаветной модели, римская церковь в значительной степени повторяла модель Римской империи. Как только союз был начат, за ним быстро последовали политические интриги и религиозное вырождение. Все гражданское законодательство в вопросах религии отодвигает божественный авторитет в сторону и заменяет его человеческим. Совесть, если и возникает, то только в отношении государства, а значит, остается на языческой почве.

Таким образом, спустившись с высоты апостольского периода, из-под непосредственного контроля и руководства Святого Духа, под контроль языческой государственной системы, и будучи уже ослабленным ложной философией, вытеснившей авторитет Слова, христианство оказалось далеко от своего истинного статуса и характера. Последовавшее за этим законодательство, касающееся праздников, обрядов и доктрин, представляло собой смесь язычества и христианства, истины и заблуждения, в значительной степени оторванную от Нагорной проповеди и посланий Павла. Ядро папского заблуждения и фонтан, ставший источником Темных веков, оба связаны с фундаментальными извращениями апостольского христианства.

Поскольку император *по должности* возглавлял Департамент религии, было сравнительно легко добиться слияния различных систем. Гиббон в общих чертах описывает эту тенденцию, которая преобладала в третьем веке. Она была тем более разрушительной для христианства, что характер императоров и тех, кто контролировал общественную жизнь империи, был деградирующим. Император, о котором Гиббон пишет ниже, описывается Шаффом следующим образом:

"Брошенный юноша Эль-Габал, или Гелиогабал (218-222 гг.), загрязнивший трон самыми черными пороками и глупостями, терпел все религии в надежде в конце концов слить их в своем любимом сирийском поклонении солнцу с его отвратительными излишествами. Сам он был жрецом бога солнца, откуда и получил свое имя.

"Его куда более достойный двоюродный брат и преемник Александр Север (222-235 гг.) пристрастился к более высокому виду религиозного эклектизма и синкретизма, пантеистическому поклонению героям. Он поместил бюсты Авраама и Христа в своей домашней часовне, а также бюсты Орфея, Аполлония Тианского и лучших римских императоров, а евангельское правило "Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними" было выгравировано на стенах его дворца и на общественных памятниках. Его мать, Юлия Маммея, была покровительницей Оригена".[\[179\]](#)

Гиббон говорит об этом периоде:

"Солнцу поклонялись в Эмесе под именем Элагабала и в виде черного конического камня, который, как считали все, упал с неба на это священное место. Этому божеству-покровителю Антонин, не без оснований, приписывал свое возведение на трон. Выражение суеверной благодарности было единственным серьезным делом его правления. Триумф бога Эмесы над

всеми религиями земли был главным предметом его рвения и тщеславия, а прозвище Элагабала (ибо он, как понтифик и фаворит, полагал принять это священное имя) было ему дороже всех титулов императорского величия. В торжественной процессии по улицам Рима дорога была усыпана золотой пылью; черный камень, оправленный в драгоценные камни, был помещен на колесницу, запряженную шестеркой молочно-белых лошадей, богато убранных. Благочестивый император держал поводья и, поддерживаемый своими служителями, медленно двигался назад, чтобы вечно наслаждаться счастьем божественного присутствия. В великолепном храме, воздвигнутом на Палатинской горе, жертвоприношения бога Элагабала совершались со всей пышностью и торжественностью. Самые богатые вина, самые необычные жертвы и самые редкие благовония обильно расходовались на его алтаре. Вокруг алтаря хор сирийских девиц исполнял свои развратные танцы под звуки варварской музыки, а самые серьезные лица государства и армии, одетые в длинные финикийские туники, исполняли самые низкие обязанности, с аффектированным рвением и тайным негодованием.

"В этот храм, как в общий центр религиозного поклонения, императорский фанатик попытался убрать Анкилию, Палладий и все священные залогов веры Нумы. Толпа низших божеств в разных местах сопровождала величие эмесского бога; но его двор был еще несовершенно, пока к его ложу не была допущена женщина выдающегося ранга. Сначала в качестве супруги была выбрана Палласа; но поскольку опасались, что ее воинственные ужасы могут смутить мягкую нежность сирийского божества, Луна, которую африканцы обожают под именем Астарты, была сочтена более подходящей спутницей Солнца. Ее изображение с богатыми подношениями ее храма в качестве брачной доли было с торжественной помпой перевезено из Карфагена в Рим, и день этих мистических бракосочетаний стал всеобщим праздником в столице и по всей империи."^[180]

Элагабал царствовал с 218 по 222 год н. э. Вышеизложенные факты показывают, что во время его правления империя была практически проституирована и предана самым низким формам поклонения солнцу. Это был триумф ориентализма на Западе. Такая же преданность поклонению солнцу проявляется и у других императоров ближе к концу третьего века.

Аврелиан правил с 270 по 276 год н. э. Говоря о великолепном "Триумфе" этого императора в 274 году н. э., Гиббон отмечает:

"Триумф Аврелиана был таким долгим и таким разнообразным, что, хотя он открылся с рассветом, медленная величественная процессия вошла на Капитолий не раньше девятого часа; и было уже темно, когда император вернулся во дворец. Праздник затягивался театральными представлениями, играми в цирке, охотой на диких зверей, боями гладиаторов и морскими сражениями. Армии и народу раздавались щедрые пожертвования, а несколько учреждений, приятных или полезных для города, способствовали увековечиванию славы Аврелиана.

"Значительная часть его восточных трофеев была посвящена богам Рима; Капитолий и все остальные храмы сверкали подношениями его показного благочестия; один только храм Солнца получил более пятнадцати тысяч фунтов золота. Последний представлял собой великолепное сооружение, возведенное императором на склоне Квиринальского холма и посвященное вскоре после триумфа божеству, которое Аврелиан почитал как родителя своей жизни и судьбы. Его мать была низшей жрицей в часовне Солнца; особая преданность богу света была чувством, которое удачливый крестьянин проник в младенчестве; и каждый

шаг его возвышения, каждая победа его правления укрепляли суеверие благодарностью".[181]

Говоря о Диоклетиане, правившем с 284 по 305 год, Мильман отмечает:

"Сам Диоклетиан, хотя и оказал такое почтение более древней вере, что принял титул Иовия, как принадлежащий Владыке мира, тем не менее, при вступлении на престол, когда он хотел оправдать себя от всякого участия в убийстве своего предшественника Нумериана, обратился перед лицом армии к всевидящему божеству солнца. Именно оракул Аполлона Милетского, к которому обратился колеблющийся император, должен решить судьбу христианства. Метафорический язык христианства неосознанно придал силы этому новому противнику; и, поклоняясь видимой сфере, некоторые, несомненно, полагали, что они не отходят далеко от поклонения "Солнцу праведности"".

В сноске Милман цитирует:

"Гермоген, один из древних ересиархов, применил текст "Он поставил скинию свою на солнце" к Христу и утверждал, что Христос положил свое тело на солнце".[182]

Доктор Гейки касается этого вопроса и в нескольких словах показывает, как христианство уступило язычеству и его развращающим результатам; он говорит

"Гелиос, солнце, был главным объектом поклонения, и так глубоко укоренилось это идолопоклонство, что первые христианские миссионеры не знали другого способа его искоренить, кроме как заменить его именем Элиаса и превратить храмы в церкви, посвященные ему".[183]

Теперь перед читателем два важных фактора, касающихся союза христианства и государства.

1. В Римской империи все признанные религии находились под контролем гражданского законодательства. Гонения на христиан основывались на идее, что их поклонение было незаконным; или, скорее, что их отказ поклоняться национальным богам в соответствии с законным *культом* был преступлением против государства.
 2. Поклонение солнцу в его высших и низших формах было преобладающим и популярным культом в Риме в третьем и четвертом веках христианской истории. Императоры были приверженцами этого культа. Поэтому было неизбежно, что, когда христианство окрепло настолько, что получило право на признание, а не на преследование, оно должно было быть принято государством и в дальнейшем смешаться с преобладающим поклонением солнцу. В следующей главе будет показано, как это было сделано.
-

ГЛАВА X.

КОНТРОЛЬ ХРИСТИАНСТВА ГОСУДАРСТВОМ ПРИ КОНСТАНТИНЕ И ЕГО ПРЕЕМНИКАХ.

Новая эпоха в язычестве христианства - язычество ищет нового бога, достаточно сильного, чтобы спасти империю - Константин не "христианский император", но суеверный, корыстный и амбициозный - убивает своих сородичей, продвигая христианство как растущее политическое влияние - ищет христианство в основном для достижения амбициозных целей - исповедует христианство только на смертном одре - извлекает выгоду из обоих миров - Константин испортил и извратил христианство больше, чем помог ему.

Начало четвертого века знаменует собой новую эру в процессе, посредством которого язычество отравило христианство, применив к нему языческую теорию, изложенную в последней главе. Хотя христианство, к сожалению, ослабело и испортилось под этим влиянием, оно было растущей силой в империи. С другой стороны, язычество шло на спад, и судьба распадающейся империи, казалось, шла ко дну вместе с национальным религиозным культом. Языческое суеверие рассматривало все удачи империи как прямую работу богов, и когда вокруг империи накапливались несчастья, естественно было думать, что старые боги покидают ее и что нужно искать новых богов. Когда империя разделилась на части под властью разных правителей, соперничество между ними и переменный успех, который сопутствовал усилиям каждого из них, естественно, связывали успехи и неудачи с богами, которым каждый из них был посвящен. Стойкость христиан во время гонений рассматривалась язычниками как доказательство того, что христианский Бог обладает огромной силой, способной помочь тем, кто ему поклоняется. Таким образом, многие были вынуждены задуматься о том, чтобы добавить этого Бога в список тех, кому они уже поклонялись.

Суровые эдикты Диоклетиана против христиан, изданные в 303 году н. э., распространили опустошение далеко и широко. В Галлии, Британии и Испании, где правили Констанций Хлор и Константин, его сын, эдикт исполнялся смирно, они предпочитали благоволить христианам. Ожесточение гонений в других частях империи разжигало ревность христиан, и многие искали мученической смерти не столько из спокойной веры, сколько из фанатичного рвения.^[184] Это жестокое гонение стало последней прямой попыткой язычества уничтожить христианство мечом. Удача, постигшая лидеров гонений, усилила суеверное отношение к Богу мучеников, который, как считалось, был подобен богам язычников, только более могущественным.

Галерий, возглавлявший это ужасное дело, будучи поражен страшной болезнью, был побежден страхом и вместе с Константином и Лицинием приказал прекратить гонения, издав эдикт в 311 году н. э. Этот эдикт гласил, что, поскольку наказание не отменило христиан, они могут теперь проводить свои собрания, если они не нарушают порядок в государстве. Настоящая враждебность эдикта видна в его заключительных словах, в которых Галерий предлагает "после этого проявления благодати христиане должны молиться своему Богу о благополучии императоров и государства". Константин приписал военный успех, который в конце концов сделал его единоличным правителем в 323 году н. э., помощи Бога христиан. Все стороны рассматривали этот вопрос как политическую борьбу между Юпитером и Иеговой, в которой последний одержал победу.

Буассье, позднейший ученый французский писатель, говорит:

"Константин вспоминал, что из всех князей, которых он знал, единственным, кто жил в достатке и без затмений, был его отец Констанций, который защищал христиан; в то время как почти все те, кто преследовал их, закончили свою жизнь плачевно".^[185]

Характер Константина.

Константина называют "первым христианским императором"; насколько это несправедливо, мы увидим из дальнейшего. В определенном смысле христианство возшло на трон Сезаров вместе с Константином. Это был политический триумф, но духовное поражение. Чтобы лучше понять суть дела, читатель должен внимательно изучить характер этого первого представителя языческой государственно-церковной политики и подчинения христианства политической власти. Читателю будет позволено сделать этот обзор в основном глазами других авторов, что, как мне кажется, будет более удовлетворительным, чем любая картина, которую я мог бы нарисовать.

Киллен так резюмирует характер Константина:

"Личное поведение Константина в начале жизни не демонстрировало христианство как религию, способную произвести заметное улучшение духа и характера. В 326 г. н. э. он предал смерти своего сына Криспа, юношу с большими перспективами, который в какой-то мере нарушил его подозрительный нрав. Та же участь постигла его племянника Лициния и его собственную жену Фаусту. Его растущая страсть к вульгарным нарядам выдавала жалкое тщеславие шестидесятилетнего старика, а к концу правления общая расточительность в расходах привела к росту налогов, на которые жаловались подданные. Он хотел быть скорее диктатором Церкви, чем ее учеником, и, желая разделить ее привилегии, не подчиняясь ее дисциплине, отложил свое крещение до близкой смерти. Затем он принял таинство от арианского епископа Никомидии.

"Недостатки религиозного характера Константина значительно ослабили его моральное влияние. Хотя он много сделал для расширения видимой Церкви, его правление составляет эпоху в истории церковной коррупции. Его собственное христианство было настолько свободным и покладистым, что, казалось, заключалось главным образом в восхищении новым ритуалом; а придворные, окружавшие его и одобрявшие его за принятие его вероучения, редко чувствовали, что оно учит необходимости личного исправления. В одночасье исповедание Евангелия стало модным; толпы просто номинальных новообращенных являлись к купели крещения, и многие даже вступали в духовный сан, не имея перед собой более высокой цели, чем почетная или прибыльная должность. Церковная дисциплина была ослаблена, а чтобы склонить язычников к религии императора, многие из их обрядов были введены в церковное богослужение. То, как Константин вмешивался в церковные дела, было крайне предосудительным. Он брался не только проповедовать, но и диктовать престарелым и ученым священнослужителям. Если бы в Никейском синоде появился какой-нибудь другой человек, никогда не принимавший крещения, и осмелился дать совет собравшимся отцам, он был бы немедленно обличен в самонадеянность; но все были так рады видеть среди них великого князя, что не желали оспаривать его вторжение. Иногда он, правда, заявлял, что оставляет духовные дела на усмотрение церковных судов; но его поведение показывало, как мало он соблюдал этот порядок. Он созывал синоды своей властью, принимал личное участие в их обсуждениях, требовал, чтобы их члены являлись к нему и представляли свои дела на его рассмотрение, и налагал на них гражданские взыскания, когда их официальные действия не встречали его одобрения. Если бы Константин

дал Церкви свою санкцию и поддержку и при этом позволил ей выполнять свою благородную миссию в полном объеме, пользуясь правом на самоуправление, он мог бы внести большой вклад в ее безопасное и энергичное развитие; но, узурпировав место ее главного правителя и обрушив всю тяжесть гражданской власти на всех, кто отказывался выполнять его волю, он секуляризовал ее дух, лишил ее свободы и превратил ее божественные рамки в часть политической машины".[186]

Преподобный Э. Эдвин Холл, который в течение многих лет был капелланом американского легата в Риме, Италия, а также капелланом американской церкви во Флоренции, тщательно изучил раннюю историю и современные особенности римского католицизма. В июле 1889 года в "Outlook", ежеквартальном субботнем журнале, была опубликована статья, вышедшая из-под его пера, из которой взято следующее:

"Вскоре после так называемого обращения Константина, когда он стал единственным императором, Церковь вступила в период отступничества от первобытной простоты и чистоты, которыми была отмечена ее ранняя история. Язычники огромными толпами устремились в лоно христианства, принеся с собой старые практики и обычаи и наполнив места христианского поклонения пышностью и украшениями, характерными для поклонения богам в языческих храмах. Эти миллионы необращенных стали христианами лишь номинально, наложив на христианскую церковь отпечаток своего характера вместе с доктринами, обрядами и формами языческой религии. Гиббон, говоря об этих нововведениях, показывает, что: "Были введены обряды и церемонии, которые, казалось, наиболее сильно воздействовали на чувства людей. Если бы в начале V века Тертуллиан или Лактанций были внезапно воскрешены из мертвых, чтобы помочь на празднике какого-нибудь популярного святого или мученика, они бы с изумлением и негодованием смотрели на профанное зрелище, сменившее чистое и духовное поклонение христианской общины. Как только двери церкви распахивались, они должны были оскорбиться дымом благовоний, благоуханием цветов, бликами лампад и светильников, которые в полдень, по их мнению, распространяли вульгарный, ненужный и святотатственный свет. Они видели толпу богомольцев, благочестиво целующих стены и мостовую священного здания, их горячие молитвы, обращенные к костям, крови или пеплу святых, стены, покрытые вотивными подношениями, представляющие собой благодеяния, полученные от святых в ответ на их молитвы, и иллюстрирующие злоупотребление неосмотрительным или идолопоклонническим почитанием образа, атрибутов и чудес святого-покровителя, который имел для их сознания такое же значение, как местное божество в языческой религии. Служители с различными именами в католической церкви подражали профаническому образцу, который они должны были с нетерпением уничтожить. Так религия Константина менее чем за столетие добилась окончательного завоевания Римской империи, но сами победители были незаметно покорены действиями своих побежденных соперников".[187]

"С тех пор богослужение Римско-католической церкви по своим формам и церемониям более четко отождествляется с язычеством Древнего Рима, чем с религией Нового Завета. Обычаи языческой религии лишь крестились христианскими именами. Григорий Великий во второй половине VI века, игнорируя власть Святого Духа и силу Евангелия, предписал монаху Августину, которого он послал обратить идолопоклонников Англии, "не приостанавливать и не отменять языческие праздники и обычаи их поклонения, а сохранить их, довольствуясь заменой имен ложных богов именами святых, которые носили их храмы и мощи которых были в них помещены".[188]

Ф. В. Морис метко описывает христианство времен Константина следующим образом:

"К лоску цивилизации добавился лоск христианства. Император верил, что, когда другие средства не помогали, он все еще мог победить силой Креста. Знак действительно был, но он был начертан на штандартах, а не написан на сердцах тех правителей мира. Они не видели, что он означает; как он истолковывает и венчает все, что было великим в их истории до сих пор; как он отделяет истинно великих от истинно малых; как он освящает все те чувства послушания, долга, благоговения перед невидимым законом, самоотверженности, , благодаря которым город поднялся из ничего; Как она презирала господство, если только оно не было инструментом, с помощью которого высшие могли служить низшим, славу, если только она не вырастала из унижения и не была возвышением человека над самим собой. Цивилизованный римлянин-христианин потерял сердце, благоговение, веру, которые принадлежали его грубым предкам-язычникам; чтобы христианство и цивилизация могли победить, жалкие покровители обоих были сметены".[189]

Говоря об эффекте, который произвело отношение Константина к христианству как к восходящему влиянию в народе, Меривейл отмечает:

"Мы можем предположить, что благосклонность, неожиданно оказанная новой вере императорским правительством, неизбежно привела бы к изменению пропорций двух убеждений, или, скорее, двух партий, которые теперь разделяли римский мир. Как бы ни был силен пример правителей в таких вопросах, он никогда, возможно, не был бы более сильным, чем в тот момент, когда язычество, развращенное и изнеженное, потеряло весь дух настоящей веры, и когда, как мы увидим, христианство было слишком готово принять приглашения к легкому компромиссу, который вскоре начали предлагать ему его соперники. Тем не менее, прогресс Церкви Христовой был действительно более медленным и менее полным, чем можно было ожидать. Как мы уже видели, следует сделать некоторую поправку на дух злобы и уязвленную гордость столь глубоко предвзятого в вопросах чувств класса, как магнаты римского общества. Но язычество, следует добавить, на последнем вздохе развило новый принцип жизнеспособности и приготовилось к отчаянному конфликту по всей своей линии".[190]

Относительно свержения язычества уже во времена Грациана, 375-383 гг. н. э., Меривейл говорит следующее:

"Кажется очевидным, что, как и следовало ожидать, самые ранние эдикты о конфискации храмовых даров при Грациане, большие и суровые, какими они выглядят в кодексах или сводах законов, практически не имели эффекта. Если многие храмы действительно были закрыты, во что мы охотно верим, хотя, конечно, далеко не все и не все, мы должны предположить, что владыки, владевшие их имуществом, сумели сохранить возможность пользоваться средствами, в то время как они, возможно, невольно, освободили себя от услуг, на которые эти средства были изначально выделены. Феодосий обнаружил, что языческое жречество лишилось своих богатств только по имени, и, как бы искренне он ни исповедовал христианство, он долго воздерживался, как из соображений политики, так и милосердия, от утверждения полного авторитета предыдущих постановлений".[191]

Алзог, современный историк Римско-католической церкви, хотя и прилагает все усилия, чтобы представить Константина как первого христианского императора и "святого" Римско-католической церкви, вынужден сказать:

"Закон, который, как говорят, был издан Константином в 335 году н.э., запрещающий все языческие жертвоприношения, имеет сомнительную подлинность, а если и подлинный, то очень малозначительный, поскольку, как и многие другие подобные законы, он никогда не исполнялся. Исполнение таких законов встречало решительное сопротивление во многих

местах, особенно в Риме. Константин, хотя и исповедовал себя христианином, вел практически тот же образ жизни, что и язычник, и даже запятнал свою репутацию совершением убийств.

"Лициний был казнен в 324 году н.э., а Лициниан, его сын, который, судя по всему, вызывал опасения Константина, вскоре после этого повторил судьбу своего отца. Константин также приказал задержать Криспа, своего сына от первой жены Минервины, в разгар торжественного праздника и сослал его на берег Истрии, где он погиб безвестной смертью. Узнав впоследствии, как предполагается, что Фауста, его вторая жена, дочь Максимиана Геркулея, была причастна к смерти его храброго и прославленного сына Криспа, он приказал задушить ее в ванне с теплой водой, нагретой до невыносимой температуры. Возможно, эти убийства, в которых столь заметную роль сыграла коварная политика Фаусты, побудили Константина отложить вступление в Церковь и крещение до самой смерти. Кроме того, он находился под влиянием господствующих предрассудков относительно таинства крещения, а также желал креститься в реке Иордан, чего, однако, "Бог не допустил".[192]

Доктор Шафф описывает отношение Константина к христианству следующим образом:

"Константин принял христианство сначала как суеверие и поставил его рядом со своими языческими суевериями, пока конце концов, по его убеждению, христианство не победило язычество, хотя и не развилось в чистую и просвещенную веру.

"Сначала Константин, как и его отец, в духе неоплатонического синкретизма умирающего язычества, почитал всех богов как таинственные силы; особенно Аполлона, бога солнца, которому в 308 году он преподнес щедрые дары. Но уже в 321 году он предписал регулярно обращаться к прорицателям в случае общественных несчастий, согласно древнему языческому обычаю; еще позже он поставил свою новую резиденцию, Византию, под защиту бога мучеников и языческой богини Фортуны; и до конца своей жизни он сохранил титул и достоинство *Pontifex Maximus*, или первосвященника языческой иерархии. На его монетах с одной стороны были изображены буквы имени Христа, с другой - фигура Бога-Солнца и надпись "*Sol invictus*". Конечно, эти несоответствия можно отнести и к политике, и к приспособлению к эдикту о веротерпимости в 313 году. Нетрудно также привести параллели с людьми, которые при переходе из иудаизма в христианство или из романизма в протестантизм так колебались между своей старой и новой позицией, что на них могли претендовать и те, и другие. С каждой победой над своими языческими соперниками, Галерием, Максенцием и Лицинием, его личная склонность к христианству и уверенность в магической силе крестного знамения возрастали; однако он не отрекался официально от язычества и не принимал крещения, пока в 337 году не лег на одр смерти.....

"Он был далеко не так чист и почителен, как Евсевий, ослепленный его благосклонностью к Церкви, изображает его в своей напыщенной и почти бесчестной панегирической биографии, с явным намерением поставить его в пример всем будущим христианским князьям. С сожалением приходится признать, что его прогресс в познании христианства не был прогрессом в практике его добродетелей. Его любовь к показухе и расточительность, подозрительность и деспотизм росли вместе с его властью.

"Самый яркий период его правления запятнан грубыми преступлениями, которые не может оправдать даже дух эпохи и политика абсолютного монарха. Достигнув кровавым путем войны цели своих амбиций - единоличного владения империей, да, в тот самый год, когда он созвал великий собор в Никее, он приказал казнить своего побежденного соперника и шурина Лициния, нарушив торжественное обещание пощады (324). Не удовлетворившись этим, он вскоре после этого, по политическим подозрениям, вызвал смерть юного Лициния,

своего племянника, мальчика, которому едва исполнилось одиннадцать лет. Но хуже всего убийство его старшего сына, Криспа, в 326 году, который был заподозрен в политическом заговоре, а также в прелюбодеянии и кровосмешении со своей мачехой, Фаустой, но в целом считается невиновным.....

"В любом случае, христианство не произвело в Константине глубокого нравственного преобразования. Он больше заботился о внешнем социальном положении христианской религии, чем о ее внутренней миссии. Его поочередно хвалили и порицали христиане и язычники, ортодоксы и ариане, сменяя друг друга, когда испытывали его благосклонность или неприязнь. Он имеет некоторое сходство с Петром Великим как в своих публичных деяниях, так и в личном характере, сочетая великие добродетели и заслуги с чудовищными преступлениями, и умер он, вероятно, с тем же утешением, что и Петр, чьими последними словами были: "Я верю, что за то добро, которое я старался сделать своему народу (Церкви), Бог простит мои грехи". Характерно для его благочестия, что он превратил священные гвозди креста Спасителя, привезенные Еленой из Иерусалима, один в удила своего боевого коня, другой - в украшение своего шлема. Не обладая решительным, чистым и последовательным характером, он стоит на линии перехода между двумя эпохами и двумя религиями, и его жизнь несет на себе явные следы обеих. Когда, наконец, на смертном одре он принял крещение, он сказал: "Теперь отбросим всякую *двойственность*", он честно признал конфликт двух антагонистических принципов, которые определяли его личный характер и общественную жизнь".[193]

После такого количества свидетельств, которые можно было бы распространить гораздо дальше, если бы позволило место, кажется излишним говорить больше, чем это: личный характер и политическая позиция Константина не позволяют считать его "христианским императором". Он принял и использовал языческое христианство своего времени в личных целях, а не из-за истинного благочестия. Политическая помощь, которую он оказывал христианству, многократно компенсировалась разрушением его лучших духовных интересов. Если судить с точки зрения Библии и исторических фактов, Константин был развратителем христианства, а не его защитником.

ГЛАВА XI. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КОНСТАНТИНА В ОТНОШЕНИИ ЯЗЫЧЕСКОГО ВОСКРЕСЕНЬЯ.

Все его толерантное законодательство по сути своей языческое - христиане не искали законов о воскресеньях - первый закон о воскресеньях 321 года н. э., языческий во всех отношениях - по сути своей идентичный существующим законам о других днях - законодательство против языческих религий слабое и неисполнимое - Константин не был "христианским князем".

Представительное законодательство Константина, касающееся христианства, было языческим как по своей сути, так и по форме. Различные эдикты в пользу христиан не содержали практически ничего от истинной свободы совести. Это были шаги, с помощью которых христианство, уже языческое, было признано и постепенно возведено на

главенствующее место среди законных религий. Это соответствовало господствующему синкретизму и политике, которую Рим всегда проводил по отношению к иностранным религиям. С другой стороны, император, все еще действуя как *Pontifex Maximus*, задолго до крещения в общении с Церковью, стал ее диктатором. Он созвал знаменитый Собор в Ницце (325 г. н. э.) и управлял им, в то время как его руки были красны от крови его сородичей, которых он убивал, чтобы они не встали между ним и его стремлением стать единственным императором.

Решения Ницкого собора положили начало векам, в течение которых императорское право определяло, что называть христианством, что ортодоксальным, а что гетеродоксальным. Библия не была стандартом веры или практики. Предания, императорские указы, решения соборов, созданных и продиктованных императорской властью, определяли практику Церкви и формулировали ее веру. Далее это будет показано более подробно. Пока же мы сделаем паузу, чтобы рассмотреть характер одного из самых ранних законов Константина, который оказал неизгладимое влияние на всю христианскую историю, - его "Воскресный эдикт" 321 года н. э. Это тем более важно сделать, что вопрос о воскресных законах и их исполнении сейчас стоит на первом плане, и читателю важно понять, из какого источника возникло воскресное законодательство. Эдикт Константина - это начало воскресного законодательства, и несложно определить влияние, которое привело к его появлению. Нет никаких свидетельств того, что христиане стремились или желали принятия такого закона. Они составляли лишь небольшую часть населения империи, и в той мере, в какой сохранялись принципы новозаветного христианства, они запрещали любое подобное законодательство.

Право назначать святые дни принадлежало императору. Его голос был верховным во всех подобных вопросах. Хотя история тщательно изучена, нет никаких следов того, что какой-либо человек, какое-либо событие, какой-либо обычай, который представлял христиан или в котором они были заинтересованы, оказал влияние на Константина, чтобы побудить его принять закон о воскресном дне. Есть все основания полагать, что он действовал в своем качестве *Понтифика Максима*, и какие бы соображения ни лежали в основе его решимости обнародовать эдикт, они не могли быть христианскими. С другой стороны, существовало множество причин, по которым он должен был начать законодательство в пользу воскресенья. Это был день Аполлона. Аполлон был божеством-покровителем Константина. Он был прекрасным богом Солнца, и Константин гордился своей личной красотой, из-за которой его обожающие придворные привыкли уподоблять его Аполлону. Культ поклонения солнцу был популярен уже долгое время. Любая благосклонность к нему укрепляла его влияние на "первые семьи" империи. Императоры проводили постоянную политику, чтобы преодолеть недовольство масс, страдающих от растущих налогов и бремени, путем увеличения праздников, игр и развлечений. Возвеличить день Солнца в такое время было политическим ходом, полностью соответствующим всеобщей практике Константина. Общий характер этого человека, его личная преданность богу Солнца и окружающие требования дают все необходимые основания для законодательного акта, который, как мы увидим, был языческим от центра до периферии. Этот знаменитый эдикт гласит следующее:

"Пусть все судьи, и все горожане, и все торговцы отдыхают в достопамятный день Солнца. А те, кто живет за городом, пусть свободно и беспрепятственно занимаются возделыванием своих полей; ведь часто случается, что ни один другой день не подходит для посева зерна или посадки винограда; поэтому нельзя упускать благоприятное время, чтобы не лишиться провизии небес".^[194]

Он был издан седьмого марта 321 года н.э. В июне того же года он был изменен таким образом, чтобы разрешить освобождение рабов в воскресенье. Читатель заметит, что в этом эдикте нет никаких ссылок на этот день как на субботу, как на день Господень или как на день, каким-либо образом связанный с христианством. Это также не эдикт, адресованный христианам. В нем нет и мысли о каком-либо моральном обязательстве или христианском долге. Это просто указ языческого императора, адресованный всем его подданным, христианам и язычникам, живущим в городах, торговцам или служителям правосудия, повелевающий им воздерживаться от своих дел в "*почтенный день*" бога, которого Константин больше всего обожал и с которым в своей гордыне любил сравнивать. Есть несколько четких аргументов, доказывающих, что этот эдикт был языческим, а не христианским документом.

На следующий день Константин издал эдикт, касающийся обращения к языческим прорицателям в случае общественных несчастий, который, как и воскресный эдикт, является настолько чисто языческим, что никакой "христианский император" не мог бы его придумать или издать. Он гласит следующее:

Эдикт об аурспиках.

"Августейший император Константин Максиму:

"Если в какую-либо часть дворца или других общественных сооружений ударит молния, пусть прорицатели, следуя старым обычаям, выяснят значение предзнаменования, и пусть их письменные слова, очень тщательно собранные, будут доведены до нашего сведения; а также пусть свобода использования этого обычая будет предоставлена другим, при условии, что они воздержатся от частных жертвоприношений, которые специально запрещены".

"Кроме того, то заявление и объяснение, написанное по поводу поражения амфитеатра молнией, о котором ты писал Гераклиану, трибуну и начальнику канцелярий, ты можешь знать, что оно доведено до нашего сведения.

"Датируется 16-м числом, перед январскими календами, в Сердике (320), а также 8-м числом, перед мартовскими идами, в консульство Криспа II. и Константина III., кесаря Косса (321). (321)."[195]

Существует множество доказательств, помимо вышеперечисленных, что воскресный закон был продуктом язычества.

Используемый язык говорит об этом дне только как о "*достопочтенном дне солнца*", что является чисто языческим названием. Нет даже намека на какую-либо связь этого дня с христианством или практикой христиан.

Подобные законы касались и многих других языческих праздников. Джозеф Бингем, говоря о рассматриваемом эдикте, приводит следующее свидетельство:

"Это было такое же уважение, какое старые римские законы оказывали своим *feriæ*, или праздникам, во времена идолопоклонства и суеверия.... И вот, как старые римские законы освобождали праздники язычников от всех судебных дел и приостанавливали все процессы и состязания, за исключением вышеупомянутых случаев, так и Константин приказал, чтобы такое же уважение было оказано дню Господню, чтобы он был днем полного отдыха от всех судебных процессов, и состязаний, и дел закона, за исключением случаев, когда какое-либо

дело большой необходимости или благотворительности требовало судебного процесса и публичной сделки".[196]

Бингем правильно утверждает, что подобные запреты были сделаны римскими законами в пользу языческих праздников, но добавляет, ошибочно, что Константин сделал то же самое в пользу "дня Господня". В эдикте упоминается не Господень день, а "*достопочтенный день Солнца*"; и невозможно предположить, что закон, изданный *христианским* князем в пользу *христианского* института, не должен каким-либо образом упоминать этот институт или намекать на то, что закон был призван распространяться на него.

Миллман подтверждает эту мысль следующим образом:

"Ранние законы Константина, хотя по своему действию и благоприятствовали христианству, претендовали на некоторое почтение, так сказать, к древней религии, в двусмысленности их языка и осторожных выражениях, в которых они вмешивались в язычество. В рескрипте, предписывающем празднование христианской субботы, нет ни малейшего намека на ее особую святость как христианского установления. Это день солнца, который должен соблюдаться с общим почитанием: суды должны были быть закрыты, а шум и суматоха общественных дел и судебных тяжб больше не должны были нарушать покой священного дня. Но верующий в новое язычество, характерной чертой которого было поклонение солнцу, мог без колебаний согласиться со святостью первого дня недели.....

"Действительно, рескрипт о религиозном соблюдении воскресенья, предписывавший приостановить все общественные дела и частный труд, кроме сельскохозяйственного, был принят, согласно очевидным условиям декрета, для всей Римской империи. Однако, если бы у нас не было прямых доказательств того, что в указе излагалась христианская причина святости этого дня, можно усомниться в том, что этот акт не был бы воспринят большей частью империи как простое *добавление еще одного праздника к фастам* империи, как исходящий исключительно из воли императора или даже основанный на его власти как верховного понтифика, в силу которой он обладал полномочиями назначать святые дни. На самом деле, как мы уже отмечали, день солнца охотно почитался почти всем языческим миром, особенно той его частью, которая допускала какую-либо склонность к восточной теологии".[197]

Миллман намекает на некое "прямое доказательство". Их нет; отсюда правильность его вывода, что люди смотрели на новый праздник "просто как на добавление еще одного фестиваля к *фастам* империи". Он был не только нехристианским, но и совершенно нехристианским.

Еще более убедительным является свидетельство английского барристера Эдварда В. Нила. Вот его слова:

"То, что деление дней на *juridici et feriat*, судебные и несудебные, возникло не из образа мыслей, свойственного христианскому миру, должно быть известно каждому классическому ученому. До эпохи Августа количество дней, в которые из почтения к богам, которым они были посвящены, в Риме не могли проводиться судебные процессы, стало ресурсом, на котором богатый преступник мог спекулировать, чтобы избежать правосудия; и Суетоний перечисляет среди похвальных деяний этого императора отсечение тридцати дней, чтобы преступления не оставались безнаказанными и не мешали бизнесу".[198]

Перечислив некоторые виды бизнеса, которые были разрешены этими общими законами, мистер Нил добавляет: "Таково было состояние законов отношении судопроизводства, пока

империя была еще языческой". Что касается приостановления трудовой деятельности, то от того же автора мы узнаем следующее:

"Практика воздержания от различных видов труда в дни, освященные религиозным праздником, как и практика приостановки в такие времена судебных разбирательств, была знакома римскому миру еще до внедрения христианских идей. Вергилий перечисляет сельские работы, которые можно было выполнять в праздничные дни, не наступая на запреты религии и права; из этого перечисления видно, что многие работы считались запрещенными. Таким образом, оказывается, что разрешалось прочищать каналы старого водотока, но не прокладывать новый; мыть стадо или отару, если такое мытье было необходимо для их здоровья, но не иначе; охранять урожай от вреда, расставляя силки для птиц или огораживая зерно; и сжигать непродуктивные колючки".[199]

Сэр Генри Спелман, признанный авторитет, рассуждая о происхождении практики английских судов, говорит, что все древние народы запрещали судебные разбирательства в священные дни. Его слова таковы:

"Короче говоря, в те давние времена было настолько принято освобождать время отправления религии от всех мирских дел, что варварские народы, даже наши *англы*, когда они еще были в Германии, сами сувийцы и другие в тех северных краях, ни в коем случае не нарушали и не прерывали этого. Тацит говорит о них, что в это время священных обрядов, *non bellum ineunt, non arma sumunt. Clausum omne ferrum. Pax et quies tunc tantum nota, tunc tantum amat*".

Говоря о происхождении английских "судебных терминов", Спелман заявляет:

"Поэтому я буду искать истоки наших терминов только у римлян, как это делают и должны делать все другие народы, подчинявшиеся их гражданскому и церковному монарху".

"Древние римляне, когда они еще были язычниками, не использовали, как мы в наши дни, определенные непрерывные части года для юридического решения споров, но из суеверного представления, что некоторые дни были зловещими и более неудачными, чем другие (по примеру египтян), они делали один день *fastus* или *term day*, а другой (как египетский день) - *vacation* или *nefastus*; редко два постных дня или дня закона вместе; да, они иногда разделяли один и тот же день таким образом:

"Qui modo fastus erat, mune nefastus erat".

Днем был срок, утром - святой день".

"Не все их *фасты* применялись к судопроизводству, но некоторые из них - к другим заседаниям и консультациям содружества; так что, будучи разделены на три рода, которые они называли *fastos proprie*, *fastos endotercisos* и *fastos comitiales*, содержащие вместе сто восемьдесят четыре дня по всем месяцам года, не оставалось должным праэтору, как судебные или тривербальные дни, более двадцати восьми".[200]

Больше ничего не нужно, чтобы показать, что воскресный эдикт был продуктом языческого культа, так же верно, как и тот, что был издан в связи с ним, относительно Аруспиков. Между этими двумя эдиктами существует очевидная связь. Аполлон был божеством-покровителем прорицателей, а также Константина. По крайней мере девятью годами позже Константин поставил свою новую резиденцию в Византии под защиту языческой богини Фортуны; он так

и не отказался от титула первосвященника языческой религии; он официально принял христианство только шестнадцать лет спустя.

Все, что он делал в пользу христианства, и все его претензии на обращение в христианство были скорее следствием проницательной политики, чем обращенного сердца. И когда консервативный историк может сказать о нем: "Самый яркий период его правления запятнан преступлениями, которые не может оправдать даже дух эпохи и политика абсолютного монарха", его нельзя назвать *христианским* принцем.

Если он и издал какие-то общие законы против язычества, то они мало исполнялись; ведь оно было подавлено в империи только в 390 году н. э. - через семьдесят девять лет после его воскресного эдикта и через пятьдесят три года после его смерти. Те немногие злоупотребления, против которых он издал закон, были осуждены ранее законами языческих правителей, которые предшествовали ему, например, неясные полуночные оргии и т. д. Миллман говорит по этому поводу:

"Если трудно определить степень, до которой Константин продвинулся в утверждении христианства, то еще более трудно оценить, насколько он использовал императорскую власть для отмены язычества..... Языческие писатели, которые не скупятся на обвинения в адрес памяти Константина и с горьким негодованием останавливаются на всех его явных актах враждебности к древней религии, не обвиняют его в этих прямых посягательствах на язычество. Ни Юлиан, ни Зосима не ставят ему это в вину. Либаний однозначно утверждает, что храмы оставались открытыми и нетронутыми во время его правления, а язычество оставалось неизменным. Хотя Константин выдвинул многих христиан на ответственные посты, и, несомненно, многие, кто стремился к таким постам, приняли религию императора, вероятно, большинство высоких государственных должностей занимали язычники..... В Капитолии можно не сомневаться, что жертвоприношения от имени сената и народа Рима совершались до гораздо более позднего периода."[\[201\]](#)

Весь этот вопрос лаконично изложен поздним английским писателем, который, говоря о времени принятия воскресного эдикта, заявляет:

"В более поздний период, увлекшись течением мнений, он объявил себя обращенным в церковь. Тогда христианство, или то, что ему было угодно называть этим именем, стало законом страны, и эдикт 321 года н.э., не отмененный, был приведен в исполнение как христианский ордонанс".[\[202\]](#)

Следующие слова ученого Нибура в его лекциях по римской истории говорят о том же:

"Многие судят о Константине по слишком суровым меркам, потому что считают его христианином; но я не могу смотреть на него в таком свете. Религия, которая была у него в голове, должно быть, действительно представляла собой странную мешанину..... Он был суеверным человеком и смешивал свою христианскую религию со всеми видами абсурдных и суеверных мнений. Когда некоторые восточные писатели называют его равным апостолам, они не знают, что говорят, и говорить о нем как о святом - это профанация слова".[\[203\]](#)

Любопытный и малоизвестный факт, что рынки были специально назначены Константином для проведения в воскресенье. Об этом мы узнаем из надписи на перестроенной им славонской бане, опубликованной в книге Грутера "Inscriptiones Antiquæ Totius Orbis Romani", clxiv., 2. Там говорится об императоре, что "*provisione pietatis suæ nundinas dies solis perpeti anno constituit*"; "благочестивым положением он назначил, чтобы рынки проводились

в воскресенье в течение всего года". Его благочестивая цель, несомненно, состояла в том, чтобы способствовать посещению сельскими жителями церквей в городах. "Таким образом, - говорит Чарльз Джулиус Хейр, - Константин был автором практики проведения рынков в воскресенье, которая во многих частях Европы преобладала более тысячи лет после него, хотя Карл Великий издал специальный закон (сар. cxl.) против нее".[204] В "Шотландии эта практика была впервые запрещена в святые дни законом Якова IV. в 1503 году, а по воскресеньям, в частности, законом Якова VI. в 1579 году".[205]

ГЛАВА XII. ДРУГИЕ ФОРМЫ ЯЗЫЧЕСКОГО ОСТАТКА В ХРИСТИАНСТВЕ.

Низкий уровень религиозной жизни - вера в реликвии - крест как древний языческий (фаллический) символ - "талисман", заимствованный из язычества - использование Константином составного символа в качестве военного штандарта - распространенность веры в "талисманы" - крестное знамение при крещении - крещение и святая вода как "талисманы" - потрясающие чудеса, подобные языческим, через крещение - отсроченное крещение - ориентация при крещении и т. д.

Те, кто изучал язычество в том виде, в каком оно проявилось в христианстве во время и после третьего века, знают, что помимо тех фундаментальных заблуждений, которые обсуждались на предыдущих страницах, в нем было много других форм. Некоторые из них привлекают больше внимания, чем фундаментальные, поскольку они лежат на поверхности истории. Мы рассмотрим некоторые из них, чтобы читатель мог более полно представить себе эту область.

Низкий стандарт христианской жизни.

То, что стандарт индивидуального характера в Церкви был намного ниже новозаветного, и намного ниже того, что было бы принято в наши дни, видно из истории нравов и общественной жизни, а также во многом из истории Церкви.

Дегенеративный характер своего времени Златоуст описывает следующим образом:

"Чума, кишащая неисчислимыми бедствиями, охватила и Церкви. Главные должности стали продаваться. Отсюда проистекают бесчисленные беды, и некому их исправить, некому их обличить. А беспорядок приобрел некую методичность и последовательность. Совершил ли человек зло и был ли он за это привлечен к ответственности? Он старается не доказать свою невиновность, а найти, по возможности, соучастников своих преступлений. Что же будет с нами? Ведь ад - это наш удел. Поверьте мне, если бы Бог не хранил там наказание для нас, мы бы каждый день видели трагедии, более глубокие, чем бедствия евреев. Что же тогда? Однако пусть никто не обижается, ибо я не называю имен; предположим, что кто-нибудь придет в эту церковь, чтобы представить вас, находящихся здесь в данный момент, тех, кто сейчас со мной, и допросить их; или, скорее, не сейчас, но предположим, что в день Пасхи кто-нибудь, наделенный таким духом, чтобы иметь такое глубокое знание о том, что они делали, должен тщательно исследовать всех, кто приходит к причастию и омывается [в крещении] после участия в таинствах; обнаружится много вещей, более шокирующих, чем

иудейские ужасы. Он нашел бы людей, занимающихся предсказаниями, использующих чары, знамения и заклинания, совершающих блуд, прелюбодеев, пьяниц и распутников, - я не хочу говорить об этом, чтобы не задеть чувства кого-либо из тех, кто здесь стоит. Что еще? Предположим, что кто-нибудь проведет тщательную проверку всех прихожан в мире, и какой проступок он не обнаружит? А если бы он проверил тех, кто облечен властью? Не обнаружит ли он, что они жаждут наживы, занимают высокие посты, завистливы, злобны, тщеславны, чревоугодны и рабы денег?"[206]

Подобное яркое описание, под образом горящего здания, представляющее Церковь как поглощенную злом, можно найти в гомилии 10, "О Ефесеях". Еще одно описание влияния язычества на тех, кто исповедует себя христианами, резко изложено в трактате, приписываемом Киприану, о "публичных зрелищах".[207] Он сказал:

"Верующие и люди, претендующие на авторитет христианского имени, не стыдятся - повторяю, не стыдятся - находить в небесных Писаниях защиту для суетных суеверий, связанных с публичными выставками язычников, и таким образом приписывать божественную власть идолопоклонству. Ибо как так получается, что к тому, что язычники делают в честь какого-либо идола, прибегают на публичных зрелищах верные христиане, и языческое идолопоклонство поддерживается, а истинная и божественная религия попирается в презрении к Богу? Стыд обязывает меня перечислить их предлоги и защиты в этом вопросе. "Где, - говорят они, - есть такие Писания? Где запрещены эти вещи? Напротив, и Илия, возница Израиля, и сам Давид танцевали перед ковчегом. Мы читаем о гуслях, рогах, трубах, барабанах, трубах, арфах и хоровых танцах. Более того, апостол в своей борьбе ставит перед нами состязание с кесарем и нашу борьбу с духовными предметами зла. И снова, заимствуя свои иллюстрации с ипподрома, он предлагает приз в виде короны. Почему же верующий христианин не может взирать на то, о чем может написать божественное перо? На этом месте я мог бы не без основания сказать, что для них было бы гораздо лучше вообще не знать никаких писаний, чем таким образом читать писания [Писания]. Ибо слова и иллюстрации, записанные для увещевания к евангельской добродетели, превращаются ими в призывы к пороку; потому что о тех вещах пишут не для того, чтобы на них смотрели, а чтобы возбудить в наших умах большее рвение к тому, что принесет нам пользу, видя, что среди язычников проявляется такое рвение к тому, что не принесет никакой пользы".

О том, что с годами это зло усиливалось, свидетельствуют слова Августина, когда он заявляет:

"Соответственно, вам придется наблюдать множество пьяниц, любостяжателей, обманщиков, игроманов, прелюбодеев, блудников, людей, которые накладывают на себя священные чары, а также тех, кто предается колдовству и астрологии, и прорицателей, практикующих все виды нечестивых искусств. Вы также должны будете наблюдать, как те самые толпы, которые заполняют театры в праздничные дни язычников, также заполняют церкви в праздничные дни христиан. И когда вы увидите эти вещи, у вас возникнет искушение подражать им. Да и зачем мне употреблять это выражение, *вы же видите*, по отношению к тому, с чем вы, несомненно, уже знакомы. Ведь вы не забыли о том, что многие, называющиеся христианами, занимаются всеми этими дурными делами, о которых я вкратце рассказал. Вы также не знаете, что иногда люди, которые, как вы знаете, носят имя христиан, виновны в еще более тяжких преступлениях, чем эти".[208]

Такая деградация христианской жизни была неизбежным плодом различных языческих влияний, которые подменили ложные стандарты членства в Церкви и действий истинными, изложенными в Писании.

Вера в "реликвии".

Вера в "реликвии" - тела, кости, одежду, места и т. д., сохраняющие добродетели людей, с которыми они были связаны, - была характерной чертой язычества с самых ранних времен. Язычество принесло этот элемент в христианство, где он пустил корни и расцвел, как быстрорастущий, вредоносный сорняк. Вся система поклонения мощам, вплоть до "Святого плаща в Тревезе" в 1891 году, - это прямой урожай с языческих посевов. Считалось, что реликвии являются мощными проводниками добра, оказывая прямое влияние и действуя как талисманы, отгоняющие всевозможные беды. Приведем пример одного из ранних церковных историков, Созомена, который со всей трезвостью несомненного факта сообщает следующее:

"Пока Церковь повсюду находилась под властью этих выдающихся людей, духовенство и народ были возбуждены к подражанию их добродетели и усердию. Церковь этой эпохи также не отличалась только этими выдающимися примерами благочестия; примерно в это время были открыты мощи протопрофетов Аввакума и немного погодя Михея. Как я понимаю, Бог открыл место, где были положены оба эти тела, божественным видением во сне Зебенну, который в то время исполнял обязанности епископа Елевферопольской церкви. Мощи Аввакума были найдены в городе Села, который раньше назывался Сеила. Гробница Михея была обнаружена на расстоянии десяти стадий от Келы, в месте под названием Бератсатия. Жители страны по незнанию называли эту гробницу "гробницей верных", или, на их родном языке, Нефсамеамана. Этих событий, произошедших во времена правления Феодосия, было достаточно для доброй славы христианской религии".[209]

Тот же автор сообщает об обнаружении мощей пророка Захарии. Крепостному Калемеру во сне было приказано копать землю в определенном месте сада, и его заверили, что он найдет два гроба, внутренний из дерева, а второй из свинца; "рядом с гробами ты увидишь стеклянный сосуд, полный воды, и двух змей средней величины, но прирученных и совершенно неядовитых, так что они, кажется, привыкли к тому, что с ними обращаются". Калемерус последовал указаниям и обнаружил тело Захарии, "облаченное в белую одежду", с царственным ребенком, лежащим у его ног; и "хотя пророк пролежал под землей столько поколений, он выглядел здоровым; волосы его были аккуратно подстрижены, нос прямой, борода умеренного роста, голова довольно короткая, глаза довольно впалые и скрыты бровями".[210] В похожем стиле[211] Созомен рассказывает о том, как в пригороде Константинополя была найдена голова Иоанна Крестителя. То, что такие нелепые мифы могли быть записаны как часть подлинной церковной истории, показывает, насколько сильно языческие ложные измышления развратили лучшие течения христианской жизни.

Крест, его знак и другие талисманы.

Немногие читатели понимают, что крест был языческого происхождения и являлся религиозным символом самого низкого порядка, и что он не был принят в качестве символа христианства до тех пор, пока Церковь не была полностью языческой. Его происхождение лежит в тени доисторического периода. Он был религиозным символом в азиатском, египетском, греческом, римском, друидическом, и центральноамериканском язычестве. Он зародился в низшем отделе *культы* поклонения солнцу. Иштар, ассирийская Венера, изображалась держащей посох, верхний конец которого был в форме латинского креста. Поклонение Иштар было одной из самых мрачных черт вавилонской религии. Оно сопровождалось развратными обрядами, которые невозможно перечислить. Оно развращало евреев со всех сторон. Мы видим, что вместе с другими формами поклонения солнцу оно загрязняло сам храм и резко осуждалось пророком Иеговой.[212]

Таммуз был молодым и прекрасным богом солнца, женихом Иштар, которая носила скипетр с крестообразным венцом; и оплакивание его было связано с грубой непристойностью.

Другая форма этого же поклонения осуждается Иеремией, и он говорит следующее:

"Не видишь ли ты, что делают они в городах Иудейских и на улицах Иерусалима? Дети собирают дрова, отцы разжигают огонь, а женщины месят тесто, чтобы делать лепешки царице небесной и возливать питье другим богам, чтобы возбудить во мне гнев".[\[213\]](#)

Есть свидетельства, что эти лепешки были отмечены одной из форм креста - греческим *tau* (Т). В более поздние времена греки приносили в жертву Вакху пироги, помеченные таким образом, в связи с самыми мерзкими оргиями. Их образцы найдены в Геркулануме. Похожие были найдены в катакомбах. Горячий крест-булочка - прямой потомок *tau* (Т) - лепешек с надписью "*Tau*" из непристойного *культа* поклонения солнцу. Его ассоциация с пятницей - днем Иштар, Венеры, Фреги - является пережитком язычества, хотя более поздние попытки христианизации связали его со "Страстной пятницей".

Крест появляется в ассирийской истории, его носил в качестве религиозной эмблемы царь-жрец Самси-Вул, сын Шаламанезара, а также Ассур-Назир-Пал. Эти образцы можно увидеть в Британском музее. Это греческий крест, идентичный "наперсному кресту", который носят папы римские и который можно увидеть на алтарных покровах в наши дни. Приоритет владения составляет несколько тысяч лет в пользу ассирийцев. Кресты того же стиля можно найти в этрусском отделе Ватиканского музея в Риме. Они находятся на груди некоторых крупных этруских мужских фигур и взяты из настенных украшений в древних этруских захоронениях. Подобные "нагрудные" кресты можно увидеть и в Британском музее на двух фигурах из Фив, в Египетском зале. Они датируются примерно 1100 годом до н. э. и изображают людей из Азии, приносящих дань. В книге Уилкинсона "Древний Египет" тот же крест можно увидеть на груди двух воинов.

Есть фигура юноши Вакха, взятая с древней вазы, с которой знакомы антиквары, держащего чашу и ветку фенхеля - фигура большой красоты. Головной убор - лента с крестами, как у Гора. Часть ленты спадает с головы, а ее бахрома и одиночный крест, если их удлинить, образуют современный "палантин".

Крест также встречается на греческой керамике, датируемой 700-500 гг. до н. э. Он появляется на реликвиях латинского народа того же периода. Он использовался в качестве символа в буддизме в Индии задолго до времен Христа. Он также встречается в Тибете, Скандинавии и других частях Северной Европы.

О том, что крест был широко известен и использовался до христианской эры, свидетельствует восхитительная статья в "Эдинбургском обозрении" за октябрь 1870 года, посвященная дохристианскому кресту. Автор статьи утверждает, что собрал около двухсот разновидностей креста в его языческой форме. Он говорит об этом следующим образом:

"От зари организованного язычества в восточном мире до окончательного утверждения христианства в западном, крест, несомненно, был самым распространенным и самым священным из символических памятников, и в поразительной степени он остается таковым почти во всех странах, где Голгофа не признана или неизвестна. Независимо от каких-либо различий социального или интеллектуального превосходства касты, цвета кожи, национальности или местоположения в обоих полушариях он, похоже, был исконным владением каждого народа древности - так сказать, эластичным поясом, который охватывал

самые широко разделенные языческие сообщества, самым значительным знаком всеобщего братства, главной точкой соприкосновения в каждой системе языческой мифологии, к которой все семьи человечества были отдельно и неодолимо привлечены, и посредством которой их общее происхождение было категорически выражено.....

"Среди нескольких разновидностей креста, до сих пор используемых в качестве национальных или церковных эмблем в этом и других европейских государствах и отличающихся привычными названиями Святого Георгия, Святого Андрея, мальтийского, греческого, латинского и т. д., нет ни одной, существование которой не было бы прослежено до глубокой древности".[\[214\]](#)

Верно и то, что крест появляется в качестве символа христианства только после его языкотворения при Константине. Он создал составной символ, известный как *Chi-ro*, о котором см. ниже. Кажется вероятным, что он добавил их к языческому кресту. По этому поводу Блейк заявляет:

"Крест и полумесяц были объединены в восточных штандартах (рис. 29.) за столетия до Рождества Христова".

"На римских монетах периода 269 года до н. э. отчетливо виден крест Сатурна (рис. 30). Согласно прославленному писателю Гауме, все римские штандарты несли этот крест, а Константин, будучи не в силах изменить знамя империи, добавил "XP", греческий знак Христа, к имперскому флагу в 312 году н.э.". [\[215\]](#)

Сходство между язычеством Азии и Центральной Америки - известный исторический факт.

"Религия мексиканцев была чисто халдейской. Они исповедовали веру в верховного бога, но идолопоклонство было всеобщим. У них было регулярное священство, великолепные храмы и монастыри; они устраивали процессии, в которых несли кресты, даже красные; в их поклонении использовались ладан, цветы и фруктовые жертвы. Они исповедовались своим священникам, и, как правило, исповедовались только один раз, получая письменное отпущение грехов, которое до конца жизни служило надежной защитой от наказания даже за преступления, совершенные после получения отпущения. Они поклонялись, а затем ели вафельного бога, идола из муки и меда, которого они называли "богом покаяния", и всегда ели его в пост. Они также почитали черного тельца или быка и поклонялись богине-матери с младенцем-сыном на руках. Они приносили человеческие жертвы богу ада, символом которого они считали крест и которому приносили их в жертву, кладя на большой черный камень и вырывая их сердца.

"Теперь мы готовы увидеть, как легко язычники, приняв номинальное христианство, как они это делали со времен правления Константина, изменили и христианизировали свои взгляды на языческий крест. До сих пор эта эмблема ассоциировалась у них с поклонением богам. В храмах, домах, на изображениях, одежде, скоте и т. д. поклоняющиеся привыкли видеть особый крест или кресты, посвященные каждому из них. У Вакха был свой, у Сераписа - свой и так далее. Некоторые из новообращенных сами носили на своих лицах эмблемы своих богов. Так было с некоторыми азиатами и этрусками, которые носили крест на шее, но, по-видимому, не с египтянами в том, что касается шейного украшения. Уилкинсон, глава v., табличка 342, приводит фигуры четырех воинов из памятников Египта, принадлежащих к азиатским племенам, которые носили кресты на шее или на одежде. Они датируются примерно 1400 годом до нашей эры.

"В пластине 47 его "Peintures Antiques de Vases Grecs" (Рим, 1817, fol.) Миллиген приводит примеры креста на переднике воина и в круге на его лошади".

"Итак, войти в языческий храм, только что заново посвященный Христу, где еще сохранился крест отвергнутого языческого божества или где вместо него был установлен новый церковный крест, посетить храм, заново освященный таким образом, или войти в базилику (зал суда), по приказу императора только что переданную епископу для христианского использования, - все это поможет новообращенному легко перейти от поклонения богам к поклонению Богу императора.

"Старые храмы и старые базилики, устройство апсид и т. д., в последних почти без изменений, люстраль, или святая вода, настенная живопись, иногда оставленная, иногда измененная в соответствии с лицами новых героев или святых, ладан, пышность поклонения, длинный ряд облаченных священников - все и многое другое сделало бы переход от старой веры к новой, внешне, вопросом, не представляющим особых трудностей. Что касается креста, то он там был, там и останется, и уже остался".[\[216\]](#)

Учитывая эти и многие другие подобные факты, легко понять, как крест стал постоянным и заметным элементом символики языческого христианства. Знаменитое видение Константина Великого, в котором он, как говорят, увидел крест на небе в соединении с солнцем, не подкреплено доказательствами, которые относят его к числу фактов. Однако не было ничего противоестественного в том, что он, благочестивый поклонник солнца и знакомый с крестом как символом низшей формы этого поклонения, связал эти два символа, как он, как говорят, сделал. Символом, который он принял на свой военный штандарт, был не собственно крест, а два греческих инициала имени Христа, "*хи-ро*". Одна из этих букв, похожая на английскую Х, придавала штандарту сходство с крестом. При Валенте, императоре Востока, умершем в 378 году н. э., крест появляется без букв, и с этого времени буквы постепенно исчезают. Императрица Евдокия носила на голове языческую форму креста.[\[217\]](#) Это был точный аналог того, который до этого носила богиня Луны Диана. Основные факты, касающиеся креста, можно суммировать следующим образом:

До времен Константина - начала четвертого века - крест оставался тем, чем он был всегда, языческим символом, типом его самого отвратительного *культа*. То же самое происходит в Индии и по сей день. К началу пятого века он стал символом языческого христианства. Распятие - фигура Христа, прибитого к кресту, - впервые появляется примерно в середине пятого века. Ниже приводится общий порядок, в котором происходил этот переход:

1. Константин принимает начальные буквы, дающие стандарт *хи-ро*, около 312 года н.э.[\[218\]](#)
2. *Ци* (X) была постепенно изменена на форму креста, в то время как *ро*, подобно английской Р, осталась на своем прежнем месте.
3. *Ро* была отвергнута, а *ци* (X) была заменена на греческий крест Вакха.
4. Языческое *tau* (T), используемое в Индии и Египте, было введено, вероятно, из-за его предполагаемого сходства с крестом, на котором был (по преданию) предан смерти Христос.
5. Появляется *тау*, увенчанный хороводом, очевидно, священное яйцо язычников. Это была эмблема богини природы, производящего принципа. Таким образом, первоначальный языческий символ приобретает еще большее сходство с тем, что сегодня известно как латинский крест.

6. *Crux ansata*, или ручной крест. Именно такую форму обычно видят в руках богов Индии и Египта. Он является символом бога-солнца и интерпретируется современными египтологами как символ жизни. В первую очередь это был фаллический символ размножения. Один английский писатель (преподобный Моурант Брок) уместно сказал:

"Христианам давно пора понять факт, о котором давно говорят и пишут скептики, что крест был центральным символом древнего язычества. Что он представляет собой, остается невыясненным, но, вероятно, он стал средством смерти нашего Господа по хитрому замыслу лукавого, в руки которого он был передан на некоторое время, с целью будущего разложения христианства и продолжения под его именем всех мерзостей язычества".

То, что "крестное знамение" и связанные с ним языческие символы приобрели большое значение в качестве "чар" в языческом христианстве, можно легко понять, учитывая вышеизложенные факты. Это совершенно необъяснимо с точки зрения Нового Завета и без этих фактов. Достаточно привести несколько примеров, показывающих, как эта языческая концепция была перенесена в христианство. Бингем, ученый и консервативный писатель, говорит

"Но был один вид зачарования, которым многие невежественные и суеверные христиане, оставшиеся от языческих заблуждений, сильно увлекались; это использование чар, амулетов и заклинаний для лечения болезней или предотвращения опасностей и бед, как от себя, так и от плодов земли. Ведь Константин в начале своего реформаторства разрешил язычникам некоторое время не только публично советоваться со своими авгурами, но и использовать чары для лечения телесных недугов, а также для того, чтобы бури с дождем и градом не повредили созревшие плоды, как явствует из того самого закона, где он осуждает другой вид магии, направленный на причинение вреда, наказывая за это смертью. И, вероятно, из-за этой поблажки, оказанной язычникам, многие христиане, привнесшие в свою религию оттенок язычества, могли подумать, что в таких чарах и заклинаниях нет большого вреда, если они направлены только на добро, а не на зло. Как бы то ни было, но факт остается фактом: многие христиане были склонны к подобной практике, и поэтому использовали амулеты, которые они называли *periammata* и *phylacteria*, подвески и обереги, чтобы обезопасить себя от опасности и отвести телесные недуги. Эти филактерии, как они их называли, были своего рода амулетами из лент, с текстом Писания или другими словами, написанными на них, которые они представляли себе без всяких естественных средств как эффективные средства или предохранители от болезней".[\[219\]](#)

На то, насколько это зло существовало в Церкви, указывает Златоуст, как и на его веру в крестное знамение как высший "амулет". Он заявляет:

"Ибо эти амулеты, хотя те, кто делает на них деньги, постоянно рационализируют их и говорят: "Мы призываем Бога и не делаем ничего необычного" и тому подобное; и "старуха [которая сделала амулеты] - христианка, - говорит он, - и одна из верующих"; это - идолопоклонство. Ты один из верующих? Подпишите крест и скажите: это мое единственное оружие, это мое средство, а другого я не знаю. Скажи мне, если к кому-нибудь придет врач и, пренебрегая средствами, принадлежащими его искусству, будет использовать заклинания, назовем ли мы этого человека врачом? Ни в коем случае: ведь мы не видим лекарств врачебного искусства; так и в этом случае мы не видим лекарств христианства".

"Другие женщины также связывают с собой названия рек и придумывают множество подобных вещей. И вот, я говорю и предупреждаю вас всех, что если кто-нибудь из них будет обнаружен, то я не пощажу их снова, сделали ли они амулет, или заклинание, или любую другую вещь из такого искусства, как это".[\[220\]](#)

"Этот знак [крест], как во времена наших праотцов, так и сейчас, открывал двери, которые были заперты; он утишал ядовитые снадобья; он снимал силу болиголовы; он исцелял укусы ядовитых зверей. Ибо если оно открыло врата ада, раздвинуло арки рая, сделало новый вход в рай и отрезало нервы дьявола, то что удивляться, если оно одержало верх над ядовитыми лекарствами, ядовитыми зверями и всеми другими подобными вещами?"[221]

Тертуллиан демонстрирует свою веру в крестное знамение как лекарство от болезней,[222] при обсуждении природы и лечения укуса скорпиона. Он сказал:

"У нас есть вера для защиты, если нас не поражает недоверие, само по себе, также в том, чтобы немедленно совершить крестное знамение [над раненой частью] и закрепить [эту часть во имя Иисуса] и намазать [отравленную] пятку [кровью] зверя".

Крестное знамение в крещении.

Как один из высших талисманов, крестное знамение ассоциировалось с крещением, которое также стало "талисманом" под влиянием языческого водопоклонения. Он был связан с помазанием, которое также было чистым импортом из язычества. Говоря об этом знаке, Бингем отмечает:

"Третье его применение - это помазание перед крещением. Ибо так автор под именем Дионисий, описывая церемонию помазания причастника перед освящением воды, говорит: "Епископ начинает помазание, трижды осеняя его крестным знаменем, а затем передает его священнику для помазания всего тела, в то время как тот идет и освящает воду в купели". Святой Остин также может быть понят в этом смысле, когда он говорит: "Крест всегда соединен с крещением". И таким образом мы можем истолковать несколько отрывков из Киприана, например, где он говорит Димитриану: "Спасаются только те, кто рождается свыше и подписывается знаменем Христа". А что это за знак и на какой части тела он делается, Господь указал в другом месте, сказав: "Пройдите через середину Иерусалима и поставьте знак на челах их". И снова в своей книге о единстве Церкви, говоря о прокаже Уззии, он говорит: "Он был отмечен за свою обиду на Господа в той части тела, где отмечаются те, кто получает Его милость". Это, очевидно, относится к крестному знаменю, совершаемому при крещении. Автор Апостольских конституций весьма откровенен в этом вопросе. Объясняя значение нескольких частей и церемоний, используемых в крещении, он говорит: "Вода должна представлять погребение Христа, масло - Святого Духа, крестное знамение - крест, а миро или хризма - подтверждение исповедания людей". И не исключено, что святой Иероним ссылается на это, хотя его слова и не относятся к этому времени, когда он говорит: "Он был христианином, родился от христианских родителей и носил крестное знамя на челе". Некоторые добавляют также слова Киприана. Будем охранять свои чела, чтобы сохранить знамение Божие без опасности". И слова Понтия в его житии, где, говоря о христианских исповедниках, которых язычники клеймили на лбу и отправляли в качестве рабов в рудники, он говорит: "Они были отмечены на лбу во второй раз", имея в виду крестное знамение, которое они, будучи христианами, получили раньше. Но эти отрывки не обязательно относятся к крещению, а являются лишь общими выражениями, которые могут относиться к использованию крестного знаменья в любом другом случае; в те времена было принято знаменовать себя на лбу в самых обычных действиях своей жизни, при каждом движении, как выражается Тертуллиан, при выходе и входе, при отправлении в ванну, или в постель, или к трапезе, или к чему бы их ни призывали их занятия или случаи. Тем не менее, на их основании можно утверждать, что те, кто так часто использовал его во всех других

случаях, вряд ли стали бы опускать его в этом торжественном крещении. И поэтому эти утверждения можно считать своего рода сопутствующим доказательством этой практики".[223]

И снова он заявляет:

"Во-вторых, я замечаю, что вместе с этой молитвой обычно совершалось и крестное знамение, не как раньше, над крещаемым, а как обстоятельство освящения. Это мы узнаем не только от Дионисия, но и от святого Остина, который говорит, что вода при крещении подписывалась Крестом Христовым. А святой Златоуст говорит: "Они использовали его во всех своих священных таинствах; когда они возрождались в крещении, когда они питались мистической пищей в евхаристии, когда их посвящали в сан, этот символ победы всегда был представлен в действии, в каком бы религиозном деле они ни участвовали". К этому можно добавить автора под именем святого Остина, который перечисляет все торжественные посвящения Церкви и говорит нам, что символ креста использовался в каждом из них, при катехизации новообращенных, при освящении воды крещения, при наложении рук при конфирмации, при посвящении церквей и алтарей, при освящении евхаристии и при посвящении священников и левитов в священный сан.

"В-третьих, что касается последствий этого освящения, я замечаю, что предполагалось, что в водах крещения происходят те же изменения, что и при освящении хлеба и вина в евхаристии. Ибо они полагали, что после освящения здесь присутствует не только Дух, но и мистическое присутствие Крови Христа. Юлий Фирмикус, говоря о крещении, советует людям здесь искать чистые воды, неоскверненный источник, где кровь Христа, после многих пятен и осквернений, побелит их Святым Духом".[224]

Суеверное отношение к крестному знамению росло по мере того, как в церкви вызревало язычество; свидетельствуют следующие слова Августина:

"И наконец, как всем известно, что еще является знамением Христа, кроме Креста Христова? Ибо если этот знак не нанесен, будь то на чело верующих, или на саму воду, из которой они возрождаются, или на масло, которым они принимают помазание хризма, или на жертву, которая их питает, то ни одно из них не совершается должным образом".[225]

Крещение и "святая вода" как "чары".

Языческая доктрина крещения включала в себя идею воды как талисмана против болезней и несчастий, в людях, в животных, в выращивании урожая и фруктов. Эти представления были принесены в христианскую церковь и вскоре получили широкое распространение и прочно укоренились. Прекрасный обзор этой темы дает каноник Фаррар в своем описании взглядов Киприана на крещение. Вот его слова:

"Киприан считает, что при крещении священник наделяется силой Святого Духа прощать грехи посредством освященной и очищенной воды, но только если он является католическим священником и свободен от всякого пятна того, что Киприан или епископат считают расколом или ересью. Когда благодать прощения всех прошлых грехов была дарована этим актом, она не действует на будущие грехи. Они также требуют, чтобы за них было принесено удовлетворение Богу, и этим удовлетворением должно быть покаяние, раскаяние и добрые дела".[226]

"Он мог бы взять на вооружение слова Тертуллиана о крещении: "Таким образом, без пышности, без новизны приготовлений, без затрат, человек спускается в воду и, будучи

погруженным, с произнесением нескольких слов, поднимается из нее, едва ли чище телом, если вообще чище, но, что невероятно, обладателем вечной жизни"". [227]

Чудеса через крещение.

Сократ, церковный историк, рассказывает о чудесных исцелениях через крещение так же серьезно, как Созомен о нахождении "мощей". Послушайте его:

"Это было одно из важных улучшений в обстоятельствах Церкви, которое произошло во время правления Аттика. Эти времена также не были лишены свидетельств о чудесах и исцелениях. Некий иудей, будучи параликом, уже много лет был прикован к постели; и так как всевозможные врачебные умения и молитвы его иудейских братьев были использованы, но ничего не дали, он прибегнул к христианскому крещению, уповав на него как на единственное верное средство, которое можно использовать. Когда епископу Аттику сообщили о его желании, он наставил его в первых принципах христианской истины и, проповедуя ему надежду на Христа, распорядился, чтобы его принесли на постели к купели. Парализованный еврей, принявший крещение с искренней верой, как только его вынесли из купели, оказался совершенно исцеленным от своей болезни и впоследствии продолжал наслаждаться крепким здоровьем. Эту чудодейственную силу Христос поручился проявлять и в наше время, и слава о ней заставила многих язычников уверовать и креститься. Но иудеи, хотя и ревностно "искали знамений", даже те знамения, которые происходили на самом деле, не побуждали их принять веру. Таким образом, Христос даровал людям благословения". ... [228]

"Некий иудейский самозванец, выдававший себя за обращенного в христианство, имел привычку часто креститься и этим обманом сколотил немалое состояние. Обманув этим мошенничеством многих христианских сект, так как он принял крещение от ариан и македонян, и не найдя других, на ком можно было бы поупражняться в лицемерии, он пришел к Павлу, епископу нововатиан, и, заявив, что искренне желает крещения, попросил дать ему возможность принять его от его руки. Павел одобрил решимость иудея, но сказал ему, что не может совершить для него этот обряд, пока он не будет наставлен в основах веры и не посвятит себя посту и молитве в течение многих дней. Иудей, вынужденный поститься против своей воли, стал еще настойчивее просить о крещении; теперь, когда Павел не хотел отговаривать его более долгими отсрочками, раз уж он так настаивал, он согласился удовлетворить его просьбу, и сделал все необходимые приготовления к крещению. Купив для него белое облачение, он приказал наполнить водой купель и подвел к ней иудея, чтобы крестить его. Но некая невидимая сила Божия заставила воду внезапно исчезнуть. Епископ, конечно, и присутствующие не имели ни малейшего подозрения о настоящей причине, но решили, что вода ушла через каналы под ним, через которые обычно опорожняют купель; поэтому эти каналы были очень тщательно закрыты, и купель снова наполнилась. Однако, когда иудея привели туда во второй раз, вода исчезла, как и прежде. Тогда Павел, обращаясь к еврею, сказал: "Или ты злодей, несчастный человек, или невежда, который уже крестился". Народ собрался вместе, чтобы посмотреть на это чудо, и один из них узнал иудея и назвал его крещеным епископом Аттиком за некоторое время до этого. Таково было знамение, сотворенное руками Павла, епископа нововатианского". [229]

О том, что крещение искали как защиту от телесных недугов, даже без языческого представления о духовной чистоте, свидетельствует следующее высказывание Бингхэма:

"И все же иногда, как рассказывает Евфимий в том же месте, они приводили своих детей к пресвитерам Церкви, чтобы те крестили их по католическому образцу, потому что у них было

мнение, что и крещение, и крест приносят некоторую пользу телу для лечения болезней, но не имеют никакой другой эффективности, пользы или добродетели для очищения души. И такое мнение владело умами многих других, которые не имели никакого другого отношения к крещению, кроме того, что оно было полезно для освобождения тела от какого-то недуга или нечистоты".[230]

Отсроченное крещение.

Языческая идея "крещенского возрождения" настолько завладела Церковью, что стала серьезным злом, побуждая людей жить в грехе, полагая, что они смогут обрести спасение в последний момент. Снова приводим свидетельство Бингема, которое тем ценнее, что исходит от консервативного английского церковника.

"Другие откладывали его из-за языческих принципов, которые еще оставались в них, из-за любви к миру и его удовольствиям, от которых они не желали отказываться, чтобы взять на себя иго Христа, которое, как они думали, наложит на них большие ограничения и лишит их тех свобод, которыми они могли теперь более свободно предаваться и безопасно наслаждаться. Они могли проводить жизнь в удовольствиях и, наконец, креститься, и тогда они должны были получить столько же, сколько и те, кто крестился раньше; ибо работники, пришедшие в виноградник в последний час, имеют ту же награду, что и те, кто нес бремя и зной дня".[231]

Ориентация при крещении.

Испорченность крещения языческим культом поклонения солнцу особенно ярко проявилась в практике поворота на восток и запад в связи с крещением. В этой главе есть место для единственной цитаты из Бингхэма на этот счет:

"Об этом обычае поворачиваться на восток, когда они исповедуют послушание Христу, упоминают также святой Амвросий, Григорий Назианзен, Кирилл Иерусалимский и автор под именем Дионисий. Они объясняют это двумя причинами: 1. Кирилл говорит своим ученикам, что как только они отреклись от дьявола, рай Божий, который был насажден на Востоке и откуда наш первый родитель за свое преступление был изгнан в изгнание, теперь был открыт для них; и их обращение с Запада на Восток, который является областью света, было символом этого. По той же причине, говорят нам святой Василий и некоторые другие древние, они молились на восток, чтобы их лица были обращены к раю. Другая причина обращения к востоку при крещении заключалась в том, что восток или восходящее солнце были эмблемой Солнца Праведности, к которому они теперь обращались от сатаны. Ты обращен к востоку, говорит святой Амвросий, ибо тот, кто отрекается от дьявола, обращается ко Христу. Здесь он явно намекает святому Иерониму, что обращение к Востоку было символом их отвращения от сатаны и обращения ко Христу, то есть от тьмы к свету, от служения идолам к служению Тому, Кто есть Солнце Праведности и Источник Света".[232]

Вера в магическое воздействие крещения росла, пока не стала господствовать над самыми мудрыми и лучшими из лидеров Церкви. Великий Августин рассказывает о многих случаях, которые свидетельствуют, если это возможно, о большем, чем языческое легковерие. Среди них следующие. Глава, из которой они взяты, озаглавлена: *"О чудесах, которые*

совершались, чтобы мир уверовал во Христа, и которые не прекращаются с тех пор, как мир уверовал".

"В том же городе Карфагене жила Иннокентия, очень набожная женщина, занимавшая высокое положение в государстве. У нее был рак в одной из грудей, болезнь, которая, как говорят врачи, неизлечима. Поэтому обычно либо ампутируют и таким образом отделяют от тела тот член, которым овладела болезнь, либо, чтобы немного продлить жизнь больного, хотя смерть неизбежна, даже если ее несколько отсрочить, отказываются от всех средств, следуя, как говорится, совету Гиппократов. Даме, о которой мы говорим, посоветовал умелый врач, который был близок к ее семье, и она предалась молитве, обращаясь только к Богу. В преддверии Пасхи она получила во сне указание дожидаться первой женщины, вышедшей из крестильни после крещения, и попросить ее совершить знамение Христа на своей болячке. Она так и сделала и сразу же исцелилась.....

"Один подагрический врач из того же города, когда он дал свое имя для крещения и за день до крещения ему запретили креститься в этом году, во сне ему явились черные шерстяные мальчики, которых он принял за дьяволов, и когда, хотя они топтались по его ногам и причиняли самую острую боль, которую он когда-либо испытывал, он отказался повиноваться им, но победил их и, не откладывая омовения в умывальнике возрождения, в самом акте крещения получил облегчение не только от необычайной боли, которой его мучили, но и от самой болезни, так что, хотя он прожил еще долгое время после этого, он никогда не страдал от подагры; И все же кто знает об этом чуде? Нам, однако, оно известно, как и немногочисленным братьям, которые находились поблизости и до чьих ушей оно могло дойти.

"Один старый комик из Курубиса был исцелен во время крещения не только от паралича, но и от грыжи, и, избавившись от обоих недугов, вышел из купели возрождения, как будто у него ничего не болело в теле. Кто за пределами Курубиса знает об этом, или кто, кроме очень немногих, может услышать это в другом месте? Но мы, узнав об этом, по приказу святого епископа Аврелия заставили этого человека прибыть в Карфаген, хотя уже убедились в этом по сведениям людей, в чьем слове мы не могли сомневаться.

"Гесперий, из рода трибунитов и наш сосед, имел ферму Зубеди в Фуссальском округе; обнаружив, что его семья, скот и слуги страдают от злобы злых духов, он попросил наших пресвитеров, во время моего отсутствия, чтобы один из них пошел с ним и изгнал духов своими молитвами. Один пошел, принес там жертву Тела Христова и молился изо всех сил, чтобы прекратилось раздражение. По милости Божьей оно сразу же прекратилось. В то время он получил от своего друга некую святую землю, привезенную из Иерусалима, где Христос, будучи погребен, воскрес на третий день. Эту землю он повесил в своей спальне, чтобы уберечь себя от беды. Но когда его дом очистился от этого бесовского нашествия, он стал думать, что делать с землей, ибо из-за благоговения перед ней он не хотел больше держать ее в своей спальне. Случилось так, что я и Максимин, епископ Синита, в то время мой коллега, оказались поблизости. Гесперий попросил нас навестить его, что мы и сделали. Рассказав все обстоятельства, он попросил, чтобы его похоронили где-нибудь, а на этом месте устроили молитвенное место, где христиане могли бы собираться для поклонения Богу. Мы не стали возражать, и все было сделано так, как он хотел. В том районе жил парализованный молодой человек, который, узнав об этом, умолял своих родителей отнести его без промедления в то святое место. Когда его привели туда, он помолился и сразу же ушел на своих ногах, совершенно исцеленный.

"Менее чем в тридцати милях от Гиппо-Регуса находится загородное поселение под названием Викторiana. В нем стоит памятник миланским мученикам Протасию и Гervasию. Туда перенесли молодого человека, которым, когда он в летний день в полдень поливал свою лошадь в бассейне реки, овладел дьявол. Когда он лежал у памятника, близкий к смерти, или даже спокойный, как мертвец, хозяйка поместья со своими служанками и религиозными помощниками вошла туда для вечерней молитвы и прославления, как это было в ее обычае, и они начали петь гимны. При этих звуках юноша, словно наэлектризованный, воспрянул духом и с ужасающим криком схватился за алтарь и держал его так, словно не смел или не мог отпустить, и словно был прикован или привязан к нему; а дьявол в нем с громкими причитаниями просил пощадить его и признался, где, когда и как он завладел юношей. Наконец, заявив, что выйдет из него, он назвал одну за другой части его тела, которые грозился изуродовать, когда будет выходить, и с этими словами отошел от человека. Но глаз его, выпавший на щеку, повис на тонкой жилке, как на корню, и весь зрачок, который был черным, стал белым. Когда это увидели присутствующие (на его крики собрались и другие, и все присоединились к молитве за него), то, хотя они и обрадовались, что он обрел здравый рассудок, но, с другой стороны, были опечалены его глазом и сказали, что ему следует обратиться за советом к врачу. Но муж его сестры, который привел его туда, сказал: "Бог, изгнавший дьявола, может восстановить глаз по молитвам святых своих". Тогда он заменил выпавший и висящий глаз, перевязал его на место своим платком, как мог, и посоветовал не снимать повязку семь дней. Когда он это сделал, то обнаружил, что глаз вполне здоров. Там же исцелились и другие, но о них рассказывать утомительно.

"Я знаю, что одна молодая женщина из Гиппо была немедленно избавлена от дьявола, помазавшись маслом, смешанным со слезами пресвитера, который молился за нее. Я также знаю, что однажды епископ молился за бесноватого юношу, которого он никогда не видел, и тот был исцелен на месте".[233]

В этой же главе Августин рассказывает о многих других подобных чудесных случаях, показывая, насколько полно язычество смешалось с его верой. Он также сообщает о многих чудесах, совершенных силой святилища, которое находилось недалеко от Карфагена. Эта глава больше похожа на запись языческих чудес, чем на трезвую христианскую историю.

ГЛАВА XIII. ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОЙ ЖЕ ТЕМЫ.

Светильники в поклонении - Поклонение "востоку" - Пасхальные костры - Бельтан или костры Ваала - Покаяние - Мариолатрия - Месса - Чистилище и молитвы за мертвых - Петровские ключи - Рождество - Пасха - Великий пост и т. д.

Поклонение солнцу, как доминирующий культ во всех языческих системах, привнесло больше элементов разврата, чем любой другой.

Светильники в поклонении.

Языческое происхождение огней в богослужении признается всеми. В прежние времена их использование резко осуждалось.[234] Элвирский синод (305 или 306 г. н. э.) осудил их

использование на кладбищах, где они уже составляли часть служб по усопшим. Канон 34 гласит: "Запрещается зажигать восковые свечи днем на кладбищах из опасения потревожить души святых".

Бароний объясняет это следующим образом: "Многие неопиты принесли из язычества обычай зажигать восковые свечи на могилах. Синод запрещает это, потому что, с метафизической точки зрения, это беспокоит души умерших, то есть это суеверие ранит их".

Абеспин дает другое объяснение, которое заключается в том, что синод принял распространенное в то время убеждение, что души умерших витают вокруг их могил. "Поэтому Синод запретил зажигать днем восковые свечи, возможно, чтобы устранить остатки язычества, но также и для того, чтобы не нарушить покой душ умерших".[\[235\]](#)

Мейтланд заявляет:

"Возжигание огней указано среди идолопоклоннических обрядов, запрещенных Феодосийским кодексом: "Пусть никто ни в каком месте, ни в каком городе не зажигает огней, не возносит благовоний и не вешает гирлянды бессмысленным идолам". Вигилантий, говоря об обычае использовать огни в богослужении, восклицает: "Мы почти видим, как обряд язычников вводится в Церкви под видом религии; кучи свечей зажигаются, когда солнце еще светит; и повсюду люди целуются и поклоняются, и я не знаю чему; немного пыли в маленьком сосуде, завернутом в драгоценную ткань. Великую честь оказывают такие люди блаженным мученикам, думая жалкими светильниками осветить тех, кого Агнец, сидящий посреди престола, озаряет великолепием Своего величия". Этот отрывок доказывает, что Вигилантий, который должен был хорошо знать обычаи язычества, был поражен сходством между ними и обрядами, недавно введенными в Церковь".[\[236\]](#)

Но любовь к язычеству была слишком сильна, и обычай вскоре стал всеобщим. Паулин, епископ Ноны (396 г. н. э.), превозносил использование огней. В книге *Natalis* (3:100) он говорит:

"Светлые алтари увенчаны густыми гроздьями лампад, благоухающие огни пахнут восковыми папирусами; день и ночь они горят, так что ночь сверкает великолепием дня, а сам день, прославленный небесными почестями, сияет тем сильнее, что его блеск удваивается бесчисленными лампами".[\[237\]](#)

Упорство, с которым использование светильников все еще сохраняется во многих ветвях Церкви, показывает, как долго и как энергично язычество продолжало развращать христианство.

"Ориентация".

Еще один остаток от поклонения солнцу привел к тому, что церкви стали строить с алтарем на востоке, молиться на восток, хоронить умерших, ориентируясь на восток, и т. д. О языческом происхождении этого обычая Гейл говорит следующее:

"Другой частью языческого демонолатрии была их церемония поклонов и поклонения востоку. Ведь язычники повсеместно поклонялись солнцу как своему верховному богу, даже более реформированные из них, новые платоники, Плотин, Порфирий и Юлиан Отступник, как явствует из его оратории к солнцу. Отсюда и пошло, что солнце, восходящее на востоке, они обычно почитали таким образом (как иудеи в Вавилоне обычно поклонялись западу, потому что Иерусалим стоял к западу от них). Поэтому они также строили свои храмы и хоронили своих мертвых на востоке. Так, Диоген Лаэртций в "Жизни Солона" говорит, что

афиняне хоронили своих мертвых на востоке, и изголовья их могил были сделаны в этом направлении. И разве Антихрист и его сыновья не следуют в точности этой языческой церемонии, строя свои храмы и алтари на востоке и склоняясь в ту сторону в своем поклонении?"[238]

Различные объяснения были даны по поводу этой практики, чтобы скрыть значимость этого язычества. Например, Климент Александрийский говорит

"А так как заря есть образ дня рождения, и с этого момента свет, просиявший вначале из тьмы, возрастает, то и для тех, кто был во тьме, наступил день познания истины. В соответствии с тем, как восходит солнце, возносятся молитвы, обращенные к восходу солнца на востоке. Отсюда и древнейшие храмы смотрели на запад, чтобы научить людей поворачиваться к востоку, когда они стоят перед образами. "Да будет молитва моя пред Тобою, как фимиам, вознесение рук моих, как вечерняя жертва", - говорится в псалмах".[239]

Тертуллиан пытается избежать обвинений в язычестве, защищая эту практику, следующим образом:

"Иные, более заботясь о хороших манерах, надо признаться, полагают, что солнце - бог христиан, потому что хорошо известно, что мы молимся на восток, или потому, что мы делаем воскресенье днем празднества. Что же тогда? Разве вы делаете меньше, чем это? Разве не многие из вас, с аффектацией поклонения небесным телам, также шевелят губами в направлении восхода солнца? Это вы, во всяком случае, даже ввели солнце в календарь недели; и вы выбрали его день, предпочтя предыдущий день, как наиболее подходящий на неделе либо для полного воздержания от купания, либо для откладывания его до вечера, либо для отдыха и пиршеств".[240]

Пасхальные костры.

Еще один элемент языческого поклонения солнцу сохранился до наших дней в пасхальных кострах, которые особенно распространены в Северной Европе. В тевтонской мифологии огонь считается живым существом. О нем часто говорят как о птице, "Красном петухе". *Нотфур*, "огонь нужды", в определенные моменты возникает в результате трения. Такой огонь считается священным. В таких случаях все костры в округе тушат, чтобы их можно было разжечь от *нотфура*. Этот огонь еще используется для отпугивания зла, и для лечения болезней домашних животных. В связи с разведением этого священного огня появляются следы поклонения полов; "два целомудренных мальчика" должны тянуть веревки, которые создают трение, необходимое для разжигания огня; а "целомудренный юноша" должен зажечь огонь для лечения болезни, известной как "огонь святого Антония". В Шотландии такой огонь считается защитой от "околдовывания домашних животных".

У Гримма, который является высочайшим авторитетом в области мифологии Северной Европы, есть богатый материал, касающийся всех форм поклонения огню в этом регионе. Вот одна выдержка, касающаяся *пасхальных костров*.

"Во всех городах, поселках и деревнях страны ближе к вечеру в первый (или третий) день Пасхи ежегодно на горах и холмах зажигается большой костер из соломы и дров, при стечении и ликовании не только молодежи, но и многих взрослых людей. На Везере, особенно в Шаумбурге, привязывают бочку с дегтем к ели, обмотанной соломой, и ночью поджигают ее. Мужчины и служанки, а также все, кто приходит, танцуют, ликуют и поют, машут шляпами, бросают в огонь платки. Горы вокруг освещены, и это возвышенное

зрелище, с которым едва ли может сравниться что-либо еще, - обозревать страну на много миль вокруг с одной из высоких точек и во всех направлениях сразу видеть огромное количество этих костров, то ярче, то слабее, пылающих до небес. В некоторых местах они величественной процессией поднимались на холм, неся белые жезлы: по очереди они пели пасхальные гимны, хватая друг друга за руки, а при "Аллилуйя" сцепляли жезлы. Они любили уносить с собой немного огня.

"Для этих *пасхальных огней* нет авторитетов, выходящих за пределы XVI века; но они должны быть намного старше, хотя бы для контраста с мидсуммерными кострами, которые никогда не могли проникнуть в Северную Германию, потому что люди там держались за свои пасхальные костры. Поскольку костры Святого Иоанна, как мы сейчас покажем, более тесно связаны с христианской церковью, чем пасхальные костры, небезосновательно проследить их путь до поклонения богине Остаре, или Истре, которая, похоже, была скорее саксонским и англиканским божеством, чем почитаемой по всей Германии. Ее имя и ее костры, которые, вероятно, приходились на начало мая, после обращения саксов были перенесены на христианский праздник. Эти народные горные костры вряд ли можно вывести из огня, зажигаемого в церкви в тот же день: правда, Бонифаций называет его *ignis paschalis*, и такие пасхальные огни упоминаются в XVI веке. В Хильдесхайме и сейчас зажигают лампаду в Великий четверг, а в день Пасхи - на пасхальном огне, *по которому ударили сталью*. Люди стекаются к этому костру, неся с собой дубовые кресты или просто скрещенные палки, которые они поджигают и затем сохраняют в течение целого года. Но простые люди различают этот огонь и дикий огонь, возникающий от трения дерева. Ягер говорит об *освященном костре из поленьев*".[241]

Костры Мидсаммера.

Середина лета была центральной точкой великого языческого праздника в честь солнца, которое тогда достигало своей величайшей высоты, с которой должно было вскоре сойти. Католическое христианство продолжило эти праздники в день святого Иоанна Крестителя. Многие особенности этих костров середины лета были схожи с уже упоминавшимися пасхальными кострами. Следующее описание современного праздника в Германии взято из книги Гримма:

"У нас есть более полное описание летнего костра, устроенного в 1823 году в Конце, лотарингской, но все еще немецкой деревне, на Мозеле, недалеко от Серка и Тионвиля. В каждом доме на верхушке стромберга ставят ферму из соломы, где ближе к вечеру собираются мужчины и молодежь. Женщины и девушки располагаются у источников Бурбах. Затем огромное колесо оборачивают соломой, так что ни одного дерева не остается на виду, через середину пропускают крепкий шест, который торчит на ярд с каждой стороны, и за него хватаются направляющие колеса; остаток соломы связывают в несколько маленьких факелов. По сигналу мэра Серка (который, согласно древнему обычаю, зарабатывает за службу корзину вишен) колесо зажигается факелом и быстро приходит в движение; раздается радостный крик, все машут факелами, часть мужчин остается на холме, часть следует за огненным шаром, направляемым вниз по склону к Мозелю. Часто он гаснет первым: если же он сгорает, коснувшись реки, то это предвещает обильный урожай, и жители Конца имеют право взимать тун белого вина с прилегающих виноградников. Пока колесо проносится мимо женщин и девушек, они раздражаются радостными криками, которым отвечают мужчины на холме, а жители соседних деревень, стекающиеся к берегу реки, присоединяют свои голоса к всеобщему ликованию".[242]

Бельтайн или Баальские костры.

Бельтайн, или костры Баала, и древние жертвоприношения богу Солнца до сих пор сохранились в Шотландии в измененном виде. Гримм говорит о них следующим образом:

"Нынешний обычай описывается Армстронгом *под v. bealtainn*: в некоторых частях Горной Шории молодые люди из деревни собираются на болотах первого мая. Они накрывают стол в зеленом дерне, круглой формы, вырезая в земле траншею такой окружности, чтобы вместить всю компанию. Затем разжигают огонь и готовят блюдо из яиц и молока, по консистенции напоминающее заварной крем. Они замешивают лепешку из овсянки, которую поджаривают на углях, прислонив к камню. После того как заварной крем съеден, пирог делят на столько порций, как можно более похожих друг на друга по размеру и форме, сколько человек в компании. Одну из этих порций мажут древесным углем, пока она не станет совершенно черной. Затем все кусочки пирога кладут в шляпу, и каждый с завязанными глазами вытягивает свою порцию. Владелец шляпы имеет право на последний кусочек. Тот, кто вытянет черный кусок, - посвященный, которого *приносят в жертву Ваалу, чьей благосклонности хотят добиться, чтобы год был урожайным*. Посвященный должен *трижды перепрыгнуть через пламя*. Здесь ссылка на поклонение божеству слишком очевидна, чтобы ошибиться; по прыжкам через пламя мы видим, что главным моментом было выбрать человека, чтобы умиловать бога и сделать его милосердным; затем его заменили жертвой животного, и в итоге от телесного сожжения не осталось ничего, кроме прыжков через огонь, как для человека, так и для животного. Священный обряд трения здесь не упоминается, но поскольку он был необходим для "нужного огня", очищающего от моровой язвы, то первоначально он должен был быть гораздо более востребован на великом ежегодном празднике."[\[243\]](#)

Покаяние.

Языческая теория возрождения при крещении породила необходимость в доктрине покаяния. В соответствии с идеей о том, что крещение снимает все грехи до момента совершения обряда, необходимо было чем-то искупить грехи, совершенные после крещения. Доктор Шафф описывает происхождение покаяния следующим образом:

"Однако считалось, что действие крещения распространяется только на грехи, совершенные до его принятия. Отсюда частая отсрочка таинства, которую Тертуллиан очень убедительно рекомендует, хотя и порицает, когда она сопровождается моральным легкомыслием и самонадеянностью. Многие, подобно Константину Великому, откладывали его до болезни и смерти. Они предпочитали риск умереть некрещеными, чем навсегда лишиться благодати крещения. Крещение на смертном одре было тогда тем же, чем сейчас является покаяние на смертном одре.

"Но тогда возник вопрос, как можно получить прощение грехов, совершенных после крещения? Это отправная точка римской доктрины о таинстве *покаяния*. Тертуллиан и Киприан были первыми, кто предположил, что за такие грехи необходимо искупать их путем самостоятельных покаянных упражнений и добрых дел, таких как молитвы и раздача милостыни. Тертуллиан считал семь грубых грехов, которые он обозначал как смертные, непрощительными после крещения и оставленными на милость Божью, но католическая церковь придерживалась более мягкой точки зрения и даже принимала обратно прелюбодеев и отступников после их публичного покаяния".[\[244\]](#)

Больше ничего говорить не нужно. Читатель легко увидит связь между этими двумя элементами язычества; он также увидит их глубокое развращающее влияние.

Мариолатрия.

Поклонение богине-матери и ее сыну составляло отличительную черту в язычестве Вавилона, Индии, Египта, Ассирии, Греции и Рима. Несмотря на различие концепций, суть мариолатрии проходит через все эти языческие системы. Тем, кто хочет подробно изучить эту тему, стоит обратиться к Александру Хислопу.^[245] Здесь мы ограничимся лишь выдержкой со страницы 82 этой работы:

"Поклонение богине-матери с ребенком на руках продолжало соблюдаться в Египте до прихода христианства. Если бы Евангелие вошло в силу среди массы народа, поклонение этой богине-королеве было бы свергнуто. Но для большинства оно стало лишь именем. Поэтому вместо того, чтобы изгнать вавилонскую богиню, в слишком многих случаях менялось только ее имя. Ее стали называть Девой Марией, и вместе с ребенком ей поклонялись с тем же идолопоклонническим чувством исповедующие христиане, что и открытые и явные язычники".

Месса.

Месса, которая на протяжении веков была центральным элементом римско-католического культа, берет свое начало в "бескровных жертвах", которые приносились пафийской Венере, а также ее аналогу в Вавилонии и Ассирии. Именно в это поклонение Царице Небесной были вовлечены отступницы из Иудеи, которых Иеремия^[246] осуждает за то, что они "жгли фимиам, возливали питье и приносили лепешки Царице Небесной". Эти лепешки были отмечены фаллическим символом креста. Как уже отмечалось, они стали прародителями современных "горячих булочек с крестом", которые ассоциируются с пятничным днем Венеры.

Форма вафли, принятая в языческом христианстве, ее *округлость*, была заимствована у египтян, для которых эта форма представляла *диск солнца*. Мистические буквы на облатке - еще одно звено, связывающее ее с египетским язычеством. Христиане объясняют эти буквы как значение *Jesus Hominum Salvator*; но когда поклонники Изиды, которые в первые века были повсюду в Римской империи, читали их на неоскверненной жертве, они понимали под ними *Изиду, Гору, Себа, то есть* Мать, Младенца и Отца богов. Языческий характер этой бескровной жертвы поначалу был настолько явным, что ее резко осудили; но знакомство с ней сменило неприятие на принятие, и то, что было полностью языческим, стало центром поклонения в языческом христианстве.

Чистилище и молитвы за умерших.

Все ведущие системы языческих религий имеют ту или иную форму чистилища, с сопутствующими ему молитвами за умерших, за которые оставшиеся в живых друзья платят большие суммы. Чистилище, которое было разработано в христианском культе, почти во всем похоже на свой языческий прототип. Выдержка из Уилкинсона, описывающая практическую работу доктрины в языческом Египте, не требует особых изменений, чтобы соответствовать фактам, связанным с чистилищем христиан. Мы цитируем Хислопа :^[247]

"Жрец, - говорит Уилкинсон, - побуждал людей тратить большие суммы на проведение похоронных обрядов; и *многие, у кого едва хватало средств на самое необходимое для жизни*, стремились сохранить что-то для расходов на свою смерть. Ведь помимо процесса бальзамирования, который иногда обходился в талант серебра, или около 250 фунтов английских денег, сама гробница приобреталась за огромные деньги; и многочисленные требования предъявлялись к имуществу покойного для совершения молитв и других служб для души". "Церемонии, - говорилось в другом месте, - состояли из жертвоприношения, подобного тем, что приносятся в храмах, с клятвой за умершего одному или нескольким богам (Осирису, Анубису и другим, связанным с Аменти); также подносились благоволия и возлияния; иногда читалась молитва, при этом родственники и друзья присутствовали в качестве скорбящих. Они даже присоединяли свои молитвы к молитвам жреца. Жрец, совершавший погребальную службу, выбирался из сословия понтификов, который носил шкуру леопарда; но различные другие обряды совершались одним из второстепенных жрецов над мумиями, прежде чем их опускали в яму гробницы после этой церемонии. Более того, они продолжали совершаться через определенные промежутки *времени, пока семья платила за их выполнение*". Таково было действие доктрины чистилища и молитв за умерших среди признанных язычников; и в каком существенном отношении оно отличается от действия той же доктрины в папском Риме?"

Ключи Святого Петра.

Те, кто утверждает первенство святого Петра и его право на ключи от небес, претендуют на то, что нашли это утверждение на словах Христа, обращенных к Петру. Но изучение истории и особенностей этой доктрины слишком ясно показывает ее языческое происхождение, чтобы можно было сомневаться. Римское язычество имело свою коллегия понтификов, возглавляемую императором, как *Pontifex Maximus*. Вавилонское и ассирийское язычество имело аналогичный совет понтификов. Особое первенство среди божеств было связано с Янусом и Кибелой. Каждый из них носил ключ. Папа принял их оба в пятом веке, после того как христианство стало языческим. Термин "кардинал", очевидно, происходит от *cardo* - шарнир. Янус был богом петель и назывался "открывателем и затвором".

Суверенный понтифик языческого культа был представителем божества на земле, и ему поклонялись как богу. Это продолжалось в Римской империи еще долго после того, как императоры стали называться "христианскими". После этого представителем Бога среди людей стал Папа Римский. Завершит этот взгляд на Святого Петра и его ключи одна цитата из Овидия. В ней описывается Янус, а он, в свою очередь, описывает свой пост:

"Он, держа в правой руке посох, а в левой - ключ, произнес мне из уст своего переднего лица такие слова.... Все, что ты видишь вокруг себя, небо, море, воздух, земля, все это было закрыто и открыто моей рукой. В моей власти только опека над огромной вселенной, и прерогатива поворота петли принадлежит исключительно мне. Когда мне угодно послать Мир из его спокойного обиталища, он свободно ступает по своим тропам, не стесненный *ограничениями войны*. Весь мир был бы повергнут в смятение смертоносным кровопролитием, если бы мои жесткие засовы не сковывали заключенную в них войну. Вместе с нежными временами года я управляю небесными порталами; через меня проходит и исчезает сам Юпитер".[248]

Репрезентативные фестивали.

Те, кто хотя бы бегло изучал этот вопрос, знают, что рой праздников, пришедших в христианство после второго века, почти, если не все, были языческими днями, с новыми или

измененными названиями, но практически без изменений в характере. Здесь мы приведем несколько наиболее ярких примеров.

Рождество.

Писание ничего не говорит о дате рождения Христа. 25 декабря, день зимнего солнцестояния, был установлен как Рождество лишь спустя долгое время после новозаветного периода. Но, несмотря на серьезные возражения, исторические и иные, эта дата восторжествовала. Зимнее солнцестояние было датой рождения Осириса, сына египетской царицы небес Исиды. Термин "Йоль", другое название Рождества, происходит из халдейского языка и означает "день ребенка". Это название праздника было знакомо нашим англосаксонским предкам задолго до того, как они узнали о христианстве. В Риме этот праздник зимнего солнцестояния был праздником Сатурна; дикие, пьяные, развратные "Сатурналии". Аналогичным образом его отмечали в Вавилонии. Когда он пришел в христианство, его основные черты были похожи на сатурналии. С тех пор они были слишком распространены. Зажженные свечи и украшенные деревья были неотъемлемой частью празднования праздника у язычников. Рождественский гусь и "йольские пироги" пришли вместе с этим днем из язычества.

Пасха.

Первые христиане продолжали соблюдать еврейскую Пасху 14 числа месяца *нисана*. Когда в Церкви усилился языческий элемент и, соответственно, антииудейские настроения, после острой борьбы время было перенесено с четырнадцатого числа месяца на воскресенье, ближайшее к весеннему равноденствию. Это позволило совместить его с праздником богини весны, древним языческим праздником, который, вероятно, восходит к временам поклонения Астарте в Вавилонии. Название "Пасха" сравнительно современное. Оно происходит от имени Оэстры, богини весны в североевропейской мифологии. Формы празднования были почти полностью языческими. Крашеные пасхальные яйца и "горячие крестики-нолики" фигурировали в халдейской Пасхе, как и в христианской. Индусы, китайцы и египтяне имели священное яйцо, историю которого можно проследить до Евфрата и поклонения Астарте.

Великий пост.

Великому посту придали видимость христианского происхождения, предположив, что он является аналогом сорокадневного поста Христа, для чего нет ни тени Писания или даже апостольского авторитета. Но история Великого поста безошибочно показывает его языческое происхождение. Его источник - пост, который вавилоняне связывали с богиней размножения, чье поклонение стало отправной точкой Пасхи. Во время этого поста запрещались светские радости и любые проявления сексуальных чувств, поскольку богиня в это время оплакивала потерю своего супруга. Отсюда произошел Великий пост, и особенно практика воздержания от брака в этот период.

Языческие племена Коордистана до сих пор соблюдают такой пост. Гумбольдт обнаружил то же самое в Мексике, а Ландсир - в Египте. Он пришел в христианство сравнительно медленно и принес с собой грубые пороки. Свидетельствует следующее:

"Это изменение календаря в отношении Пасхи имело важные последствия. Оно принесло в Церковь грубейшее развращение и суеверие в связи с воздержанием во время Великого поста. Пусть только кто-нибудь прочитает, какие зверства совершались во время "священного поста" или языческого Великого поста, описанного Арнобием и Клеменсом

Александром, и, конечно, он должен покраснеть за христианство тех, кто с полным знанием всех этих мерзостей "спустился в Египет за помощью", чтобы возбудить вялую набожность вырождающейся Церкви, и кто не мог найти более прекрасного способа "оживить" ее, чем заимствование из столь загрязненного источника; абсурды и мерзости, связанные с которыми раннехристианские писатели подвергали презрению."[\[249\]](#)

Многие благочестивые христиане сегодня соблюдают Великий пост без примеси язычества; но для не благочестивых людей Великий пост - это лишь время отдыха от модного распутства "общества", которое освежает их для излишеств, следующих за Пасхой.

ГЛАВА XIV. ПЯТЬ ВЫВОДОВ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРОТЕСТАНТИЗМА, ЗАТРАГИВАЮЩИЕ СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ.

Протестанты должны принять Библию *как фактически*, так и теоретически, или быть низвергнутыми - Библия должна быть заново истолкована в свете "высшей критики" и более глубокой духовной жизни - Современные тенденции в изучении Библии знаменуют открытие второго этапа протестантского движения - Крещение должно перестать быть мячом для деноминационной полемики и быть поднято до вопроса послушания примеру Христа - Протестанты должны вернуться к субботе, Христианизированной Христом, и к истинному саббатизму, который так же неконфессионален, как и вера - Такой саббатизм и Божья суббота должны быть возвращены на место, с которого их согнали языческий но-саббатизм и языческое воскресенье - "Субботнее" законодательство нехристианское - Любой союз христианства с государством должен уступить перед нормальным развитием истинного протестантизма.

Факты, изложенные на предыдущих страницах, служат основанием для некоторых важных выводов. Возможно, неосознанно, но не менее определенно, протестантское движение было началом определенной реакции против язычества в христианстве. Поскольку человечество должно познавать все высшие истины через долгий и порой горький опыт, ошибки и пороки должны созреть, прежде чем те, кто однажды принял их, отпустят их. Все великие движения вверх иллюстрируют этот факт. Реформаторские действия начинаются тогда, когда ошибки достигают столь низкой точки, что лучшие интересы сталкиваются с удушением и разрушением. Когда медленно бьющееся сердце угрожает смертью спящему пациенту, природа пробуждает все свои силы в последней борьбе за жизнь. Так и истина, подавляемая и попираемая ногами языческих элементов в Церкви, пробудилась для последней борьбы, когда после полуночи наступило утро.

(1) Восстановление Библии.

Как первым шагом в извращении христианства было отступление от авторитета Божьей книги и выдача заблуждения за истину посредством ложной экзегезы, так и первым шагом реформации было снятие оков с этого Слова. Языческое христианство поставило себя между людьми и Богом и Его Словом. Вера, ущемленная и искаленная, уповала на человеческие

традиции, формы и обряды, а также на отпущение грехов священниками. Помощь не могла прийти, как не могла появиться и надежда, пока языческие элементы не будут удалены настолько, что люди смогут стоять лицом к лицу с Библией, Христом и Богом. Поэтому на первом этапе реформаторской работы центральными пунктами были открытая Библия, доступный Христос и Отец, чей закон был высшим призывом, а любовь - высшим источником надежды и основанием веры. Восходящее движение началось на той же плоскости фундаментальных истин, на которой началось нисходящее движение. Поэтому первая борьба, начатая Лютером, была сосредоточена вокруг личной веры.

Но такова была природа вещей, что люди, чье наследство досталось им от веков, ставших темными и религиозно развращенными благодаря языческим остаткам, не могли подняться над всеми этими влияниями сразу.

Хотя лидеры таких движений строят лучше, чем они сами знают, их работа всегда сравнительно несовершенна. Интенсивность, с которой они должны преследовать какую-то одну истину, чтобы добиться хоть какого-то прогресса, мешает им увидеть всю истину. Тем более что общественное сознание в такие времена не способно воспринять и удержать более одной великой истины за раз. Реформаторы не смогли полностью освободиться от мысли, что "традиция и обычай" имеют авторитет. Они не приняли Библию как *единственное правило* веры и практики. Протестантизм никогда не делал этого. Между протестантизмом и романизмом, от которого он восстал, не может быть середины или общего места. Римский католик утверждает, что Церковь создала Библию и сформулировала авторитетные традиции, и, следовательно, Церковь, как законодатель и толкователь Библии, является высшим авторитетом. Протестант начинает с отрицания авторитета Церкви и апеллирует к Библии как к высшему авторитету. Логика и история в совокупности говорят о том, что протестантизм должен сделать свою теорию хорошей, иначе он потерпит поражение. Отсюда следует вывод

Вывод первый.

Протестантизм должен полностью принять Библию как высший и единственный стандарт веры и практики, иначе он будет разбит между верхним жерновом римского католицизма и нижним жерновом иррелигиозного рационализма.

Настали годы для принятия решения. Откат в сторону римского католицизма и рационализма уже наметился. Потери, уже понесенные протестантизмом, хотя это и неполноценное движение, могут быть восстановлены только путем быстрых и энергичных действий.

Эти выводы относительно будущего протестантизма, опубликованные в редактируемом автором этой книги журнале "The Sabbath Outlook", были прокомментированы газетой "Catholic Mirror", Балтимор, под датой 19 марта 1892 года следующим образом:

"Спасет ли "Писательская простота" протестантизм?".

"Такое развитие христианства - предполагаемое как языческое и, следовательно, развращенное - естественно, вызывает большую тревогу у христиан, которые так к нему относятся. Мы уже сказали несколько слов, чтобы показать, насколько беспочвенны эти опасения. Но больше всего беспокойства доставляют сила и масштабы развития. Видно, что ключ к нынешнему положению находится в руках католической церкви; поэтому христиан предупреждают, что они должны вернуться к "простым истинам Нового Завета", если не

хотят уступать развитию. Один из этих людей, здравомыслящий, последовательный протестант, комментируя исследования Харнака, смело заявляет: "Протестантизм должен отказаться от этих гностических спекуляций и восстановить христианскую веру и практику на основе записей Нового Завета первого века или остаться безнадежно слабым в своих попытках преодолеть прилив римско-католического влияния и истории". Он добавляет: "Это жизненно важная истина, которую протестантизм должен признать и действовать в соответствии с ней незамедлительно, иначе в следующем столетии он потерпит сокрушительное поражение от сил римского католицизма, иррелигиозного рационализма и мирской жизни".

"В этой ноте тревоги есть поразительное признание. Влияние римского католицизма и его история" - это прилив, который наступает с непреодолимой силой. Предупреждение ясное и сильное. В нем нет ни одного неопределенного звука.

"Само собой разумеется, что мы не можем испытывать никакого удовольствия (Боже упаси!), но только печаль, представляя себе "сокрушительное поражение" наших братьев-христиан от "безрелигиозного рационализма" или "мирской жизни". Мы не будем применять термин "поражение" к тому, что их заставили увидеть истину и подчиниться Католической Церкви. Сейчас мы задаемся вопросом, есть ли практическая польза от данного им предупреждения; вероятно ли, что протестантизм когда-нибудь вернется к так называемым "простым истинам Нового Завета". Мы не верим, что он вернется или сможет вернуться.

"Если рассмотреть, что представляет собой современный протестантизм, - как много он усвоил от церковной идеи, католической идеи, - можно увидеть, насколько бесполезно ожидать чего-либо подобного. Начнем с того, что все или огромное большинство протестантов, принимая смену субботы на воскресенье - с последнего на первый день недели, - спокойно признают внеписательский авторитет, авторитет Церкви. Знаменитая фраза Чиллингворта: "Только Библия - религия протестантов" - оставляет этот пункт, по крайней мере, за рамками расчетов. Невольно наши отделившиеся братья действуют здесь по католическому принципу, который не отрицает Писание и не отменяет его, но делает Правило Веры состоящим из *Писания и чего-то* еще - даже *Предания*; и по этому принципу вечно живой голос Церкви говорит с авторитетом, всегда равным письменному откровению, а иногда, очевидно, и превосходящим его".

Вопрос не в названии, не в деноминации, не в "Церкви" против "сект". Как было сказано выше, речь идет о *восстановлении Библии* в качестве высшего правила протестантского христианства. Протестантское движение началось именно с этого вопроса. Вне этого вопроса протестантизм существовать не может. Если это не так, то протестантизм - провал. Если это правда, то протестантизм не может оставаться на своем месте и выжить. Если это не так, то романизм имеет логическое и историческое право на поле. Он является хозяином положения, и его ожидания, что заблуждающиеся протестанты вернутся к "Матери-Церкви" или безнадежно отступят от христианства, осуществляются через меньшее время, чем протестантизм уже просуществовал. Эти факты требуют внимания всех сторон. Они звучат в том же ключе, что и слова профессора Харнака, сказанные в июле 1889 года. Я сказал ему: "Будет ли протестантизм следующего столетия более духовным, чем сейчас, или менее?" Он ответил: "Он будет более духовным или умрет". Я продолжил: "Если он умрет, то какова будет следующая сцена в истории церкви?" Он сказал: "Римский католицизм овладеет миром как новая форма язычества". Это не слова алармиста или сектантского полемиста; это законные выводы, сделанные внимательным изучающим всеобщую историю. Задумаетесь ли вы над ними?

(2) Библейское толкование; высшая критика.

Тот, кто прочитал главы о гностицизме и аллегорическом методе толкования Библии и проследил влияние этих языческих элементов на историю библейского толкования, не может не увидеть направляющую руку Бога в движениях последней половины этого века. Возрождение изучения Библии, развитие "Международных уроков", призыв к чему-то лучшему и рост экзегетической литературы составляют эпоху не менее важную, хотя и менее шумную, потому что менее политическую, чем подъем лютеранства, развитие кальвинизма или рождение английской Реформации. Последняя половина этого века стала свидетелем того, чего не видел ни один другой век, - начала систематического изучения Библии народом. Такая эпоха не могла не породить "высшую критику". Этот этап эпохи изучения Библии - такой же закономерный результат, как "Вормская диета" - восстания Лютера или пуританство - английской Реформации. Поэтому:

Вывод второй.

Библейские исследования и библейское толкование, включая "высшую критику", открывают вторую великую особенность протестантского движения.

Лютер и его соратники освободили Библию от оков и открыли ее страницы. Они не устранили, да и не могли устранить традиционный авторитет и влияние из ее экзегезы. Традиционализм был во многом языческим. Он господствовал на протяжении веков, и во многих отношениях господствует до сих пор. Вся прошлая экзегеза нуждается в повторном испытании в огне благочестивой критики. Эта критика должна ввести норму Христа: "По плодам их узнаете их". Вылейте экзегетический и богословский традиционализм в это горнило. Нагрейте его в огне самой лучшей и благочестивой учености. Пусть смелые сердца и заботливые руки удалят отбросы, не боясь последствий. Библия и протестантизм предстают перед судом в последние годы девятнадцатого века. Если протестанты верны и тверды, то не стоит опасаться за конечные результаты. Если же нет, то в последние годы двадцатого века мы будем сидеть в мешковине у открытой могилы христианства, которое хорошо начало искоренение язычества, но не имело храбрости, а значит, и сил, чтобы закончить эту работу.

(3) Относительно крещения.

Первостепенный вопрос, касающийся остатка, пришедшего из языческого водопоклонения, заключается, прежде всего, не в *способе* крещения; хотя исторически, логически и символически не существовало никаких *способов* крещения, пока их не привнесло язычество. Язычество погружало, орошало, окропляло. Оно погружало один раз или три раза. При использовании святой воды оно кропило многократно и бесконечно. Согласно Новому Завету, крещение - это погружение в воду, как символ смерти для греха и воскресения для праведности. Все, что выходило за рамки этого, было языческим.

Центральная точка зла, пришедшего из языческого водопоклонения, находится в "крещенском возрождении", *то есть* в идее, что благодаря силе и святости воды достигается духовная чистота, и кандидат становится пригодным для членства в Церкви и для небес. В той мере, в какой эта идея сохраняется, сохраняется и язычество. Наиболее яркие примеры этого остатка, сохранившиеся до наших дней, можно найти в использовании "святой воды", в теории, что бессознательный младенец, на которого в качестве религиозной церемонии была налита вода, тем самым становится членом органической церкви, и его

будущее спасение таким образом гарантировано; в идее, которой до сих пор придерживаются некоторые, что "возрождение" происходит только в связи с погружением; и в общей идее, что крещение - это "спасительное таинство".

Вывод третий.

Суть вопроса о крещении, как и о спасении через веру, заключается в послушании, соответствии примеру Христа; отсюда не следует, что тот, кто остается некрещеным, если в нем нет духа непослушания и пренебрежения, не может войти в Царство Небесное.

(4) Саббатизм.

Вопрос о субботе - это не просто "вопрос о днях". Основополагающая концепция сосредоточена вокруг того факта, что *Бог должен приходить к людям в священное время*. Вечность - это атрибут Бога, а отмеренный отрезок, который мы называем "временем", - это точка, где Бог и человек сходятся вместе как Творец и творение. Именно здесь мы "живем в Нем". Писание и внеписательская история показывают, что человек всегда испытывал потребность в общении с Богом через священное время и что Бог всегда стремился удовлетворить эту потребность. Физический отдых не является главной идеей субботы. Это лишь средство для достижения более высоких целей, а именно: общения с Богом, религиозной культуры и духовного развития. Но поскольку время также является сущностью человеческого существования, поскольку речь идет о деятельности и обязанностях, и поскольку то, как люди используют время, определяет характер каждой человеческой жизни, особое священное время, которое должно представлять Бога и привлекать людей к Нему, становится существенной частью нравственного и религиозного правления Бога для человека. Суббота берет свое начало в желании и цели Бога помогать людям в святости и культуре, а также в потребности человека в Боге и духовном общении. Попутно, в качестве подчиненного фактора, суббота также является физическим благословением для человека. Но ее первичная, центральная мысль - религиозная, и физическое благо во многом зависит от мотива отдыха. Четвертая заповедь воплощает в себе эти глубинные принципы и является Божьим законом о субботе. Авторитет закона заключается в причинах и необходимости, которые лежат в его основе.

Иудеи не достигли или потеряли из виду этот высший закон о субботе и свели его соблюдение к бессмысленным формальностям и бесполезным обременениям. Христос отбросил все это, прославил и утвердил субботу, расширив ее и сделав благословением, а не рабством. Своим примером и словами Он научил Своих последователей, как рассматривать и соблюдать ее.

Язычество, исполненное антииудейских предрассудков против авторитета Ветхого Завета, не внимало учению Христа о субботе, но провозглашало, что это "иудейское установление, к которому христиане не имеют никакого отношения". Подхваченное волнами этой ложной теории, воскресенье и связанные с ним языческие дни постепенно вытеснили субботу. Воскресенье темных веков и "континентальное воскресенье" наших дней - это необходимые результаты. Насколько языческое христианство могло это сделать, саббатизм был убит и похоронен. Остаток, деноминационные прародители нынешних баптистов седьмого дня, отказались принять языческую теорию и остались верны субботе через все изменения, от апостолов до английской Реформации. Они не всегда были организованы, но поддерживали свет. В этой Реформации баптисты седьмого дня вышли на передний план, требуя признания

авторитета четвертой заповеди и возвращения к соблюдению субботы. В противовес им римские католики и епископалы продолжали утверждать, что обычаи и традиции церкви являются высшим авторитетом в вопросе соблюдения субботы. Между этими двумя партиями пуритан искала компромисс и придумала теорию (впервые выдвинутую Николасом Боундом в 1595 году н. э.), согласно которой заповедь, оставаясь обязательной, может быть перенесена на воскресенье. Этот пуританский компромисс был испытан, его надуманная святость исчезла, и многое в нынешнем состоянии воскресного вопроса является плодом этого необоснованного компромисса.

Воскресное законодательство, которое, как мы видели в предыдущей главе, было языческим по замыслу и форме, сохранилось, став заметным элементом пуританской теории. В настоящее время (1892 г.) в Соединенных Штатах предпринимаются активные усилия, чтобы спасти неудачную судьбу воскресенья путем возрождения воскресных законов. Если это и удастся сделать, то не без последствий. Вердикт истории и гений Царства Христова в совокупности говорят о том, что людей нельзя исправить парламентским актом или побудить к соблюдению какого-либо священного дня с помощью гражданского законодательства. Если возвеличивать только "день отдыха", то результатом будет не соблюдение субботы, а праздность. Если настаивать на соблюдении воскресных законов, это приведет к их отмене.

Вывод четвертый.

(а) Ни один день никогда не соблюдался как суббота, кроме как под идеей Божественной власти.

(б) Все, что меньше этого, способствует праздности.

(с) Для соблюдения воскресенья нет никаких оснований в Писании и, следовательно, в истинно протестантском понимании.

Единственная альтернатива - вернуться к соблюдению субботы, седьмого дня, по закону послушной любви, такой любви, какую Христос питал к воле Своего Отца; или же плыть по течению бессаббатизма, которое, будучи временно остановлено пуританским компромиссом, теперь несется еще более бурно, чем прежде. Вопрос стоит так: *христианский саббатизм и суббота или языческий праздник и воскресенье.* Кульминационные события требуют этого выбора, и в конечном счете - *всеобщего субботства.*

(5) Христианство и государство.

Некоторые поверхностные исследователи утверждают, что союз христианства с гражданской властью был порождением древнееврейской теократической идеи. Это утверждение безосновательно. Теократия была государством внутри Церкви. Языческая теория, примененная к христианству при Константине и его преемниках, дала Церковь, над которой доминировало государство, и которая регулировалась, в том что касается управления и веры, гражданским законодательством.

История написала несколько ясных и актуальных вердиктов относительно отношений, которые должны существовать между христианством и гражданской властью. Каждый вердикт подчеркивает истинность слов Христа: "Царство Мое не от мира сего". Отношения между христианством и гражданской властью, начавшиеся при Константине, нанесли неисчислимый вред христианству как духовной религии. Его политический триумф

овернулся самым катастрофическим поражением, которое стало важным фактором, приведшим к последующим векам упадка и тьмы. Более совершенные концепции гражданского управления и растущая цивилизация улучшили положение государственных церквей после Реформации; но духовное христианство везде и всегда требует "упразднения". Необычно, что в Соединенных Штатах, где был самый близкий подход к религиозной свободе, мы сталкиваемся с двумя фазами религиозно-гражданского законодательства, которые сейчас объединяются, и которые, как бы хорошо они ни были сформулированы, больше напоминают дух девятого века, чем девятнадцатого, или Нового Завета. Эти движения - "Национальная реформа", которая стремится христианизировать нацию, внося имя Христа в национальную конституцию, и популярное сейчас движение за воскресный закон. Есть несколько пунктов, на которые нацелена Национальная реформаторская ассоциация, такие как развод, азартные игры и т. д., которые находятся в компетенции гражданского права; но ее главная цель - добиться принятия законодательства по всем пунктам, охватываемым Десятью заповедями, - является в корне языческой по своей концепции и намерениям. Добрые люди, возглавляющие это движение, считают, что их теория правления - истинная, и что ее принятие принесет великое благо. Но вердикт всех веков, прошедших с тех пор, как языческая концепция была привнесена в христианство, запрещает верить в их схему как в средство христианизации нации.

Что касается воскресного законодательства, то мы видели, что его происхождение было абсолютно языческим, и что оно во все времена разрушало истинный субботизм. Если бы самые смелые надежды нынешних агитаторов могли осуществиться; если бы гражданский закон заставил всех граждан Соединенных Штатов отдыхать в воскресенье, то каждый год существования такой системы все глубже погружал бы народ в трясину без-субботничества. "Континентальное воскресенье" - это продукт теологии отсутствия субботы и гражданского воскресного законодательства. Сторонники воскресного закона стремятся к верховенству неписаного субботаства, связанного с воскресеньем гражданским законом. Эта идея была полностью опробована в те времена, когда люди относились к воскресенью как к священному дню гораздо больше, чем сейчас. Но при всем том, что "пуританское воскресенье", благодаря силе молодости и честному невежеству масс относительно его истинного характера, вернулось к своему первоначальному празднику, несмотря на церковь и государство вместе взятые. Оно не могло бы поступить иначе, даже если бы случайное сочетание влияний вновь возвысило его на время. Религия и совесть имеют право на защиту гражданского закона, независимо от вероисповедания или численности. Если безнравственность практикуется во имя религии, она может быть пресечена как безнравственность. За пределы такой защиты государство не может выходить.

Вывод пятый.

Всякий союз Церкви и государства, или христианства и государства, порожден язычеством и противоречит гению и цели царства Христова.

Последние слова.

С какими бы предрассудками или представлениями читатель ни подходил к прочтению этих страниц, он не сможет закончить их, не увидев, что многое из того, что дошло до нас под названием "христианство", настолько окрашено язычеством, что не отражает того, чему учил Христос. Чистота самого раннего христианства была источником его удивительной завоевательной силы. После язычества и объединения с государством оно продолжало завоевывать, но уже мечом, а не духом Божьим. Это явное доказательство божественного характера христианства, что оно не было полностью уничтожено в результате контакта с

язычеством. Превосходным доказательством того же божественного происхождения является то, что оно смогло восстать из могилы темных веков с такой энергией, которая породила Реформацию и довела это дело до уже достигнутого результата. Но в ожидающих его кризисах, в решении стоящих перед ним проблем протестантское христианство должно осознать, что его особая миссия заключается в завершении работы по ликвидации остатков язычества, работы, хорошо начатой реформаторами, но которую необходимо продолжить до высших побед или скатиться к низшим поражениям. Когда последнее пятно язычества будет удалено, мир увидит христианство, которое будет прежде всего *жизнью в чистоте*, через любовь к Богу, истине и людям, а не *вероучением*, воплощающим рассуждения о непознаваемом и абстракции о неразрешимом. В таком христианстве Библия, истолкованная просто, без аллегорий и допущений, в свете ее собственной истории, будет занимать первое место. Суббота как Божий день, свободный от обременительного формализма и наполненный добрыми делами и духовной культурой, будет восстановлена; и это признание ее как вечно повторяющегося представителя Бога в человеческой жизни сделает многое, чтобы привнести тот универсальный субботизм, к которому Бог терпеливо ведет Своих любящих истину детей. Языческое воскресенье с его ложными претензиями уйдет в прошлое. Крещение как символ входа в Царство Христа через духовную жизнь и веру в Него больше не будет ни предметом полемических разборок, ни многоликим образом языческого водопоклонения, ни создателем ложного стандарта членства в Церкви через "крещение-возрождение". В тот лучший день гражданский закон предоставит всем религиям полную защиту и полную свободу, без различия большинства или вероисповедания. Он не будет ни противостоять гонениям, ни контролировать их под видом защиты. Преследования евреев в России и бесполезные попытки сделать мир святым с помощью парламентских актов канут в Лету. Чтобы ускорить это время, далекое или близкое, написаны эти страницы; и тот, кто их пишет, будет благодарен, если они внесут какую-то лепту в освобождение нашей святой религии от яда языческих остатков и дадут ту высшую духовную жизнь, к достижению которой все формы, церемонии, времена и учреждения должны приводить христоролюбивых людей.

ССЫЛКИ:

[1] Это было на следующий день.

[2] История Рима, Томас Х. Дайер, LL.D., стр. 295, Нью-Йорк и Лондон, 1877.

[3] "Древнеримский мир", Джон Лорд, доктор права, глава xiii., стр. 558 и далее, Нью-Йорк, 1873.

[4] Очерки истории религий, профессор К. П. Тиле, перевод с голландского Дж. Э. Карпентера, стр. 242, 244. Лондон и Бостон, 1877.

[5] Epitome Annalium Cardinalis Baronii, a Spondano. In Dues Partes. p. 79, Lugduni, 1686.

[6] De Inventore Rerum, lib. v., cap. i., Venetus, 1490.

[7] Древности Франции, lib. 2, cap. 1.

[8] Faux Visage de l'Antiquité.

- [9] Которые можно найти в издании, напечатанном с привилегией короля в Лионе Уильямом Руйлем, anno 1556.
- [10] Соответствие между древними и современными церемониями, Лейден, 1677, с. 4, 5.
Оригинал см. в *Veterum Romanorum Religio*, Guilielmo du Choul, Amstelædami, 1685, p. 216.
- [11] Middleton's Works, vol. iii., pp. 117, 118, London, 1752. См. также Aringhus, *Rom. Subter.*, tom. 1, lib. i., с. 21.
- [12] Последние результаты персидских исследований, в "Набросках философии истории" К. Дж. Бунзена, гл. 3, сес. 1, часть 1, из первой части, Лондон, 1854.
- [13] История разложения христианства, т. ii, с. 441, 442, Бирмингем, 1782.
- [14] Ирландская раса в прошлом и настоящем, преподобный Ог. Тебо, С. Дж., с. 63, Нью-Йорк, 1876.
- [15] Христос и другие мастера, Чарльз Хардвик, М.А., часть 2, с. 183, Кембридж, 1857.
- [16] Церковь в катакомбах и т. д., автор Чез. Maitland, M.D., p. 306, London, 1846.
- [17] Вечера с романистами, стр. 221-223, Лондон, 1854.
- [18] Восточное солнцепоклонничество.
- [19] Влияние Рима на христианство, Hibbert Lectures for 1880, p. 33 ff.
- [20] Старая католическая церковь и т. д., У. Д. Киллен, доктор философии, с. 44-6, Эдинбург, 1871.
- [21] Жития отцов, т. i., с. 350-1, Эдинбург, 1889.
- [22] Четыре лекции о некоторых эпохах ранней церковной истории, Чарльз Меривейл, доктор философии, декан Эли, стр. 149-155, Нью-Йорк, Рэндольф; без даты.
- [23] Древнее поклонение символам, Вестропп и Уэйк, стр. 94, 96, Нью-Йорк, 1874.
- [24] Апостольские и послеапостольские времена, Г. В. Лехлер, доктор философии, стр. 262, 263.
- [25] Ср. Хиббертские лекции за 1888 год, Эдвин Хэтч, доктор философии, лекция i.
- [26] См. "Гностики и их останки", К. У. Кинг, М.А., с. 5, Лондон, 1887.
- [27] См. Harnack, *Dogmengeschichte*, vol. i., chap. 4.
- [28] Церковная история, т. i., p. 566, N. Y., 1882.
- [29] *Dogmengeschichte*, vol. i., chap. 4.
- [30] Bauer, *Church Hist.*, vol. i., p. 191, London, 1878.
- [31] *Hom.*, ll., ii., 204.
- [32] Ps. Юстин. (вероятно, Аполлоний, см. Dräseke, в *Jahrb. f. protestant. Theologie*, 1885, p. 144), гл. xvii.
- [33] *Hom.*, ll., xviii., 483.

- [34] Ps. Justin., chap. xxviii.
- [35] Hom., II., xiv., 206; также Clem. Alex., Stroma., v., 14.
- [36] II., xxii., 8; Clem. Alex., Stroma., v., 14.
- [37] Гиппол., Philosophoumena, vi., 14.
- [38] Ирод., iv., 8-10.
- [39] Hippol., v., 21.
- [40] Hibbert Lectures for 1888, Lecture iii., pp. 69, 70, 72.
- [41] Ирений, Против ересей, книга i., глава viii.
- [42] Ирений, Против ересей, кн. i., гл. viii.
- [43] Стромы, кн. I, гл. iii.
- [44] Стромы, кн. vi., гл. xi.
- [45] Влияние греческой мысли и т. д., с. 77.
- [46] В цитатах из Отцов слова и положения в скобках напечатаны как "вставленные слова" в Антиникейской библиотеке Т. и Т. Кларк, Эдинбург.
- [47] Послание, гл. viii.
- [48] Послание, гл. ix.
- [49] Послание, гл. x.
- [50] Это настоящая или притворная цитата из какой-то неизвестной апокрифической книги.
- [51] Послание, гл. xii.
- [52] Диалог с Трифоном, гл. lxxxvi.
- [53] Здесь можно сослаться на Исаяю liv., 9, но ни в Исае, ни в других местах Библии нет ничего похожего на то, что утверждает Юстин.
- [54] Диалог и т. д., гл. cxxxviii.
- [55] Ante-Nicene Library, T. & T. Clark, vol. vi., p. 500.
- [56] Послание Климента, гл. xxv.
- [57] Строматы, кн. vi., гл. xvi.
- [58] Против Маркиона, кн. iii., гл. xviii.
- [59] Письмо lv., глава xvii., пар. 31.
- [60] Старая католическая церковь", У. Д. Киллен, доктор философии, стр. 99, 100, Эдинбург, 1871.
- [61] Конфликт христианства с язычеством, с. 346, 347.

[62] Анализ древней мифологии, Джейкоб Брайант, третье издание, шесть томов. London, 1807, vol. i., page 255.

[63] Перевод Джамбликуса-Тейлора, "Мистерии египтян, халдеев и ассирийцев", стр. 141, Чизвик, 1821.

[64] Там же, р. 144.

[65] Энеида, книга viii., строки 70-82.

[66] Фасты, книга iv., между строками 728 и 779.

[67] Метаморфозы, книга i., басня 10, строка 651 f.

[68] Геродот, книга vii., раздел 54, страница 431, N. Y., 1848.

[69] Сатира vii., строки 520-30, стр. 59, перевод Эванса, Bohn, Лондон, 1852.

[70] Кабиры, "каратели из древней мифологии, исполняющие свои прежние обязанности в новой диспенсации".

[71] Гностики и их останки, с. 141 и далее.

[72] Там же, с. 6.

[73] Там же, с. 154.

[74] Там же, с. 329, 330.

[75] The Gnostics and Their Remains, p. 224.

Ссылки на Ипполита, сделанные Кингом, можно найти в vol. vi., Ante-Nicene Library, Edinburgh, 1877, pp. 126-194, особенно 150, 151. Стоит прочитать пятую книгу его "Опровержения всех ересей", чтобы увидеть, насколько сильно вода, как божественное агентство и сила, вошла в различные фазы гностической системы. Оригинал цитат из гностического Евангелия, Пистис София, можно найти в лондонском издании на латыни 1856 года.

[76] Там же, р. 106.

[77] Egyptian Belief and Modern Thought, p. 416, London, 1878.

[78] Христос и другие мастера, часть iv., с. 84.

[79] Брахманизм и индуизм, автор сэр Монье-Уильямс, М.А., Д.К.Л., Лондон, 1887, с. 172.

[80] См. с. 447.

[81] Там же, р. 437 и далее.

[82] Religious Thought and Life in India, p. 346, London, 1883.

[83] Buddhism, etc., p. 356, 357, New York, 1889.

[84] The Wheel of the Law; Buddhism, Illustrated from Siamese Sources, by Henry Alabaster, London, 1871, pp. 30, 31.

- [85] Современный индуизм, У. Дж. Уилкинс, стр. 219, Нью-Йорк, 1887. См. также "Религии Индии" А. Барта, стр. 278 и далее, Нью-Йорк, 1882.
- [86] Буддизм в его связи с брахманизмом и индуизмом, и в его контрасте с христианством, второе издание, Лондон, 1890.
- [87] См. "Бирма" г-на Скотта, ii., 48.
- [88] Рр. 341, 342.
- [89] Р. 344.
- [90] The Progress of Religious Ideas, New York, 1853, vol. i., p. 124.
- [91] Северные древности древних скандинавов, переведено с французского П. Х. Малле епископом Перси, издание пересмотрено Дж. А. Блэкуэллом, Лондон, 1847, р. 206.
- [92] Происхождение и развитие религиозных верований, С. Баринг Гулд, М.А., Лондон, 1869, с. 393.
- [93] Подробности см. в "Ueber die Wasserweihe des Germanischen Heidenthumes", von Konrad Maurer, опубликованном в "Transactions of the Bavarian Academy of Science" за 1880 год.
- [94] См. по этому вопросу Marquardt, Das Privat-leben der Romer, i., pp. 81, 82.
- [95] Том ii., стр. 586, 587.
- [96] Vol. ii., pp. 588, 590.
- [97] Некоторые атрибуты языческой богини Хольды перешли в поклонение Марии в Римско-католической церкви.
- [98] Сравните это с тем, что говорит Плиний, и с использованием плевка римскими католиками при крещении. [Глава V. этой книги.](#)
- [99] См. "Краткий рассказ о Святом ручье и т. д." Джона Гутслаффа, пастора в Урбсе в Лифляндии, Дерпт, 1644, стр. 25, 258.
- [100] Завоевание Мексики, т. iii., p. 369 f., Филадельфия, J. B. Lippincott.
- [101] Hist. de Nueva Espana, lib. vi., cap. xxxvii.
- [102] The Native Races, Myths, and Languages, vol. iii., p. 369 seq., San Francisco, 1882.
- [103] Antiquities of Greece, by John Potter, D.D., vol. i., pp. 261-263, Edinburgh, 1832.
- [104] См. Сатира vi., строка 522.
- [105] Происхождение и развитие религиозных верований, С. Баринг Гулд, М.А., т. i., с. 397, Лондон, 1869.
- [106] См. Keil, Attische Culte aus Inschriften, Philologus, bd. xxiii., 212, 259, 592, 622; также Weingarten, Histor. Zeitschrift, bd. xlv., 1881, p. 441 ff.
- [107] См. Тертуллиан, De Baptismo, гл. v.; и Клемм Алекс., Strom., кн. v., гл. iv.
- [108] См. Хэтч, Влияние греческих идей и обычаев на христианскую церковь.

[109] Ср. Клемм. из Алекс., Увещание к язычникам, гл. хii.

[110] Ср. Хэтч, как указано выше; и Ленорман, в "Современном обозрении" за сентябрь 1880 года.

[111] "Возражение, которое делает Цельс (с. Cels., i., 1, Keim, p. 3) против тайны христианских объединений, вряд ли было бы обоснованным в апостольский век. Ориген признает (с. Cels., i., 7), что в христианстве есть экзотерические и эзотерические доктрины, и обосновывает это (1) философией, (2) мистериями. О возникновении такого представления о христианском учении как о чем-то, что должно быть скрыто от массы, см. валентинианцев в Tert., с. Valent., i., где проводится прямая параллель между ними и тайнами; также разделение людей на два класса - πνευματικοί и ψυχικοί или ὑλικοί, - среди гностиков. Однако именно эта тайна была естественной в Церкви. Ср. Кирилл Иер., Катех., vi., 30; Авг. на Псалом ciii.; Ном., xcvi., на Иоана; Феодорит, Quæst. xv., на Числа, и Dial., ii., (Inconfusus); Chry., Ном., xix., на Матф. Причина, по которой Созомен (i., 20, 3) не дает Никейского вероучения, значительна как в отношении мотива, так и в отношении языка" -Hibbert Lectures, 1888, p. 293 и сноска.

[112] Ср. Hatch, p. 294 и далее.

[113] Апол., i., 61.

[114] Ср. Клемм. из Алекс., Стромы, кн. ii., гл. iii.

[115] Златоуст, Ном., 85, в Joan, xix., 34.

[116] Ср. Апостол. Const. и Bingham Antiq. in loco.

[117] Hatch, p. 298.

[118] Ср. Dic. Chris. Antiq., "Крещение" и "Символ веры".

[119] Com. Praev. Ad. Ord. Rom. Museum, Ital., ii., xcix.

[120] Hatch, p. 299.

[121] Рр. 307-308.

[122] Vestiges of Ancient Manners and Customs in Italy and Sicily, by John James Blunt, pp. 164, 165, and 167. Лондон, 1823.

[123] Персей, Сатира ii., 31.

[124] Естественная история, книга vii., глава ii., том ii., стр. 126. Лондон, издание 1856 года.

[125] Естественная история, книга хviii., глава vii., том v., стр. 288-90. Лондон, 1856.

[126] О крещении, Антиникейская библиотека, т. xi., стр. 231 и далее.

[127] Послание Варнавы, гл. xi., Антиникейская библиотека, т. i., с. 120, 121.

[128] Первая апология, гл. ii., Антиникейская библиотека, т. ii., с. 59. Т. и Т. Кларк.

[129] Нумерация в соответствии с томом viii Антиникейской библиотеки. Издание Кларка.

[130] Том ii. "Ипполит и его век", стр. 236.

[131] Ипполит и его век, автор К. К. Дж. Бунзен, д.к.л., т. ii, с. 321-7. Лондон, 1852.

[132] Паломничество в Рим, преподобный М. Хобарт Сеймор, М.А., с. 537. Лондон, 1848.

[133] История разложения христианства, Джозеф Пристли, LL.D., F.R.S., vol. ii., p. 111. Бирмингем, 1782.

[134] Письмо из Рима, Коньерс Миддлтон, доктор философии, Сочинения, том iii., p. 71 и далее. Лондон, 1752.

[135] Orations, etc., p. 115. Оксфорд, 1755.

[136] См. "Церковный прогресс и католический мир", Сент-Луис, штат Монако, 5 июля 1890 г.

[137] Паломничество и т. д., с. 527.

[138] Там же, p. 535.

[139] Евсевий, Ecc. Hist., vi., x.

Эта ссылка на Евсевия должна относиться к книге x., главе iv., p. 375 тома i. Издания компании "Христианская литература", вторая серия. Описание, данное Евсеем, показывает, что святая вода играла важную роль в христианской церкви в Тире уже в 315 году н. э. См. также Bingham, Antiquities, book viii., chap. iii. Церковные здания, описанные Евсеем и Бингемом, содержали множество выдающихся элементов поклонения солнцу, связанных с эмблемами водопоклонения.

[140] Rome, Pagan and Papal, by Mourant Brock, M.A., p. 107 ff. London, 1883.

[141] Матф. iii., 11.

[142] The Two Babylon, by Rev. Alexander Hislop, p. 142 ff., seventh edition, London.

[143] Числа xxv.

[144] Судьи ii., 13; iii., 7; vi., 25 и далее; x., 6; 1 Цар. vii., 4; xii., 10.

[145] 1 Царств xvi., 31 и далее, и xix., 10.

[146] 2 Царств x., 18-28, и xvii., 16.

[147] 2 Царств xviii., 4 и xxi., 3.

[148] Когда Иисус Навин, слуга Иеговы, повелел солнцу остановиться, была дана наглядная демонстрация власти Бога, сотворившего небо и землю, над богом солнца, в которого верили языческие враги Израиля.

[149] Диалог с Трифоном, гл. x.

[150] Там же, гл. xi.

[151] Там же, гл. xii.

[152] Диалог и т. д., гл. xviii.

[153] Против иудеев, главы ii и vi.

[154] Матфей v., 17-19.

[155] Матфей xxii., 35-40.

[156] 17-й стих.

[157] Римлянам iii., 31.

[158] Римлянам v., 13, 14.

[159] Пример Христа и Его апостолов в отношении соблюдения субботы подробно рассматривается в книге "Библейское учение и т. д.", стр. 26-44.

[160] Римлянам v., 13.

[161] Матф. xxviii., 1-8; Марк xvi., 2; Лука xxiv., 1-3; Иоанн xx., 1.

[162] Деяния xx., 7.

[163] 1 Кор. xvi., 2.

[164] Иоанна xix., 23 и 26, и Откр. i., 10.

[165] Обсуждение вопроса о времени воскресения Христа см. в "Библейских учениях" и т. д., написанных автором.

[166] Читатель найдет этот вопрос подробно рассмотренным в "Библейском учении о субботе и воскресенье", стр. 26 и далее. Если такой книги под рукой нет, возьмите Библию и Конкорданс и изучите каждый отрывок Нового Завета, где встречается слово "суббота". Ср. также "Комментарий к субботе" Бейли.

[167] Для изучения подлинных и поддельных трудов, которые приводятся в пользу соблюдения воскресенья до времени Юстина Мученика, обратитесь к "Критической истории субботы и воскресенья в христианской церкви", автор, стр. 33-69.

[168] Гл. lxvii.

[169] Суббота: An Examination of the Six Texts, p. 274 seq., London, 1849.

[170] Строматы, книга v., гл. xiv.

[171] Строматы, кн. vii., гл. xii.

[172] Строматы, кн. vii., гл. xvi.

[173] Строматы, книга vi., глава xvi.

[174] De Idolatria, гл. xiv.

[175] Церковная история, т. iii., с. 131, 132, Нью-Йорк, 1884.

[176] Институты Юстиниана, Томас Коллетт Сандарс, Оксфорд, Англия, Введение, стр. 4, Чикаго, 1876.

[177] Prolegomena of the History of Religions, by Albert Reville, D.D., p. 169, London, 1884.

[178] Наброски истории религий, К. П. Тиле, Бостон, 1877, стр. 237, 238.

[179] Schaff, History of the Christian Church, vol. ii., pp. 58, 59.

[180] Упадок и т. д., т. i., с. 170, 171, Нью-Йорк, 1883.

[181] *Ibid.*, vol. i., p. 361.

- [182] Hist. Христианство, кн. II, гл. ix.
- [183] Жизнь и слова Христа, т. i., с. 53, 54. Appleton & Co., 1883.
- [184] См. Schaff, vol. ii., chap. 64 ff.
- [185] La Fin du Paganisme: Étude sur les Dernières Luittes Religieuses en Occident, au Quatrième Siècle. Par Gaston Boissier, de l'Académie Française, et de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres. Tome premier, p. 28, Paris 1891.
- [186] Старая католическая церковь и т. д., У. Д. Киллен, доктор философии, с. 70-72, Эдинбург, 1871.
- [187] Упадок и т. д., с. xxviii.
- [188] Беда, lib. i., с. xxx.
- [189] The Religions of the World, by F. W. Maurice, p. 185, London, 1886.
- [190] Четыре лекции по ранней церковной истории, Чарльз Меривейл, доктор философии, с. 13, 14, Нью-Йорк.
- [191] Там же, с. 45.
- [192] Всеобщая история Церкви, преподобный доктор Джон Алзог, том i., p. 471, Цинциннати, 1874.
- [193] Церковная история, т. iii, с. 14-18.
- [194] Cod. Justin., lib. iii., tit. xii., l. 3.
- [195] Codex Theod., lib. xiv., tit. x., l. 1.
- [196] Древности христианской церкви, кн. xx., гл. ii., разд. 2.
- [197] История христианства, кн. iii., гл. i. и iv.
- [198] Праздники и посты, с. 6.
- [199] Праздники и посты, с. 86 и далее.
- [200] Английские сочинения с оригинала MS. в Бодлианской библиотеке, кн. II, с. 75.
- [201] Исторические комментарии, кн. iv., гл. iv.
- [202] Воскресенье и Моисеева суббота (Аноним), с. 4.
- [203] Lect. V.
- [204] Филологический музей, i., 30.
- [205] Ср. Robert Cox, Sabbath Literature, vol. i., p. 359. Шотландские законы, упомянутые Коксом, см. в "Критической истории воскресного законодательства", автор, с. 144-146.
- [206] Гомилия 6, Послание к Ефесеям.
- [207] Стр. 222 тома ii "Сочинений Киприана" в Антиникийской библиотеке.
- [208] О катехизации необучаемых, гл. xxv., ¶ 48.

[209] Есс. Hist., кн. vii., гл. xxix.

[210] Там же, кн. ix, гл. xvii.

[211] Книга vii., гл. xxi.

[212] См. Иезек. viii, 14-18.

[213] Иер. vii., 17-19.

[214] С. 224, 226.

[215] Крест, древний и современный, Уилсон В. Блейк, с иллюстрациями, стр. 18, 19, Нью-Йорк.

[216] Крест, языческий и христианский, автор Моурант Брок, М.А., стр. 18, 57-59, Лондон.

[217] Умер в 460 году н.э.

[218] Буассье подробно описывает видение Константина и его последствия, которые привели его к принятию христианства. Он приводит цитату из Лактанция, воспитателя сыновей Константина, который описывает видение императора в своем трактате "Смерть гонителей". Это краткое изложение, приведенное Буассье, показывает, что знак, который Константин увидел в своем видении и который он выгравировал на своем военном штандарте, был не собственно крестом, а монограммой, известной под названием Chi-Ro. Лактанций описывает его такими словами: "Буква "X", пересеченная перекалиной, верхняя часть которой мягко изогнута, образуя таким образом монограмму Христа" (см. La Fin du Paganisme).

[219] Древности и т. д., кн. xvi., гл. v., разд. 6.

[220] Hom. viii., On Colossians.

[221] Гомилия liv., ¶ 7, О Евангелии от Матфея.

[222] Скорпион, xv.

[223] Древности, кн. xi., гл. ix., разд. 5.

[224] Древности, книга xi., глава x., разделы. 3 и 4.

[225] Трактат 118, О Евангелии от Иоанна.

[226] Эпистолы. 64 и 69.

[227] Жития отцов, Ф. У. Фаррар, доктор философии, Ф.Р.С., том i., стр. 332, 333, Эдинбург, 1889.

[228] Сократ, Эккл. история, кн. vii, гл. iv.

[229] Там же, глава xvii.

[230] Древности, кн. II, гл. II.

[231] Древности, кн. II, гл. vi., разд. 3.

[232] Древности, кн. xi., гл. vii., разд. 7.

[233] Город Божий, книга xxii., глава viii.

[234] См. Тертуллиан, Апологетика, гл. xlv. и Ad Uxorum, lib. ii., гл. vi.

[235] См. Hefele, History of the Councils, etc., to 325 A.D., pp. 150, 151. Издание Кларка, Эдинбург, 1872.

[236] The Church in the Catacombs, p. 225, London, 1846.

[237] См. Maitland, p. 228.

[238] Суд язычников", Теофил Гейл, часть iii., книга ii., глава ii., раздел 3, параграф 4.

[239] Строматы, кн. vii., гл. vii.

[240] Ad Nationes, глава xiii.

[241] Тевтонская мифология, Якоб Гримм, четыре тома, Лондон, 1883, т. ii., с. 115.

[242] Там же, том ii, p. 619.

[243] Там же, том ii, p. 613.

[244] Schaff, vol. ii., p. 254.

[245] The Two Babylon, seventh edition, London, p. 21 ff.

[246] Иер. xlv., 19.

[247] Two Babylons, p. 169. Ссылки на "Египтян" Уилкинсона - т. ii, с. 94, и т. v, с. 383, 384.

[248] Ovid, Fasti, bk. i.

[249] Hislop, Two Babylon, p. 106.

ВАЖНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ РАБОТЫ.

Евангельская критика и историческое христианство. Исследование Евангелий и истории евангельского канона во втором столетии; вместе с рассмотрением результатов современной критики. Орелло Коун, доктор философии. 8vo, ткань, золоченый верх \$1 75

"Книга богата материалом и является хорошим примером правильного изучения евангельской литературы" - "Общественное мнение", Вашингтон, округ Колумбия.

Религия человечества. By O. B. Frothingham. 4-е издание, 12mo, стр. 338 \$1 50

"Глубоко искренняя книга, работа того, кто много читал, тщательно изучал, терпеливо размышлял" - "Бостон Глоб".

Истории из уст учителя. Автор О. Б. Фротингем. Пересказанные учеником. Шестое издание, 16mo, стр. 193 \$1 00

"Это превосходная по стилю и мысли книга, которая заинтересует и молодых, и старых" - "Сион Геральд" (методист).

Истории патриархов. О. Б. Фротингем. Третье издание, 16mo, стр. 232 \$1 00

"Самые возвышенные уроки мужественности на простом детском языке" - Спрингфилдская республиканка.

Детская книга о религии. Автор О. Б. Фротингем. Для воскресных школ и домов. Новое издание, исправленное. 16mo, pp. xii. + 273 \$1 00

Трансцендентализм в Новой Англии. By О. В. Frothingham. A History. Второе издание. 8vo, pp. iv. + 394 \$1 75

"Книга написана мастерски и удовлетворительно" - Appleton's Journal.

Колыбель Христа. By О. В. Frothingham. Исследование примитивного христианства. 8vo, pp. x. + 234 \$1 50

"Scholarly, acute, and vigorous." - N. Y. Tribune.

Theodore Parker. By О. В. Frothingham. A Biography. 8vo, pp. viii. + 588 \$2 00

Геррит Смит. By О. В. Frothingham. Биография. 8vo, pp. 371 \$2 00

"Хорошая биография, верная, достаточно полная, написанная с энергией, изяществом и хорошим вкусом" - N. Y. Evening Post.

Belief of the Unbelievers. By О. В. Frothingham. 12mo, сшито 25

Говоря о проповедях мистера Фротингема, газета Springfield Republican отмечает: "Ни один человек с серьезными интеллектуальными способностями не может не заинтересоваться и не поучиться этими самыми вдумчивыми рассуждениями".

Бостонское унитариянство. О. Б. Фротингем. 1820-1840. Исследование жизни и деятельности Натаниэля Лэнгдона Фротингема. 8vo, pp. 272 \$1 75

"Книга для вдумчивого читателя не может не быть возвышенной и не наводить на мысли о высоких идеалах, высоком мышлении и благородной жизни" - Newark Advertiser.

Recollections and Impressions. By О. В. Frothingham. 1822-1890. 8vo \$1 50

G. P. PUTNAM'S SONS, New York and London

Примечания транскриптора:

Сноски перенесены в конец текста непосредственно перед указателем и перемаркированы последовательно по всему документу.

Пунктуация приведена в соответствие.

Орфографические и дефисные различия сохранены в том виде, в каком они встречаются в оригинальной публикации, за исключением исправления очевидных опечаток.

Внесены следующие изменения:

р. 78: ἐριδαῖοι заменено на ἐριδαῖοι (of Contentions (ἐριδαῖοι)[70])

р. 86: Сноска якорь вставлена (плотского совращения"[75]).

р. 113: περὶ ῥαίνειν заменено на περὶ ῥαίνειν и περιμάττεσθαι заменено на περιμάττεσθαι (таким образом: περὶ ῥαίνειν, περιμάττεσθαι, περιθειοῦν)

р. 121: φωτιξεσθαι заменено на φωτιζεσθαι (ψωτισμός, φωτιζεσθαι, "просветление)

р. 142: περιρραντηριον заменено на περιῥραντήριον (называется περιῥραντήριον; два)

р. 193: Вставлена сноска якорь (по сути, политические мотивы"[177]).

р. 197: Сноска вставлена (покровительница Оригена"[179]).

р. 236: ранее вставлено, как в цитируемом источнике (город ранее назывался)